

Крюков Михаил Васильевич

Интервью для проекта «Российское Китаеведение – устная история»

Interview with Mikhail V. Kryukov

“Russian Sinology – Oral History” Project

Крюков Михаил Васильевич (МК) Китаевед, д.и.н., профессор	Mikhail V. Kryukov Sinologist, Full Doctor (History), professor
Дата: 17 июня 2016 г.	Date: June 17, 2016
Место: Москва	Place: Moscow
Вели интервью: В.Ц. Головачёв (ВГ), М.Е. Кузнецова-Фетисова (КФ)	Hosted by: Valentin Ts. Golovachev; Marina E. Kuznetsova-Fetisova
Участник: Хуан Шу-ин (ХШ)	Participant: Huang Shuying (spouse)
Примечания: В.Ц. Головачёв, М.Е. Кузнецова-Фетисова	Footnotes: Valentin Golovachev, Marina Kuznetsova-Fetisova
Продолжительность: 5 часов	Duration: 5 hours

Крюков Михаил Васильевич (1932 г.р., г. Москва). Китаевед: историк, археолог, этнолог, источниковед. Доктор исторических наук (1972). Профессор. Окончил МГИМО МИД СССР (1955), Пекинский университет (1962). Академик Европейской академии, почётный член Британского королевского антропологического института. Сотрудник ИВ АН СССР (1955–1957), института этнографии (1962–2002), ИДВ РАН

(2002–2004). Профессор Тамканского университета (Тайвань, 1993–2002). Исследователь древней истории Китая, этнической истории Китая, истории советско-китайских отношений. Специалист по китайской археологии, эпиграфике, современным архивным источникам.

ВГ: Здравствуйте, Михаил Васильевич!

МК: Здравствуйте!

ВГ: Позвольте начать наше долгожданное интервью!

МК: Я готов.

ВГ: Сфера ваших интересов очень широка, и ваша деятельность тоже необъятна. Поэтому хочется начать с вопроса о том, кто вы, как вы сами идентифицируете себя в профессиональном плане?

МК: Ой, на такой вопрос очень трудно ответить...

ВГ: И всё же, кем считаете себя в первую очередь? Историком, археологом или этнографом, учёным или преподавателем, китаеведом или востоковедом?

МК: Большую часть своей жизни я отдал изучению Китая и, стало быть, могу считать себя китаеведом. А из всех разнообразных гуманитарных дисциплин меня всегда больше всего интересовала история.

ВГ: Где и когда вы родились?

МК: Я родился в Москве. Мои родители были с Волги, а потом переехали в Москву.

ВГ: Кем были ваши родители? Почему они переехали в Москву?

МК: Это было очень сложное послереволюционное время. Мой отец окончил юридический факультет Московского университета и был юристом. Но во время революции его юридические знания не находили применения, и он стал заниматься экономическими проблемами. Он уехал в Сибирь и там занимался кооперативным движением – тогда именно из Сибири пошла кооперация. Потом наступили очень трудные годы гражданской войны. Родители вернулись в Астрахань, откуда была родом моя мама. Какое-то время жили там, а потом отца пригласили в Москву – преподавать в экономическом институте. Они переехали и стали москвичами. Я родился в Москве 12 июля 1932 года.

ВГ: Как звали ваших родителей?

МК: Папу моего звали Василий Васильевич Крюков. Я – Михаил Васильевич. Мой сын – Василий Михайлович – такая у нас цепочка. Маму звали Нина Георгиевна Попова. У неё была большая семья, в том числе старший брат – Михаил Георгиевич Попов, о котором я в детстве ничего не знал. В семье у нас почти никогда не упоминали о нём. Говорили, что был «дядя Миша», но что с ним стало – было неясно. Меня это интриговало, и я заводил разговор про «дядю Мишу», а мама отвечала: «Хорошо, я потом тебе расскажу!» Но потом ничего не рассказывала, потому что он был расстрелян в 1930 году. А до 1930 года его жизнь была прямо «эпопеей», которую я попытался описать в своей книжке.

ВГ: Название книги – «Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова».

МК: Да. Он был первым советским эмиссаром, который вёл переговоры с Сунь Ят-сеном. Правда, мнение о Сунь Ят-сене у него сложилось резко отрицательное, и он отверг известный «северно-западный план» Сунь Ят-сена – Красная Армия приходит, побеждает одних милитаристов, побеждает других, а потом Сунь Ят-сен спокойно становится руководителем единого Китая...

ВГ: Выходит, Сунь хотел разогнать милитаристов руками советских военных?

МК: Да-да.

ВГ: Кем был ваш дядя?

МК: Мой дядя был профессиональным военным, полковником ещё царской армии. У него тоже была непростая судьба. Он был знаком с Николаем II, его дочка была крестницей Николая II. Потом началась революция. Михаил Георгиевич сразу принял революцию и его избрали командиром полка уже Красной Армии. Потом, когда Троцкий распустил армию перед Брестским миром, он попал по рекомендации Троцкого в Наркоминдел. Мой дядя знал китайский, японский и английский. Всё-таки тогда таких надёжных людей, да ещё знающих три языка, было не так много даже в Наркоминделе. Потом он должен был стать первым советским генконсулом в Шанхае. Его послали туда ещё до признания Китаем Советской России. Михаил Георгиевич приехал туда, а там ему говорят: «Кто вы такой?!» Там сидел ещё старый консул, и никуда уходить он не собирался. В общем, это назначение кончилось ничем. Мой дядя вернулся во Владивосток (это было в 1918 году), а там уже были белочехи, шла гражданская война и он застрял во Владивостоке. Уже из Владивостока он был направлен в 1920 году на переговоры с Сунь Ят-сеном. Но после встречи Михаил Георгиевич дал заключение, что план Суня очень красив, но неосуществим с военной точки зрения. И личность Сунь Ят-сена вызвала у него некоторые вопросы. Совершенно не знающий реальной жизни мечтатель и «старомодный милитарист» – таким предстал Сунь Ят-сен перед взором моего дяди. Кстати говоря, эта тема потом увлекла меня надолго.

ВГ: Надеюсь, чуть позже мы продолжим разговор про Михаила Георгиевича, про ваши исследования и книгу о нём. Сейчас позвольте снова вернуться к беседе о вас и спросить: в каком возрасте вы впервые узнали о существовании Китая? Каким был для вас первый образ Китая?

МК: Узнал именно по семейным воспоминаниям и разговорам о дяде.

ВГ: Сколько лет вам было тогда?

МК: Разговоры о том, что дядя Миша был в Китае, я слышал ещё даже до школы. Он привозил из Китая какие-то безделушки, которые стояли у нас дома в шкафу. Там был серебряный стаканчик и дракон на нём. Я никогда не видел драконов и спрашивал у взрослых: «А что это такое?» и слышал в ответ: «А это дядя Миша привёз из Китая». То есть, о Китае я услышал очень рано. Потом дальше – больше. Собственно говоря, дядя Миша – это был первый стимул, который побудил меня заняться Китаем. Я тоже – Миша. Почему бы мне не пойти по стопам своего дяди?

ВГ: А какие были ещё стимулы?

МК: У моей старшей сестры Нины был знакомый, который учился в Институте востоковедения, но на иранском отделении. Однажды я сказал Нине, что, наверное, пойду учиться в Институт востоковедения. Этот её знакомый услышал и говорит:

– О! Прекрасно! Правильно! Ну, конечно! Востоковеды, это же!... А на какое отделение?

– На китайское, – говорю я.

– Ни в коем случае! Ни в коем случае!!! Иероглифы тебя доконают! Не думай ни о Японии, ни о Китае! Только иранское отделение! Иранское! «Персия! ... Навсегда ль с тобою расстанусь»...¹ и всё такое прочее.

А меня эта его категоричность задела за живое.

ВГ: Вы так и не поддались на эти уговоры?

МК: Наоборот! Ну что значит «доконают иероглифы»?! Это же страшно интересно! Если это выглядит непостижимо, то надо, наоборот, постараться «доконать» иероглифы! И я уже в школе стал списывать иероглифы из разных текстов и пытался их учить...

ВГ: Где, в каких текстах вы находили те первые иероглифы?

МК: У отца была большая библиотека. В том числе «Большая Советская Энциклопедия» и *Брокгауз*². А там были кое-какие статьи и были иллюстрации. И вот я увидел, по-моему, в Брокгаузе какой-то небольшой текст. Я его перерисовал и стал пытаться прочесть. Мне самому хотелось докопаться – почему это так, что это, какой смысл, логика какая? И это был второй стимул. А третий – это то, что я кончал среднюю школу в 1949 г. Это было нечто грандиозное! Китайская революция, образование КНР! Константин Симонов был в то время в Китае и писал оттуда очень эмоциональные сообщения. Он перемещался по разным районам Китая вместе с Народно-освободительной армией³. В общем, это тоже подвигло меня на изучение Китая. Поэтому я уже совершенно не сомневался...

ВГ: А как вы учились в школе? Какой у вас был аттестат?

МК: Учился я хорошо. В средней школе в нашем классе было двое хороших учеников. Ещё там был один мой приятель, Юра Янкелевич, который, к сожалению, погиб потом. Он был «пятерочник», и я был «пятерочник». И у нас невольно возникло соперничество – в основном с его стороны. Бывало, когда напишем контрольную, он сразу спросит: «Миша, сколько получил?» И не раз говорил: «Конечно, я кончу с золотой медалью». А я как-то к этому не стремился, у меня не было цели окончить школу с золотой медалью. Я

¹ Строчка из «персидского» стихотворения Есенина «В Хоросане есть такие двери...»: *Персия! Тебя ли покидаю? Навсегда ль с тобою расстанусь Из любви к родимому мне краю? Мне пора обратно ехать в Русь.*

² «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона». Популярная энциклопедия на русском языке, издававшаяся в Российской империи в 1870–1907 гг.

³ По итогам своей поездки в Китай К.М. Симонов издал в 1950 г. книгу очерков «Сражающийся Китай».

всё-таки немножко ему уступал, и он был страшно доволен этим. Но случилось так, что в 10-м классе я заболел и остался на второй год. Кроме того, наш директор читал нам математику и астрономию. Он был математиком, но в астрономии разбирался плохо. На уроках астрономии я просто из озорства задавал ему разные вопросы, на которые он не мог ответить. И он страшно меня невзлюбил! Ну, естественно, какой-то там недоросль ещё пытается ловить учителя. И он мне говорил (а он это всё сводил к поведению): «Крюков! С таким поведением ты у меня медали вообще не получишь, я тебе даю слово!» Я отвечал: «Ну, что делать... Ну, не получу...»

КФ: И продолжали задавать вопросы?

МК: Да. Но из-за болезни я остался на второй год. И когда я повторно проходил тот же курс 10-го класса, то, естественно, уже с лёгкостью справлялся с ним. У меня были все «пятёрки». А Юра Янкелевич получил четвёрку по русскому языку и ему дали серебряную медаль. Потом мы встречаемся уже после окончания школы, он говорит: «Миш, ну как, медаль получил?» Я говорю: «Получил». Он: «Какую?». Я: «Золотую!»...
Немая сцена. Такая вот у нас была история с медалью.

ВГ: Судя по всему, драматичная для вашего друга.

МК: Да.

ВГ: И медаль открыла вам дорогу в вуз?

МК: Тогда в *МИВ*⁴ не нужно было сдавать экзамены. Только иностранный язык.

ВГ: Разве золотая медаль не позволяла поступать без экзаменов вообще? Почти все ваши ровесники-китаеведы, поступавшие в те же годы, тоже были медалистами. Они сообщают, что проходили только одно общее собеседование.

МК: Ну, собеседование – это понятно.

ВГ: Без экзаменов.

МК: Понимаете, собеседование в *ИСАА*⁵ – это особое дело, которое вообще всё решало. Человек, не прошедший собеседование, не допускался к экзаменам. А собеседование не имело чётких критериев. Вот, например, спрашивали – какова численность китайских эмигрантов в Бразилии? Ну никто этого не знает! Но ведущие собеседования восклицали: «А, вы не знаете этого? И вы хотите быть китаистом?!» И таким образом отсеивали всех тех, кто не подходил для *ИСАА* по другим критериям. Но этого ещё не было в моё время. Там было, конечно, небольшое собеседование, но очень простое: «Почему вы хотите быть

⁴ *Московский институт востоковедения* (МИВ). Возник в результате преобразования Лазаревского института восточных языков и действовал в 1920–1954 гг.

⁵ *Институт стран Азии и Африки МГУ* (*ИСАА МГУ*). Создан 24.06.1956 на базе восточных отделений исторического и филологического факультетов Института восточных языков (ИВЯ). См.: <http://www.iaas.msu.ru/isaa-mgu/istoriceskij-ocerk>

именно китаистом?» ... «Меня интересует Китай» – что-то такое я отвечал. И нужно было сдать иностранный язык.

С иностранным языком, раз уж зашёл о нём разговор, тоже была некоторая история. Мне было лет шесть, когда отец сказал мне однажды: «Миша, у меня к тебе просьба!» Я очень удивился – обычно я его о чём-то просил. Я говорю: «Что за просьба?» Он: «Мне нужна твоя помощь». Я: «Что за помощь?» Отец говорит: «Понимаешь, я сейчас делаю новый перевод «Капитала» Маркса, но один я не осилю. Ты не мог бы мне помочь в этом? Переводить?» Я говорю: «Какой «Капитал»? Какой Маркс?» Он говорит: «Ну вот был такой философ, учёный, который написал очень важную книгу. Вот!» И показывает её мне. Я говорю: «Так ведь это по-немецки!» Он: «Да, вот я об этом и говорю. Надо выучить немецкий язык, а после этого ты мне поможешь перевести». Я говорю: «Ну, если хочешь, давай!» Отец: «Ну, конечно, не сразу будем читать Маркса. Сначала – сказки братьев Гримм, потом ещё что-нибудь, а потом, постепенно и Маркса переведём» ... И вот он стал со мной заниматься немецким языком. В школе мы тоже занимались немецким. Но шла Отечественная война, Гитлер говорил по-немецки, поэтому мы отказывались учить немецкий и этим страшно расстраивали нашу преподавательницу-немку. Она пыталась нам доказать, что не только Гитлер говорил по-немецки, и что нужно изучать этот язык. В общем, мы кое-как учили немецкий (хотя я уже что-то знал и до этого), но учили его без особого такого энтузиазма. После окончания школы я пришёл с немецким на экзамен в МИВ. Там были какие-то очень лёгкие вопросы, совершенно несложные. Я всё написал, всё ответил, потом подхожу к доске зачисленных, смотрю – зачислили меня! Вот так я оказался в институте.

ВГ: Это был 1949 год?

МК: Это был уже 1950. Я год пропустил.

ВГ: Если не секрет, чем вы заболели в 10 классе?

МК: Простудился, плеврит был. Очень тяжёлая была болезнь. К этому времени отец уже умер. Мама очень боялась, что со мной что-то будет. Она меня выхаживала. Помню, она всё поила меня настоем алоэ. Ну, я очень быстро выздоровел и после этого у меня никогда больше с лёгкими не было ничего.

ВГ: Выходит, «не было бы счастья, да несчастье помогло», и вы получили медаль.

МК: В какой-то мере. Во всяком случае, вот так случилось.

ВГ: Кто принимал экзамены и проводил собеседование при поступлении в МИВ?

МК: Это были какие-то деятели, с которыми я потом больше не встречался уже в институте.

ВГ: Интересно, кто из коллег-китаеведов попал в вашу группу?

МК: Группа у нас была знаменитая. Во-первых, нашу 3-ю группу набора 1950 года называли «третья хилая». Потому что – я только что после плеврита, меня освободили от физкультуры. Ещё кто-то – ещё что-то. В общем, большая часть группы не ходила на физкультуру, поэтому группа и была «хилая». Но в ней учились потом уже очень известные лица. Академик *Мясников*⁶ учился со мной в этой группе. Был Лёша *Москалёв*⁷. Вообще-то он был языковедом, но потом стал заниматься национализмом и понятием «нации» в китайском обрамлении. У него были очень солидные книги⁸. Его нет уже, к сожалению. Юра Чураков пошёл по экономической части. Он работал в банке, то есть был, на современный лад говоря, банкиром. Были у нас две девочки, Юля Исаева и Лена Брычева, которые стали заниматься географией Китая в Институте географии. Был такой Юра Гудков, он стал довольно известным в те времена журналистом. Он издавал газету «Аргументы и Факты», продолжая заниматься Китаем. Было там и ещё несколько человек.

ВГ: А сколько в ней было человек?

МК: У нас в группе было 8 человек. Валя Орлов был. Он занимался специальными переводами и был очень высококвалифицированным переводчиком. Когда нужно было сделать где-то какой-то ответственный письменный перевод, приглашали его и он блестяще делал его. В общем, такая вот сильная группа подобралась.

ВГ: А сколько групп и сколько студентов было набрано на всём потоке в тот год?

МК: Групп было очень много, я не помню сколько. Чуть ли не сто человек у нас было на первом курсе. Потом постепенно некоторые отсеивались, конечно. Но то, что нас было слишком много, тоже сыграло свою роль когда мы закончили ВУЗ.

ВГ: А сколько вас осталось в группе к моменту окончания? Из восьми человек?

МК: Те, кого я перечислил – они так дошли до конца. Были ещё, приходили-уходили, но, в общем, они мне как-то меньше запомнились. А это был костяк группы, который дошёл

⁶ *Мясников Владимир Степанович* (1931 г.р., Москва). Востоковед, китаевед, д.и.н. (1978), профессор (1982), академик РАН (1997). Специалист по истории российско-китайских отношений, истории внешней политики, исторической биографии. Советник РАН, заместитель академика-секретаря Бюро Отделения истории РАН, председатель редколлегии научной серии «Научное наследие» РАН. Заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы. Автор около 500 научных публикаций.

⁷ *Москалёв Алексей Алексеевич* (1930–2006). Китаевед. Окончил МГИМО(МИД) СССР (1955). К.филол.н. (1968), д.и.н. Сотрудник ИВ АН СССР (1951–1971), ИДВ АН СССР (с 1971). Изучал политику КНР в отношении языков национальных меньшинств.

⁸ Богословский В.А., Москалёв А.А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949) // М.: ГРВЛ, 1984. 264 с.; Москалёв А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999) // Отв. ред. В.С. Мясников. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 224 с.; Москалёв А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. М.: Памятники исторической мысли, 2005, 327 с.

так до самого конца. На пятом курсе МИВ ликвидировали и нас перевели в МГИМО. Формально мы окончили МГИМО, хотя учились там только один год.

ВГ: Для вас это была драма, или вы спокойно восприняли этот переход?

МК: Нет, ничего. Нам сказали, что ничего не изменится, и что мы даже будем учиться в отдельном здании, которое в МГИМО называли «жёлтым домом». Это было жёлтого цвета здание, расположенное в парке, вне главного здания МГИМО. В этом «жёлтом доме» мы и учились так же, как и раньше.

ВГ: Вы учились в Сокольниках, на Ростокинском проезде, дом 13-А?

МК: Да! И мы обычно вот всей своей группой ходили туда, на Ростокинский проезд, пешком через парк, от метро Сокольники.

ВГ: Наверное, пора поговорить о преподавателях. Кто преподавал у вас, и кто из преподавателей кажется вам наиболее значимой фигурой как специалист?

ВГ: Естественно, главным у нас был всё-таки китайский язык. Но, поскольку групп было очень много, то кому повезло, кому нет. У кого-то были более опытные преподаватели, у кого-то – менее. У нас – менее. Поэтому из преподавателей китайского языка я не могу выделить никого, кроме *Александра Варламовича Котова*⁹, автора известного словаря. Он был прекрасным преподавателем, очень красиво писал иероглифы, что нас очень стимулировало. Он вёл у нас, в частности, иероглифику. Но основной китайский язык у нас вела преподавательница (сейчас я уже могу это оценить), знания которой были, конечно, посредственными. Она очень хорошо вела начальные уроки, азы... Но если [учить] чуть дальше, то – всё... И вот на определённом этапе, после того, как нас первый раз послали переводчиками с 3 курса, мы столкнулись с китайцами. Мы говорим им что-то, а они улыбаются. Я говорю: «А что смешного я сказал?» Они отвечают: «Нет-нет, ничего! Просто у тебя произношение как в Шаньдуне...» Я вообще [тогда] разозлился. Ставят пятёрку мне за китайский язык, а когда я разговариваю с китайцем – он улыбается. Ну это же чёрт знает что такое! В общем, мы хотели даже устроить небольшую революцию у нас в МИВ. Приехали и говорим: «Учите нас, как надо!» А нам отвечает декан: «А вы кто такие? Как вы можете вообще судить – правильно ли вас учат?» Я говорю: «А вот так! Мы и можем судить – на практике столкнулись [с китайцами], а язык мы знаем плохо! А через два года нам кончать ВУЗ!» В общем, дело чуть не дошло до

⁹ *Котов Александр Варламович* (1920–2003). Китаевед, лингвист, переводчик. Окончил МИВ (1950). Доцент (1970). Преподаватель. МИВ (1950–1954), МГИМО МИД СССР). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1959–1964). Составитель (совместно с Чэнь Чан-хао и А.Г. Дубровским) Русско-китайского словаря (1953, издан в том же году в Пекине, КНР), Китайско-русский словарь-минимум (1974, 2-е издание–1990).

оргвыводов. И в общем начальство нас очень невзлюбило – какие-то там самонадеянные выскочки критикуют своих преподавателей! Это уже, знаете, за пределами всего...

ВГ: Как звали декана?

МК: Декан у нас был очень интересный, по фамилии *Палюкайтис*¹⁰. За глаза мы его звали «Не матюкайтесь». И вот он с нами как с мужчинами разговаривал – или ведите себя хорошо, или тогда, пожалуйста, никто вас не держит здесь! Ищите, где вас будут учить хорошо!.. Но этот конфликт очень помог нам в том смысле, что мы вовремя поняли, что нас учат неправильно. Нас не учили тонам. Мы вообще не знали, что это такое! Как перевести слово *фэйцзи* – то ли это «самолёт», то ли это «жирная курица». И, конечно, так же как вы сейчас улыбаетесь, улыбались и китайцы, и нам это было очень обидно. Но вовремя мы это поняли, ещё на 3-м курсе. Потом был там у нас один товарищ со старшего курса. Мы спрашиваем его: «Что делать?» А он говорит: «Самообразование!». Вот так...

ВГ: Помимо названных трудностей, как складывались ваши отношения с китайским языком в целом, психологически и технически? Трудно ли было его учить? Понятно, что с немецким не сложилось, «Капитал» вы так и не перевели. А как с китайским? Трудно было начинать? И как вы преодолевали психологический барьер на первых курсах?

МК: У нас были студенты, которые приходили в ужас когда видели что-то непонятное. Но у меня всё-таки уже была какая-то [подготовка]. Иероглифы меня не пугали уже, поэтому нужно было просто их учить. И я их учил дома, писал иероглифы на дверях мелом. Мама меня страшно ругала, говорила: «Я только что всю квартиру вымыла, а ты пишешь!» Я отвечал, что сейчас сотру, но [потом снова писал их]...

Юля Исаева, которая училась с нами, сказала мне много лет спустя: «Миша, ты всё время на колене писал иероглифы пальцем». Так я прописывал эти иероглифы. Но только я не хочу сказать, что нас вообще плохо учили! Нас плохо учили современному разговорному языку. У нас был завкафедрой, *Николай Николаевич Коротков*¹¹, крупный учёный. Он читал нам *вэньянь*¹². Время от времени у нас читал лекции *Всеволод Сергеевич Колоколов*¹³, который приезжал из Ленинграда.

¹⁰ *Палюкайтис Иосиф Иосифович* (1886–1973). Востоковед, д.э.н. (1967), профессор (1969). Окончил ЛИВЗ (1913). В 1924–1938 гг. работал в системе НКВД СССР. Преподавал в МИВ (с 1936) и в МГИМО (с 1954).

¹¹ *Коротков Николай Николаевич* (1908–1993). Китаевед. Д.филол.н. (1971). Окончил восточный факультет Дальневосточного института народного хозяйства (1931). Работал в МИВ преподавателем (1932–1939), завкафедрой китайского языка (1942–1954), Преподавал в Высшей дипломатической школе МИД СССР (1939–1942), МГИМО, ВИИЯ.

¹² *Вэньянь* 文言 – т.н. «классический китайский язык». Письменный язык, использовавшийся в Китае до начала XX в.

¹³ *Колоколов Всеволод Сергеевич* (1896–1979). Китаевед, к.филол.н. (1935), профессор (1935). Родился в Кашгаре, Синьцзян. Окончил восточное отделение академии РККА

ВГ: Мы как раз хотели спросить про ваши воспоминания о нём.

МК: У меня о нём воспоминания самые почтительные. Это был исключительный специалист. Он с детства жил в Китае, окончил китайскую школу, прошёл весь китайский курс школьного обучения.

ВГ: Должно быть, блестяще знал китайский язык и психологию китайцев?

МК: Да-да. Он не просто умел говорить, он понимал логику языка. Вот это он и нам внушал. Но с ним тот разрыв [в уровнях преподавания] был ещё более контрастен. Мы каждый день изучаем один китайский. Потом приезжает Колоколов, мы начинаем с ним говорить и он направляет нас на путь истинный. Это был крупнейший специалист.

ВГ: А как часто он приезжал? Раз в семестр или раз в неделю?

МК: Нет, не в неделю, конечно. Может, один раз в семестр... Уже точно не помню сейчас. Но он несколько раз читал нам лекции, и каждый раз это было нечто!

ВГ: Он хорошо читал лекции?

МК: Он хорошо читал. И он тоже великолепно писал иероглифы. Не просто красиво писал, он был каллиграфом. Кроме того, его речь была настолько не похожа на нашу, что мы старались тянуться, подражать ему.

ВГ: Кто ещё преподавал у вас?

МК: Ещё у нас преподавал *Вадим Михайлович Солнцев*¹⁴. Тогда он был ещё аспирантом. Он как раз страшно не любил нас и всячески третировал за то, что мы всё критикуем. Александр Варламович Котов был прекрасным преподавателем. Он тоже очень много дал нам, в том числе по иероглифике, потому что это была его стезя. Потом, уже после окончания, у нас с ним были прекрасные отношения. Например, он сам пришёл на защиту моей кандидатской диссертации, хотя я его не приглашал. Я не решался его пригласить, а он сам узнал, пришёл и поздравил, и было в общем очень приятно.

ВГ: Сильно ли повлиял на вас в профессиональном плане Колоколов?

МК: Сильно повлиял. Он был тем идеалом, на который можно было равняться.

ВГ: Говорят, что Колоколов был одним из зачинателей преподавания китайского языка в Москве, преподавал китайский язык в академии РККА. В то же время известно, что там же преподавал китайский язык и ваш дядя, Михаил Георгиевич Попов. Кто из них был первым на самом деле?

(1920–1922). Преподавал в Военной академии РККА и МИВ (1922–1937), ИКП (1935–1937), Высшей спецшколе РККА (1939–1942), Военной академии (1947–1957), МГУ (1951–1954). Работал в КУТВ (1923–1924), УТК им. Сунь Ят-сена (1925–1927), ИВ АН СССР (1949–1979).

¹⁴ *Солнцев Вадим Михайлович* (1928–2000). Китаевед. Окончил МИВ (1949). Д.филол.н. (1970), профессор (1971). Членкор АН СССР (1984). Научный сотрудник (с 1958), замдиректора ИВ АН СССР (1965–1986), директор Института языкознания (1987–2000).

МК: Ни в коем случае не поймите меня так, что я хочу принизить заслуги Всеволода Сергеевича. Но после того, как расстреляли Михаила Георгиевича Попова, он был вычеркнут [из истории советского востоковедения] вообще, словно и не было такого человека. Но именно он был создателем первой кафедры китайского языка в Москве. Об этом мне говорил *И.М. Ошанин*¹⁵, который учился у него вместе с Колоколовым.

В Ленинграде такая кафедра была давно. И во Владивостоке была давно. А он первым создал такую кафедру в Москве. Конечно, Всеволод Сергеевич учился там номинально, потому что уже владел китайским языком. Но он был учеником Михаила Георгиевича. Потом, при случайных обстоятельствах, Ошанин как-то говорит: «А вот наш учитель Михаил Георгиевич...» Я вздрогнул. Спросил: «Какой Михаил Георгиевич?» Ошанин: «Да вы его не знаете, его сейчас никто не знает. Михаил Георгиевич Попов». Это случилось тогда, когда я уже работал у Ошанина.

ВГ: Чем же закончилась эта беседа?

МК: Ну, так вот. Ошанин говорит: «Попов создал кафедру. Он великолепно знал китайский и преподавал его. Мы все – его ученики». Я говорю: «Я слышал, что Всеволод Сергеевич был основателем этой кафедры». Ошанин: «Больше слушайте других!» И объяснил мне, что Михаил Георгиевич был репрессирован. Да, Всеволод Сергеевич очень большую роль сыграл после того как не стало Михаила Георгиевича. Но считать его основателем – несправедливо. Это он сказал мне не зная, что я имею отношение к Попову. И я не говорил об этом. Такая вот история произошла.

ВГ: Кто ещё из известных китаеведов преподавал вам в годы учёбы и повлиял на ваш профессиональный выбор?

МК: Когда я поступил в Институт востоковедения¹⁶ на китайское отделение, то уже на первом – на втором курсе понял, что буду заниматься древней историей Китая. Древнюю историю Китая нам читал *Рудольф Всеволодович Вяткин*¹⁷. Тогда это был молодой

¹⁵ *Ошанин Илья Михайлович* (1900–1982). Китаевед-лингвист. Окончил МИВ (1924). Д.филол.н. (1947), профессор (1948). Сотрудник торгпредства СССР в Китае, аппарата военных советников в армии *Фэн Юй-сяна* (1924–1926), генконсульства в Шанхае (1927), посольства СССР в Китае (1933–1939). Сотрудник УТК им. Сунь Ят-сена в Москве. Преподаватель МИВ (1931–1942), ВИИЯ (1942–1957), ВДШ МИД СССР (1939–1955). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1945). Редактор 4-томного Большого китайско-русского словаря (М., 1976–1978). Лауреат Государственной премии СССР (1982).

¹⁶ Т.е. в МИВ.

¹⁷ *Вяткин Рудольф Всеволодович* (1910–1995). Китаевед. Окончил ДВГУ (1939). Доктор Honoris Causa. Исследователь исторической мысли в Китае. Впервые перевёл на русский язык с комментариями большую часть «Исторических записок» (*Ши цзи*) Сыма Цяня (в 2011 перевод и полное издание всего труда завершено учениками Р.В. Вяткина). Преподаватель КВП, ВИИЯ, МИВ, МГУ (1939–1956). Научный сотрудник Института

капитан Вяткин. Он приходил на занятия в военной форме, подтянутый всегда был. Вяткин произвёл на меня очень сильное впечатление, он очень интересно читал. Например, он говорит о каких-то китайских реалиях, потом вынимает маленькую записную книжечку и пишет иероглифы. Вот эта тщательность меня поразила. Конечно, Вяткин помнил все эти знаки, но чтобы не сделать случайно какой-то описки, он всегда перепроверял себя. Он и увлёк меня древней историей Китая, хотя историей вообще я и раньше хотел заниматься. Конечно, история бывает разная, и читали нам её тогда очень интересные люди. Новейшую историю читал *Войтинский*¹⁸ – человек, который фактически сам стоял у руля *Коминтерна*¹⁹, отвечал за работу по китайским делам. В основном именно Войтинский формулировал идеи Коминтерна в отношении Китая. И этот человек читал нам лекции. Но, к сожалению, лектор он был плохой, лекции были неинтересные. А вот когда ему задавали вопросы, тут он уже прямо... [воодушевлялся. Рассказывал про] его встречи с *Сунь Ят-сеном*²⁰, то, другое, третье... Короче говоря, как лектор Рудольф Всеволодович «одолел» Войтинского, и я твёрдо решил заниматься древностью.

ВГ: Кажется, древнюю историю Китая преподавал в те годы и Л.И. Думан?

МК: Да. Когда я учился уже на третьем курсе, на первом курсе в МИВе стал преподавать *Лазарь Исаевич Думан*²¹. И я ходил к нему с третьего на первый курс, чтобы ещё раз

китаеведения (1956–1958), ИВ АН СССР (с 1958). Завотделом Китая ИВ АН СССР (1960–1967).

¹⁸ *Войтинский Григорий Наумович* (1893–1953). Настоящая фамилия – Зархин. Революционер, политический деятель, китаевед. Жил в эмиграции в США (1907–1917). Член РКП(б) с 1918 г. В 1920–1927 работал в Исполкоме Коминтерна (ИККИ). Как представитель ИККИ встречался в 1920 г. в Китае с Сунь Ят-сеном, участвовал в работе IV и V съездов КПК, ряда пленумов ЦК КПК в 1924–1926. Председатель Дальбюро ИККИ в Шанхае (1926–1927). С 1930-х гг. работал в Москве. Д.э.н. (1935, без защиты); профессор (1935). Работал в Институте истории АН СССР (1929–1948), КУТВ, ИКП, МИВ, МГУ (1929–1953). Участник ВОВ(1941–1942).

¹⁹ *Коминтерн* – Коммунистический Интернационал. Международная революционная организация, объединявшая компартии многих стран, «единая всемирная коммунистическая партия» (1919–1943).

²⁰ *Сунь Ят-сен* 孫逸仙 (1866–1925), *Сунь Вэнь* 孫文 (литературный псевдоним), *Сунь Чжуншань* 孫中山 (имя в эмиграции). Революционер-демократ, один из великих лидеров Китая в XX в. Основатель партии Гоминьдан (1912), вождь Синьхайской республиканской революции 1911 г., первый президент Китайской Республики. Автор учения о трёх «народных принципах» (национализм, народовластие, народное благоденствие). Выступал за союз Гоминьдана с КПК и СССР. В 1940 г. посмертно удостоен титула «Отца нации».

²¹ *Думан Лазарь Исаевич* (1907–1979). Востоковед, историк и экономист. Д.и.н. (1965). Окончил факультет языкознания и материальной культуры ЛГУ (1930). Преподавал в Ленинградском институте живых восточных языков, ЛГУ (1936–1941). Служил в армии (1941–1952). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1935–1940, 1952–1956, 1962–1979),

прослушать древнюю историю Китая. Уже тогда я с ним консультировался. Рассказал, что занимаюсь *Сыма Цянем*²². Думан одобрил [мой выбор] и стал потом руководителем моей дипломной работы по Сыма Цяню²³. После окончания МГИМО я попал в Институт китаеведения, и Думан работал там же, а Рудольф Всеволодович был там же заведующим отделом.

ВГ: Насколько отличались лекции Вяткина и Думана по древней истории Китая?

МК: Конечно, это были совершенно разные лекции. В общем, Думан был большим знатоком Китая. Но (тогда было такое время) он был одним из тех, кто уничтожал на корню академика *Алексеева*²⁴. В той группе был ещё *Петров*²⁵, философ, который потом был послом в Китае. Это были молодые и такие политически очень подкованные люди, которые не просто критиковали своих учителей, но и приводили к тому, что эти учителя исчезали. И вот этого, откровенно говоря, я Лазарю Исаевичу простить не мог. Особенно после того как узнал всё про своего дядю и про всю эту обстановку [репрессий].

ВГ: Как вы оцениваете научный вклад Л.И. Думана в отечественное китаеведение (востоковедение)?

МК: О вкладе Лазаря Исаевича в отечественное китаеведение очень хорошо в своё время написал В.Н. Никифоров: его труды ознаменовали переход от «очеркового» периода истории нашей науки к полноценным исследованиям, основанным на первоисточниках. Но всё же сейчас его работы – пройденный этап.

замдиректора Института китаеведения (1956–1961). Автор более 80 научных работ по Китаю и соседним странам в древности и новое время.

²² *Сыма Цянь* 司馬遷 (145–86 до н.э.). Великий историк, мыслитель, «отец китайской истории», создатель выдающегося памятника китайской историографии «Ши цзи» («Исторические записки»). В 2010 г. в России завершён полный перевод на русский язык труда Сыма Цяня. См.: Перевод с китайского с комментариями, ТТ. 1–9. – М., 1972–2010.

²³ О дипломной работе М.В. Крюкова «Древний китайский историк Сыма Цянь и его “исторические записки”» – см. Синельников А. Диплом с отличием. // *Смена*, 1955, №16. С.8. http://smena-online.ru/sites/default/files/16_-_1955.pdf

²⁴ *Алексеев Василий Михайлович* (1881–1951). Китаевед (литературовед, историк, знаток культуры Китая). Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1902). Работал в Англии, Франции, Германии, Китае (1904–1909). Академик АН СССР (1929). Преподаватель СПбГУ/ЛГУ (1910–1951). Сотрудник Азиатского музея / ИВ АН СССР (1902–1951). Член американской Академии политических и социальных наук (1923). Член Союза писателей СССР (с 1947).

²⁵ *Петров Аполлон Александрович* (1907–1949). Китаевед. Окончил ЛГУ (1930). К.филос.н. (1935). Специалист по древнекитайской философии. Преподавал в ЛГУ (1936–1941), МГИМО МИД СССР (1946–1949). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1936–1941). Сотрудник НКВД СССР (с 1941). В 1942–1943 гг. послан на дипломатическую работу в Китай (в Чунцин) 1-м секретарём и советником посольства. Посол СССР в КНР (1945–1948). В 1947 г. из-за ареста жены, Аверкиевой Ю.П., обвинённой в контактах с дипломатами США (по литературе об индейцах для её диссертации), вместо поста замминистра пошёл на понижение. Эксперт в Архивном управлении МИД СССР (1948–1949).

ВГ: Как и почему вы занялись изучением Сыма Цяня?

МК: Вот, например, читает человек лекции, начиная с [эпохи] Шан, и говорит, что Сыма Цянь писал о том, что там были переселения. Сыма Цянь? Хорошо! Следующее – *Чжоуское завоевание*²⁶, а вот там – *У-ван*²⁷. Сыма Цянь говорил про него то-то и то-то... Опять Сыма Цянь? А кто он такой? Как говорил *Конрад*²⁸, Сыма Цянь – это в общем «китайский *Геродот!*»²⁹. Кстати говоря, такое сравнение не очень справедливо, потому что Сыма Цянь был на голову выше Геродота!.. Вот так, постепенно, к концу этого курса древней истории, к концу 1-го курса ты уже знаешь, что Сыма Цянь написал «Исторические записки» и невольно осознаёшь, что для того, чтобы знать фактическую историю – надо сначала прочесть Сыма Цяня. А потом выясняется, что прочесть Сыма Цяня не так просто! Там есть проблемы и надо сначала разобраться в этих проблемах. Кто написал «Исторические записки»? Он сам написал или вместе со своим отцом? Он действительно писал это в гневе, что не очень хорошо для историка? Или он писал, как настоящий историк, кропотливо исследуя источники? Вот так я и решил для начала разобраться с Сыма Цянем. Рудольф Всеволодович поддержал меня, Думан поддержал.

ВГ: И это изучение переросло в диплом?

МК: Да. Я написал диплом...

ВГ: Какой была тема вашего диплома?

МК: «Древнекитайский историк Сыма Цянь и его “Исторические записки”». Когда я написал диплом, то понял, что там столько проблем ещё! Кстати говоря, прочесть Сыма Цяня – не так просто. Можно какие-то куски прочесть, но 130 глав на древнекитайском языке – это нечто! Значит, я решил и дальше заниматься только Сыма Цянем. Когда я

²⁶ Борьба за верховную власть с предшествующей династией Шан (XVI–XI вв. до н.э.), завершившаяся победой династии Чжоу. Имеется целый ряд заметно различающихся датировок этого события (сер. XII–XI в. до н.э.). В настоящее время наиболее распространена версия, согласно которой это произошло в 1046 г. до н.э.

²⁷ *У-ван* 武王 – правитель династии Чжоу, установивший верховную власть и разгромивший династию Шан.

²⁸ *Конрад Николай Иосифович* (1891–1970). Востоковед, японист и китаевед. Окончил китайско-японское отделение Петербургского университета (1912). Учился в Японии (1914–1917). Профессор (1926). Д.филол.н. (1934, без защиты). Академик АН СССР (1958). Лауреат государственной премии СССР (1972). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1931–1970). Профессор МИВ (1941–1950). Автор более 300 работ. В июле 1938 арестован как «японский шпион», осуждён на 5 лет заключения, освобождён в сентябре 1941 г.

²⁹ *Геродот* (484–425 гг. до н.э.). Древнегреческий историк, автор первого сохранившегося полномасштабного исторического трактата «История», описывающего греко-персидские войны и обычаи многих современных ему народов. Труды Геродота имели огромное значение для античной культуры. Цицерон назвал его «отцом истории».

приехал в 1957 г. в Китай, и в *Бэйда* (Пекинском университете)³⁰ меня спросили, чем я занимаюсь, я сказал, что буду заниматься Сыма Цянем. Но это уже был следующий этап.

ВГ: В те годы у вас был собрат по изучению Сыма Цяня – *Юрий Львович Кроль*³¹.

МК: Да, да! Юра был моим старшим товарищем и знал о Сыма Цяне несравненно больше меня. И мне, разумеется, было очень приятно, что в конце концов Рудольф Всеволодович Вяткин именно мне предложил написать введение к своему переводу «Исторических записок».

ВГ: Расскажите, пожалуйста, про переводческую практику на третьем курсе, о которой вы упоминали. Это был ваша первая встреча с китайцами?

МК: Да, мне тогда повезло! Вообще мне в жизни время от времени страшно везёт, И это было одно из первых неожиданных везений. Огромный курс, масса хороших студентов. Меня вызывает декан и говорит: «Мы хотим послать вас переводчиком». Я: «Когда выезжать?» Меня послали (это было трудное испытание, конечно) работать переводчиком с командой баскетболистов и баскетболисток, которые приехали в Советский Союз перед какими-то там студенческими играми, чтобы тренироваться перед соревнованиями. Им дали советского тренера-мужчину – и юношам, и девушкам. Тренер у девушек был, наверное, большой специалист по баскетболу. Но как личность он имел некоторые своеобразные [черты]... В частности, он постоянно употреблял ненормативную лексику. А там у нас был ещё только что кончивший учёбу переводчик-китаец. Мы с ним вместе работали, и он постоянно у меня консультировался. Например, едем мы в большом автобусе, и он на весь автобус спрашивает: «Миша, а что значит?..»

ВГ: Дальше следует мат?

МК: Я говорю: «Сянь-у, ты что? Да нет такого русского слова вообще!» – «Нет есть, ты не знаешь! Есть такое слово! Вот Иван Петрович всегда его кричит, когда Ма Цзин-ся не попадает по кольцу!..» Вот так я впервые столкнулся с живой китайской речью. Причём при очень трудных обстоятельствах. Например, сидит этот тренер и смотрит за контрольной игрой. Я сижу рядом, должен переводить. Он выкрикивает какую-то инструкцию, а я должен сразу перевести. Но ведь это же игра, это нужно сделать мгновенно! Это ещё труднее, чем синхронный перевод! Он кричит: «Бросайте персоналку и в быстрый прорыв!» Я молчу. Я же вообще не знаю, что такое «персоналка», даже по-

³⁰ *Бэйда* 北大 – обиходное китайское название Пекинского университета (от кит. *Бэй-цзин да-сюэ* 北京大學).

³¹ *Кроль Юлий Львович* (1931 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1992). Окончил востфак ЛГУ (1951). Ведущий научный сотрудник ИВР РАН. Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1957). Специалист по древней истории Китая.

русски не знаю! А по-китайски – тем более! И что такое быстрый прорыв? Пока я соображаю, он отдаёт уже другую команду и кричит мне: «Переводи!» Я говорю: «Я не знаю, что такое «персоналка!» – «А зачем тебя прислали сюда?! Собирай вещи и уезжай!» А мы были в Тбилиси, в Ереване... Это была прекрасная поездка! Я говорю: «Ну я постараюсь, сейчас разужнаю. Думаю, не так много должно быть слов, которые нужно вот так сразу переводить». Он говорит: «Ну, давай-давай, сиди и учи! Если на следующей тренировке ты мне опять не будешь переводить – я тебя отошлю моментально!» В общем, нервная такая была обстановка! Но, тем не менее, так я впервые [начал переводить и общаться с живыми китайцами]... Кстати говоря, по-китайски меня зовут Лю Кэ-фу. Меня так назвал Чжан Чан-лу³². Был такой баскетболист, который потом стал главой баскетбольной школы в Китае. Он спрашивает: «Как тебя зовут по-китайски?» Я говорю: «Не знаю». – «А как твоя фамилия?» – «Крюков». Крюков – значит, естественно, фамилия Лю... Лю. Кэ. Фу. Фу обычно пишут как 夫. «Нет, – говорит Чжан, – это нехорошо. Сразу видно, что иностранец! Знаешь, что? 杜甫的甫 ((знак Фу от Ду Фу)³³!..») Вот я и стал Лю Кэ-фу 刘克甫. И до сих пор я благодаря ему Лю Кэ-фу...

ВГ: Значит, это был ваш китайский «крёстный отец». И это было ваше китайское «крещение», ваш первый опыт устного перевода и первая встреча с живыми китайцами.

МК: Понимаете, всё это вместе дало такой импульс и такую обиду, что нас учат не совсем так! А потом следующая делегация была. И я познакомился со своей будущей супругой.

ВГ: Вот это очень важный вопрос! Когда и как вы познакомились?

МК: Дело было так. Они ездили по восточной Европе, потом приехали в СССР. Мы познакомились в Бресте, на границе. Я – переводчик, а она была назначена помощником начальника этой делегации.

КФ: А что это была за делегация?

МК: Ансамбль Народно-освободительной армии Китая. И вот я поневоле был приставлен к ней, потому что все вопросы мне нужно было решать оперативно. В итоге, я так посмотрел-посмотрел на неё... и влюбился.

ВГ: Сразу влюбились? Или долго смотрели?

МК: Почти сразу.

ВГ: А в каком году это было?

МК: Это было в 1954 г. Тогда что было хорошо? Мы ездили по всему Союзу. Они ездили, а я – с ними. Из Бреста едем в Минск. По дороге мы садились в вагоне-ресторане, когда не

³² Чжан Чан-лу 张长禄 (1926 г.р.). Китайский баскетболист, зам. главы Китайской баскетбольной ассоциации, зам. главы Азиатской ассоциации баскетбола (1987–1994).

³³ Ду Фу 杜甫 (712–720). Знаменитый китайский поэт эпохи Тан. Фу – имя этого поэта.

было обеда, в промежутке, и занимались китайским языком. И вот моя тогда будущая супруга мне говорит: «Товарищ Миша, на каком ты курсе?» Я говорю: «На четвёртом». Она: «Плохо, плохо знаешь язык! В китайском языке 4 тона! А у тебя всё монотонно. Это не китайский язык, это – бог знает что! Надо учить тоны!» Я говорю: «Но нас не учили! Ты хоть мне скажи!» Она: «Хорошо». Садись мы с ней и учили первый тон, второй тон. Как раз то, что потом она в МГУ преподавала, и что стало революцией в области преподавания китайского языка в нашей советской высшей школе...

Это была вторая работа переводчиком, которая во многом решила мою судьбу не только в области китайского языка, но и в других областях. Потом я ещё раз поехал переводчиком с делегацией учителей и уже чувствовал себя уверенно. Конечно, я продолжал заниматься. У меня была такая книжечка, куда я записывал всякие интересные выражения, которые не знал. Сейчас мне смешно смотреть [на те записи], потому что то были обычные выражения. Помню, что меня поразило одно выражение. Когда мы ездили со спортсменами, как-то утром тот юный китайский переводчик приходит и говорит: «Иван Петрович ... *бу лай ла, цзо тянь вань шан хэ до ла, ци бу лай ла!*.. (不来了! 昨天晚上喝多了, 起不来了!). Я никогда не дошёл бы до этого сам – 喝多了, 起不来了!

ВГ: «Иван Петрович не придёт. Вчера вечером он перепил и не может встать».

МК: Да. И я, очень довольный, записывал [такие выражения]. Поэтому после 3-й поездки переводчиком я чувствовал себя уже более уверенно. А потом я совершенно случайно попал в Китай.

ВГ: Видели ли вы китайцев в Москве ещё до баскетболистов? Ведь в Москве в 1930-х гг. тоже жили китайцы.

МК: Нет, не встречался я.

ВГ: Совсем? Владимир Степанович Мясников, например, вспоминает, что в центре Москвы, где он жил до войны, было много китайцев. Они держали прачечные, а их дети дружили с русскими детьми. Вам не приходилось видеть «московских» китайцев?

МК: Нет, не приходилось. До этой первой «баскетбольной» поездки мне не приходилось общаться с китайцами.

ВГ: Что было после окончания пятого курса и защиты диплома? Как решился вопрос с вашим трудоустройством?

МК: Здесь разрешите мне снова рассказать одну историю. Мы уже заканчиваем МГИМО. МГИМО готовит дипломатов, поэтому многие, естественно, ориентировались на то, что, наверное, пойдут по дипломатической стезе. Приближаются государственные экзамены. Первый экзамен – основы марксизма-ленинизма. Учились мы хорошо, и я хорошо подготовился. Выучил вопросы, материалы, – всё. Я был готов и совершенно не боялся

этого экзамена, потому что знал ответы на [все] эти вопросы. Хотя (это особая тема) иногда мы задавали преподавателям неожиданные вопросы. Например: «Коммунизм – это когда каждому по потребностям. Но потребности-то непрерывно растут! Сегодня у меня потребность иметь машину, а завтра – вертолёт, а уже послезавтра – ракету. Ну как же? Неужели такими темпами будет расти и материальное благосостояние государства?»

КФ: Вы всегда любили задавать «неправильные» вопросы, как тому директору школы!..

МК: Виноват, виноват! На некоторые подобные вопросы учителя отвечали нам: «Ребята, прочтите вопросы, которые мы вам дали! Такого вопроса вам на экзамене не зададут! Поэтому считайте, что вы нас не спрашивали!» Кстати говоря, был ещё один учитель, *Борев*³⁴, философ. Он читал нам уже в МГИМО курс марксистской эстетики. Это была выдающаяся личность! Эстетика марксистская, но почему-то не совсем тот марксизм, который нам читали все другие. Он так нам повернул этот марксизм, с эстетической стороны, что мы просто ловили на его лекциях каждое слово. Борев на меня, в частности, очень сильно повлиял. Мы задавали вопросы, на которые не получали ответа, а он нам рассказывал то, о чём не говорили на тех, других лекциях. Короче говоря, был первый экзамен [по марксизму-ленинизму]. Я вытащил билет, я его знаю. Первый вопрос – отвечаю. Второй вопрос – отвечаю. Третий вопрос – отвечаю. «Вашу зачётку!» Даю зачётку. Беру зачётку. Выхожу в коридор, где ребята спрашивают: «Ну как?» Я говорю: «Порядок!» Открываю зачётку, а там – «удовлетворительно». Я думал, что это просто ошибка какая-то! Ведь если я что-то неправильно сказал – то обычно задают какой-то дополнительный вопрос. И почему, когда я ещё не успел ответить до конца на первый вопрос, преподаватель сказал: «Ну, ладно, это не надо. Переходите ко второму!» Я был уверен, что я пятёрку получил! А на самом деле – «удочку»! И это выпускной экзамен по марксизму-ленинизму! Второй экзамен – по китайскому языку. Принимали очень и очень строго. Но тут у меня всё было нормально.

ВГ: Кто принимал этот экзамен?

МК: Принимал Солнцев. Ещё *Советов-Чэнь*³⁵.

ВГ: Чэнь Чан-хао?

³⁴ *Борев Юрий Борисович* (род. в 1925 г.). Литератор, критик, прозаик, д.филол.н., зав. отделом теории ИМЛИ РАН, профессор Академии архитектуры Московского архитектурного института.

³⁵ *Советов-Чэнь И. И.* (Чэнь Чан-хао, ? – ?). Этнический китаец, эмигрант. Преподаватель и переводчик. С юности жил и работал в СССР. Преподавал китайский язык в ряде вузов Москвы. Вместе с более чем десятком других китаистов переводил четырёхтомник Мао Цзэ-дуна, участвовал в создании четырёхтомного Большого китайско-русского словаря (1983-1984). Один из авторов известного учебника: Исаенко Б., Коротков Н., Советов-Чэнь И. Учебник китайского языка. Под ред. Н.Н. Короткова. М., 1954. 540 с.

МК: Да. Ну, тут всё обошлось. Третий экзамен – английский язык. Почему-то человек получал по английскому «тройку», а на экзамене получает «пятерку». Опять какой-то недоумённый вопрос. Что такое? Потом всё выяснилось. К нам приходит заведующий протокольным отделом МИДа. Вылетела сейчас из памяти его фамилия – известный был дипломат. Собрали нас всех китаистов в большом зале, он вышел, посмотрел на нас и говорит: «Ну, ребята, я от вас этого не ожидал!» Мы: «А что? В чём дело?» Он: «То есть как в чём дело? Вы не оправдали доверия Родины!» Мы: «Простите, что вы имеете в виду?» Он: «А я имею в виду то, что мы вас пять лет учили. Мы готовили из вас советских дипломатов. Но на экзамене по основам марксизма-ленинизма у вас «двойки» и «тройки»! А марксизм-ленинизм – это основа деятельности любого советского дипломата. Извините, но при ваших скудных знаниях теории марксизма мы вас не можем послать за границу!»

КФ: Выходит, вас специально валили на госэкзамене, чтобы не выпускать?

МК: Да, валили... Он: «И китайский язык вы плохо знаете! У большинства из вас «тройки» по китайскому языку! Как же вы будете работать в Китае, не зная китайского языка?! Правда, вот с английским у вас дело обстоит хорошо. Вы неплохо знаете английский! Вот мы тут посоветовались и решили... Пошлём вас преподавать английский язык!» Но чтобы вы ощущали связь с Востоком – поедете в горные кишлаки Таджикистана...

ВГ: Замечательная перспектива!

МК: Все так и «легли»! Пять лет мы учили китайский язык с таким трудом, преодолевая сопротивление наших учителей, а нас посылают... Так вот, кто-то всё же поехал по распределению. Приезжает в кишлак. Вот школа. Приходит к директору. Директор: «Садис. Гавари». Он говорит: «Вот, приехал преподавать английский язык». Директор: «Какой язык?». Он: «Английский». Директор: «Что такое? Почему не знаю?» Он: «Ну, английский язык – это самый распространённый в мире язык...» Директор: «Да? Это точно?» ... В общем, кто-то там задержался на некоторое время. Но потом, естественно, по возможности, через два-три года они вернулись. И один из них, в частности, как раз и рассказал эту историю. Это не анекдот! Нас посылали туда. Но значительная часть нашего курса, особенно те, кто хотел заниматься Китаем, решили, что они просто не поедут. Пусть нас потом судят! Тогда очень было строго по распределению. Но бросать китайский язык, бросать Китай и менять его на горный кишлак? И мы не поехали...

ВГ: Какой это был год?

МК: Это был 1955 год.

ВГ: Как вы трудоустроивались после этого?

МК: Нужно было устраиваться самим. Но сделать это было не так-то легко из-за перепроизводства китаистов. Хотя на нашем курсе уже не 100 человек было, а меньше, потребность была ещё меньше, чем выпустили китаистов. Просто так пойти и устроиться [по специальности] было очень трудно. Я учился на одном курсе с *Игорем Рогачёвым*³⁶. Мы были очень близкими друзьями, я постоянно бывал у них дома, поэтому знаком с его отцом, *Алексеем Петровичем Рогачёвым*³⁷. Мы играли в футбол там у них в Пушкине и после окончания всё время держались как-то вместе. И вдруг радостная новость – набирают переводчиков в экспедицию по Амуру! А там должны были строить электростанцию, которую до сих пор так и не построили. Совместную, советско-китайскую. Для этого велась геологическая разведка, какие-то экономические выкладки делали. А мы – переводчики, потому что работы велись один день на нашей стороне, а на другой день – на другой. И вот так мы проехали весь Амур до Благовещенска. Во-первых, мы хотя бы на два месяца получили работу и нам платили зарплату. А, во-вторых, раз в два дня мы бывали на территории Китая. Хотя в большинстве случаев это было пустое место – берег, но мы всё же побывали в нескольких городах. И когда мы добрались до г. Хэйхэ, нас выгрузили, [и я понял] – я в Китае!

ВГ: Это был первый ваш визит в Китай? Там вы впервые ступили ногой на землю Китая?

МК: Да. Должен признаться, может быть, не для печати – *Шу-ин*³⁸ была в это время в Пекине, и я всё говорил: «Ну, подожди! Может быть, я как-нибудь смогу приехать в Пекин!» Она не могла приехать в Москву. Я просто так поехать в Пекин тоже не мог. И вдруг я на территории Китая! Я спрашиваю начальника нашей экспедиции, могу ли я отлучиться на два дня? Он говорит: «В принципе ты можешь. Но что такое?» Я говорю: «Хочу к девушке съездить в Пекин». Он говорит: «Миша, я не знал, что ты такой глупый! Для этого нужно иметь паспорт заграничный, нужно иметь визу. Тебя на первом перекрестке схватят и посадят в «кутузку». И через два дня ты не вернёшься, а мне нужен

³⁶ *Рогачёв Игорь Алексеевич* (1932–2012). Китаевед, д.и.н. Дипломат, Чрезвычайный и полномочный посол СССР и России. Посол РФ в КНР (1992–2005). Член Совета Федерации Федерального Собрания РФ (2005–2012).

³⁷ *Рогачёв Алексей Петрович* (1900–1981). Китаевед, дипломат, литературовед, переводчик китайской художественной литературы. Окончил МИВ. Сотрудник генконсульства СССР в г. Урумчи (1928–1934). Сотрудник генконсульства СССР в Харбине (1936–1939). Преподавал в МИВ (с 1939). Профессор ИСАА при МГУ, завкафедрой китайской филологии в ИВЯ/ИСАА (1959–1970).

³⁸ *Хуан Шу-ин 黄淑英* (1933 г.р.). Китаист-филолог. Окончила Пекинский педагогический институт. В 1960–1990-х гг. преподавала китайский язык в ИСАА при МГУ. Соавтор нескольких известных русскоязычных учебников китайского языка и древнекитайского языка. Супруга китаеведа М.В. Крюкова, мать китаеведа В.М. Крюкова.

переводчик». Я был совершенно расстроен: нахожусь в Китае, а до Пекина добраться не могу!..

У нас с Игорем была там масса приключений, но я не буду уже о них рассказывать. Вернулись мы в Москву, и тут Алексей Петрович, который тоже заботился о своём сыне и о его будущей карьере, устроил Игоря корреспондентом газеты «Дружба», которая издавалась в Пекине. Игорь говорит: «А я вот уже собираюсь в Пекин. [МВ: тяжёлый вздох] Ничего, не расстраивайся! Папа сказал, что, может быть, он тебя пристроит куда-нибудь». Я говорю: «Как это папа пристроит меня?» Тогда это называлось «позвоночник», [когда] устраивали на работу «по звонку». Быть «позвоночником» – как-то не позволяет достоинство. Но Игорь сказал: «Слушай, достоинство будет потом! Сейчас тебе нужно устроиться на работу!» [В итоге,] папа позвонил И.М. Ошанину, который заведовал группой по подготовке Большого Китайско-Русского Словаря. Тогда уже начиналась эта работа, и Ошанин набирал себе молодых китаеведов, которые помогали бы ему в составлении этого словаря. Алексей Петрович позвонил Илье Михайловичу, а потом говорит мне (мы были очень хорошо знакомы с Алексеем Петровичем.): «Миша! Вот я даю тебе телефон, адрес. Сначала позвони, потом приходи уже на работу. Я говорю: «Алексей Петрович, вы шутите?» Он говорит: «Нет, я говорю серьёзно. Такого-то числа приходи на работу в Институт востоковедения» (тогда института китаеведения ещё не было). Я пришёл. Илья Михайлович осмотрел меня критически, он был очень строгий и требовательный. Он набрал себе несколько молодых (мы с *Е.В. Пузицким*³⁹ там были вместе) и дал нам задание. Тогда была уже заготовка, ведь этот словарь начал составлять академик Алексеев. Составлялись карточки на отдельные словарные статьи, а мы должны были проверять и уточнять эти карточки. Потом давали их на просмотр Ошанину. И вот тут он почти каждый день устраивал нам «головомойку». Говорил, что мы плохо знаем язык. Уже потом, те, кто был побойчее, возражали: «Илья Михайлович, а что, в ваши времена уж такие были китаисты – всё знали?» Ошанин: «В наши времена... Я вас прошу, не говорите мне о наших временах! Если бы у вас были такие учителя, как в наше время, если бы вы относились к учёбе так же, как мы к ней относились, таких ошибок в карточках не было бы». Мы: «А какие у вас были учителя?» И вот тут он неожиданно говорит: «Вот я вам скажу! Мой учитель, Михаил Георгиевич Попов...», и так далее, и так далее. Но я тогда постеснялся сказать Ошанину, что я – племянник Попова.

ВГ: Жалееете об этом?

³⁹ *Пузицкий Евгений Владимирович* (1929–1996). Китаевед, к.филол.н. (1968). Окончил востфак ЛГУ (1953). Сотрудник ИВ АН СССР (1955–1972), ИДВ АН СССР (с 1972).

МК: Конечно, я бы мог узнать у него очень-очень много! А тут я вскоре уехал в Китай, и когда приехал, уже больше с ним не встречался. Просто не было случая.

ВГ: Каким человеком был Илья Михайлович? Для нас это просто имя, а для вас – живой человек. Поэтому нам интересно узнать от вас про него.

МК: Прекрасный, очень глубокий знаток своего дела, языка. Я не могу сравнивать его с В.С. Колоколовым. Они были разные совершенно, потому что Илья Михайлович с нуля учил китайский язык, как и все. Но потом он долго работал в Китае. Он составил очень важное руководство по деловому *вэньяню*. Представляете? Это правила переписки. Если из министерства приходит бумага, незнающие *вэньянь* прочесть её не смогут, потому что это особый стиль. А Ошанин составил такое руководство. Оно случайно попало мне потом, когда я стал уже заниматься советско-китайскими отношениями. И я убедился, что он проделал огромную и очень ценную работу. Хотя сейчас, по-моему, уже никто не пользуется этим. В общем, Ошанин был прекрасным знатоком китайского языка и Китая вообще. Но, опять-таки, будучи человеком крайне самонадеянным, я спорил с ним по некоторым вопросам. Он говорит: «Почему у вас не проставлено ударение в этом слове?» Я говорю: «Но ведь в китайском языке нет ударений!» Он говорит: «Как нет ударений? В китайском языке есть ударения!» Я говорю: «Ну, давайте возьмём любое слово. Например, *цзянь-шэ* (建设 строительство). Где тут ударение, на первом или на втором слоге?» Он говорит: «Конечно, на втором!» Я: «Ну? Так как же? Цзянь шэ?» Он: «Нет, **цзянь шэ**». Я: «А где же ударение?» Вот тут мы разошлись с ним. Я до сих пор считаю, что ударения в русском или во французском понимании в китайском языке нет.

ВГ: Может быть, только смысловое ударение.

МК: Или когда есть лёгкий тон: *фан-цзы* 房子 – понятно, но вообще второй не тонируется там. Тогда да, есть ударение. В общем, мы спорили на эту тему. Ошанин не отвергал мнения других, но был крайне требователен. Если он давал задание, то нужно было все проблемы решить. Вот таким он мне запомнился. Запомнился ещё до того, как я поступил к нему работать. Однажды, когда я был на 1 или на 2 курсе, Ошанин пришёл к нам ещё в МИВ. Тогда [в учёных кругах] велась активная борьба с «марризмом»⁴⁰. Многие, точнее, большинство китаеведов были «марристами». Все были «марристами», кроме единиц.

ВГ: «Марристами» – значит, приверженцами теории *Марра*⁴¹?

⁴⁰ *Марризм* – совокупность гипотез об историческом развитии языка, выдвинутых в 1923 и позднее академиком Н.Я. Марром. Согласно этим гипотезам, всё человечество первоначально проходило этап языка жестов («кинетической речи»), затем произошла «звуковая революция», и язык приобрёл звуковую форму.

⁴¹ *Марр Николай Яковлевич* (1864–1934). Востоковед, лингвист. Окончил востфак СПбУ (1888). Профессор (1902), декан востфака (с 1911). Ординарный академик (с 1912). В 1923

МК: Да-да-да. В то время в одно прекрасное утро основоположник марксистской теории языкознания оказался шарлатаном. В СССР стали повсюду искоренять «марристов», в том числе и в МИВ. А там – все были «марристы»! Коротков, естественно, тоже был «марристом», когда защищал кандидатскую и докторскую. Ну кем он ещё мог быть, когда Марр был главой всей советской лингвистической школы? И вот нас собрали тогда на общее собрание для критики «марризма». Это была отвратительная картина! Наши уважаемые, заслуженные преподаватели, профессора, выходили на кафедру, били себя в грудь и говорили: «Да, было! Но больше мы не будем! Ну, простите нас! Ну, не додумали мы! Мы не знали ещё, что Марр – нехороший. И мы слепо....»

КФ: Издевательство какое-то! Отвратительно, конечно.

ВГ: В духе китайских кампаний «самокритики».

МК: Да. Это было жуткое зрелище! А студенты сидят и слушают... И вот открывается дверь зала, кто-то входит, останавливается в дверях, потому что у него во рту недокуренная сигара и он не хочет входить с этой сигарой в зал. Потом докурил, притушил сигару, входит. Очень полный мужчина (внешне он напомнил мне Черчилля – тем более, с сигарой) вошёл, сел. Потом, когда уже пошла дискуссия и молодые аспиранты «немарристы» стали набрасываться на своих учителей-«марристов» и уже добивать их, этот человек попросил слово. Вышел. Так внимательно осмотрел всех нас – знакомые всё лица! И говорит: «Всю ответственность за «марризм» в Китаеведении я беру на себя!»

КФ: Ничего себе Человечище, так сказать-то!

МК: Все ахнули – кто такой? Что такое? А это и был Ошанин. Он не побоялся сказать такую фразу, которая могла тогда кончиться для него вообще очень неприятно.

КФ: А какой это был год?

МК: Наверное, 1950 или 1951. Я уже сейчас не помню.

ВГ: Это ещё времена Сталина, когда такие слова могли стоять не только карьеры...

г. выдвинул т.н. «новое учение о языке» («яфетическую теорию») – новую концепцию формирования языков, резко противоречащую основам современной лингвистики. В 1921 г. создал в Петрограде Яфетический институт, позднее – Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра (ныне ИЛИ РАН и Институт языкознания РАН). Вице-президент АН СССР (с 1930). В 1950 г. Сталин в работе «Марксизм и вопросы языкознания» развенчал теорию Марра, имя которого было затем предано забвению. После 1956 г. отдельные заслуги Марра были признаны. Но в целом его деятельность нанесла советскому языкознанию несомненный и немалый вред.

МК: Сталин вслед за *Чикобавой*⁴² написал работу «Марксизм и вопросы языкознания» и показал там, что Марр был шарлатан. И вдруг кто-то выходит в большой аудитории и открыто говорит: «Всю ответственность за «марризм» в китаеведении я беру на себя!». Эту фразу я запомнил на всю жизнь! Потом Ошанин сказал ещё две-три фразы и сошёл. Сам он занимался теоретической грамматикой. Но после критики «марризма» ему нужно было или вообще бросать [прежние исследования], или заниматься чем-то другим. И он бросил занятия теорией и стал составлять Словарь.

ВГ: Ну и замечательно! Отличный, очень качественный словарь получился! Мы теперь не мыслим своё существование без этого словаря.

МК: Да, уникальный словарь.

ВГ: Как долго вы проработали в группе Ошанина?

МК: Недолго.

ВГ: В этой группе работал и *Борис Иванович Панкратов*⁴³. Вы были знакомы с ним?

МК: Был. Но мы мало общались с ним. Вообще, я общался там с очень интересными людьми. Это был уже 1956 год. Там работали те, кто вернулся [из сталинских лагерей]. Например, вернулся *М.И. Казанин*⁴⁴. Я с ним познакомился уже в институте китаеведения. Вернулись многие другие специалисты, которые до этого тоже были в местах не столь отдалённых. Я познакомился там с одним монголоведом, который рассказывал мне страшные и интересные вещи об обстановке в советских научных кругах в 1937–1938 годах. Ну, и так далее. Много было интересных людей, но не со всеми я успел близко познакомиться.

ВГ: А с кем вы общались теснее всего по работе?

⁴² *Чикобáва Арнольд Степанович* (1898–1985). Лингвист и филолог. Был непримиримым борцом против «нового учения о языке» Н.Я. Марра, несмотря на его официальную поддержку. Благодаря дружбе с 1-м секретарём ЦК КП Грузии К. Чарквиани сумел передать своё письмо И.В. Сталину. Сталин заинтересовался письмом и лично встретился с Чикобавой. В итоге, в 1950 г. в «Правде» началась дискуссия о вопросах языкознания, закончившаяся выходом статьи И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Статья, написанная с учётом аргументов А.С. Чикобавы, объявляла «Новое учение о языке» немарксистским, но призывала воздержаться от преследования сторонников марровской теории.

⁴³ *Панкратов Борис Иванович* (1892–1979). Востоковед, китаевед, монголовед, тибетолог. В 1916 окончил Восточный институт (Владивосток). Много лет жил и работал в Китае, где овладел китайским, монгольским, тибетским и маньчжурским языками. Преподаватель ЛГУ, научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1935–1942, 1948–1979) Перевёл в 1962 г. текст *Юань-чао би-ши* («Секретная история монголов»).

⁴⁴ *Казанин Марк Исаакович* (1899–1972). Китаевед, историк и экономист, писатель, дипломат. 1-й секретарь дипломатической миссии ДВР в Китае (1920–1921). Сотрудник военной миссии В.К. Блюхера в Китае (1926–1927). Преподавал в КУТК (1927–1930), КУТВ, ИКП, МИВ, МГУ. Изучал историю русско-китайских отношений. Был дважды арестован в годы сталинских репрессий. Полностью реабилитирован в 1956–1957.

МК: С Ошаниным.

ВГ: Общались как с начальником?

МК: Да. Тем более что другие [коллеги] занимались другими делами. А мы, несколько человек, сидели и [делали своё дело]. Илья Михайлович и опекал, и поучал, и ругал нас.

ВГ: И так продолжалось до вашего отъезда в Китай?

МК: Нет, потом создали институт китаеведения. Эта группа осталась на старом месте, а нас перевели в новый институт, где были нужны свои кадры, уже отдельно от востоковедения. Приказом директора нас перевели в институт китаеведения. Тут уже надо было заниматься другими делами, и я ушёл уже из группы Ошанина. Не по своему желанию, а потому что был набор в новый институт...

ВГ: А куда вас перевели?

МК: В отдел истории Китая, которым заведовал Вяткин.

ВГ: Наверное, к Вяткину вы попали уже как свой человек?

МК: Мы с ним общались ещё в МИВе, у нас были очень хорошие отношения. Правда, был вот такой маленький штришок – неудобно говорить это, конечно, [но было именно так]. Как заведующий отделом Вяткин спрашивает меня: «Михаил Васильевич, так чем вы будете заниматься? Что писать вам в карту?» Я говорю: «Чем заниматься? Сыма Цянем, ясное дело». Он: «Хорошо, это хорошая тема! Надо, надо разработать это!». На следующий день я ему говорю: «Рудольф Всеволодович, а может быть, «замахнуться на Вильяма нашего, Шекспира?»⁴⁵ Давайте переводить Сыма Цяня!» Он говорит: «Михаил Васильевич, вы шутите! Французы переводили-переводили... Все умерли, да так и не dokonчили. Вы что, хотите, чтобы и мы концы отдали?» Я говорю: «Нет, ну почему? Будем постепенно переводить». Вяткин: «Вы серьёзно?» Я: «Вполне серьёзно». На следующий день он приходит и говорит: «А чем чёрт не шутит! Давайте возьмёмся!» Я говорю: «Ну, давайте!». И начал я готовить всё это – литературу, картотеку, переводы Сыма Цяня какие-то там японские, французские и английские, – всё я подбираю. И вот в этот самый момент я совершенно случайно узнал, что можно поехать в Китай!

ВГ: Это было ещё одно неожиданное везение?

МК: Да. И это одно из главных везений в моей жизни. Может быть, самое главное. Тут я уже задумался: Сыма Цянь – хорошо. Но поехать на год в Китай!!! Тут я просто не мог упустить такой шанс и сказал Рудольфу Всеволодовичу, что не могу не поехать.

ВГ: Только на год?

МК: На год. В Пекинский университет...

⁴⁵ Фраза из знаменитого советского фильма «Берегись Автомобиля» (1966), озвученная актёром Е.А. Евстигнеевым.

ВГ: Как же получилось, что вам предложили поехать в Китай?

МК: Получилось случайно, кстати говоря. Вообще очень много было случайностей. Я иду по улице в Москве, встречаю нынешнего академика Мясникова. Тогда – просто Володя Мясников, мой товарищ по группе. Мы с ним пообщались, и он говорит: «Ну, Миша, ты извини, мне нужно бежать!» Я спрашиваю: «Да какие у тебя дела?». Он: «Да понимаешь, в министерство высшего образования бегу». Я: «А ты что, там работаешь?» Он: «Нет, там же набирают группу для поездки в Китай». Я говорю: «Что же ты, чёрт тебя возьми! Почему ты мне сразу не сказал?! Ты бы сейчас ушёл, а я бы ничего не знал!». Бросаю все дела, бегу в министерство. Там говорят – заполните анкету. Я заполняю анкету, собираю какие-то справки, всё это приношу буквально на следующий день. Мне говорят: «Хорошо, ждите! Через день будет решение, кто едет, кто не едет». Прихожу, и чиновник министерства мне сообщает: «Поздравляю, вы едете учиться в Китай». Я спрашиваю: «А вот ещё мой друг Мясников...». Он: «Нет, Мясников не поедет!». Сам он мне сказал потом, что какая-то там комсомольская справка была неправильно написана и его заставили переделывать. А тем временем уже истёк срок подачи документов.

ВГ: *Леонид Сергеевич Васильев*⁴⁶ как-то рассказал похожую историю: как он шёл по улице, встретил Володю Мясникова и тоже побежал сдавать документы. Но не вышло!

МК: Ух ты! Я и не знал. Тогда академик Мясников был вот такой магической фигурой!

ВГ: В общем, случайно, а, скорее всего, и не случайно – как это было и с медалью, вам повезло, и вас направили в Китай. Это был 1956 год?

МК: 1957-й уже. Это была эпопея! Нас собрали вместе. Конечно, был инструктаж, – всё как полагается.

ВГ: Инструкций много было?

МК: Довольно много: как себя вести и всё прочее. Потом говорят: «Ребята, садитесь в автобус, едем в ГУМ». Нам примеряют костюмы, пальто, шляпы. Я уже был в это время в Китае два раза. Я был ещё с делегацией в Пекине, второй раз в жизни. Я говорю: «Но там в шляпах не ходят!» Мне отвечают: «Вы посланники первого социалистического государства. Вы должны предстать перед китайской аудиторией в презентабельном виде». Ну, хорошо. Я говорю: «Всё-таки, дайте мне шляпу и ещё кепку». Шляпу оставил в Москве, мне было стыдно в шляпе ехать в Китай. Кажется, я был единственный, кто

⁴⁶ *Васильев Леонид Сергеевич* (1930–2016). Востоковед. Окончил истфак МГУ (1953). Д.и.н. (1974), профессор (1979). Главный научный сотрудник ИВ РАН (с 1956). Профессор ИСАА при МГУ, НИУ Высшая школа экономики (с 2007). Автор 2-томного университетского учебника «История Востока», 6-томного учебного пособия «Всеобщая история», учебного пособия «История религий Востока», ряда монографий и сотен статей по истории и культуре Китая, проблемам востоковедения и всеобщей истории.

поехал в кепке. Но все мы поехали в одинаковых пальто, одного цвета, одного покроя, в одинаковых костюмах. И в шляпах все, кроме меня. Мы вышли в Пекине. Там нас встречали представитель *Бэйда*, студенты. До нашего приезда там были только единицы, случайно попадавшие туда люди. А мы были первой официальной группой советских студентов в Китае.

ВГ: *Зинаида Григорьевна Лапина*⁴⁷ с вами была?

МК: Да, конечно. Тогда мы с ней и познакомились.

ВГ: Она в своём интервью тоже описывает этот эпизод. Вы не читали её интервью?

МК: Нет.

ВГ: Она тоже описывает, как вы явились в одинаковых шляпах и макинтошах, к удивлению китайской публики.

МК: Это подтверждает то, что я говорю только правду.

ВГ: ...И оказались среди иностранных студентов, которые ходили в сентябре по кампусу в шортах, кто в чём.

МК: Ну, конечно, конечно! Правда, шляпы очень скоро вышли из строя, потому что это было нелепо – студент идёт на занятия в шляпе!

ВГ: Как отнеслись к вашей поездке домашние?

МК: Я сообщил маме, что меня посылают на год в Китай. Спросил: «Ты как, не будешь против?» Она была тогда уже не очень здорова, но сказала: «Миша, о чём ты говоришь? Поезжай, поезжай!» Ну вот, так мы и оказались в Китае.

ВГ: Когда вы оказались в Китае, вас определили в Бэйда на исторический факультет?

МК: Не совсем так.

ВГ: А как?

МК: Когда мы приехали, то знали только то, что приехали на год. Плюс два-три месяца – подготовительные курсы. Большинство из нас всё-таки знали китайский язык не настолько хорошо, чтобы сразу слушать лекции. Нам устроили экзамен, рассортировали нас – кто хуже, кто лучше. Потом начались подготовительные курсы. Всё равно, нужно было ждать начала учебного года, потому что мы приехали не к сентябрю, а когда занятия на факультетах давно уже начались. Вместе со мной ехал Женя Синицын, *Евгений*

⁴⁷ *Лапина Зинаида Григорьевна* (1934 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1986), профессор (1990), заслуженный профессор МГУ (2002). Окончила ИСАА при МГУ (1957), исторический факультет Пекинского университета (1960). Преподаёт в ИСАА при МГУ (с 1964). Специалист по средневековой истории Китая. Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: <http://china-oral.ivran.ru/interview-in-pdf> , <http://politics.ntu.edu.tw/RAEC/act02.php>

*Павлович Синицын*⁴⁸, с которым мы очень сдружились в поезде Москва–Пекин. Не знаю, он жив или нет.

ВГ: Нет уже. Умер в 2002 году.

МК: Мир праху его! А тогда просидели мы некоторое время на этих курсах, которые преподавали на факультете. Параллельно мы, конечно, сразу ходили на факультет, чтобы прикоснуться к университетской учёбе. Там тогда преподавали лучшие профессора, цвет китайской исторической науки. После этого таких профессоров в Китае уже не было, и сейчас нет.

ВГ: Нет сейчас – потому, что «культурная революция» сыграла свою негативную роль?

МК: Да. Ну, так вот. Послушав лекцию одного из них (я уже не помню, кого), мы с Женей пришли в общежитие и стали обсуждать ситуацию. Я говорю: «Жень, не знаю, как ты, но через год, когда нас будут посылать обратно в Москву, я наверное, уйду и здесь останусь. Потому что проучиться год в Бэйда – это ни то, ни сё. А мы уже видели, что возможно взять в университете вообще. Жень говорит: «Слушай, есть выход!» Я: «Какой?» Он: «А вот я тебе скажу. Сейчас мы идём в посольство и говорим советнику, который нас курирует: «Понимаете, неприятно и стыдно об этом говорить. Конечно, очень стыдно! Но мы провалились на экзамене по китайскому языку и нам сказали, что нужно начинать учиться с первого курса». Советник говорит: «Коллизия!.. Вас к нам прислали на год, какой может быть первый курс?» Мы говорим: «Ну, что же делать, вот так нам категорически сказали в деканате». Он: «Да? А, впрочем, чем чёрт не шутит! Ради советско-китайской дружбы, может быть, мы и пойдём на эту уступку китайским товарищам».

КФ: Выходит, ваши слова не перепроверили, ничего не спросили у китайской стороны? Просто поверили на слово и оставили вас?

МК: Поверили! А мы обманули и китайское, и советское правительство.

ВГ: И самих себя «оболгали»!

МК: Да. Потом мы приходим, а он говорит: «Ну, мы тут посоветовались... Идите и скажите, что посольство не будет против. Главное, чтобы вы тут не зря провели время». Мы приходим в китайский деканат и говорим: «Такая неприятность... Были мы в посольстве, а нам говорят: «Учитесь, поступайте на первый курс и учитесь все пять лет!» А мы-то собирались через год уехать, понимаете?» Они говорят: «Да? Мы об этом не

⁴⁸ *Синицын Евгений Павлович* (1933–2002). Китаевед, к.и.н. (1978). Окончил истфак МГУ (1956), истфак Пекинского университета (1962). Научный сотрудник ИВ РАН (1966–1998). Исследователь древнекитайской истории и философии, зарубежного китаеведения.

слышали ничего! Ну, если в посольстве говорят, то ради китайско-советской дружбы мы готовы пойти навстречу посольству!» Это не анекдот, это факт!

ВГ: Исторический факт.

МК: Да.

ВГ: А как же З.Г. Лапина? Она «паровозиком» за вами осталась учиться на 5 лет? Или у вас были разные специальности и факультеты? У вас был факультет археологии?

МК: Нет, факультета археологии ещё не было! Ещё был просто истфак. Это было потом. Кто-то под этой маркой остался на два года. Кто-то – больше. Кто-то уехал сразу после первого года, потому что войти в китайскую обстановку, в студенческий быт, было, вообще говоря, непросто.

ВГ: Вам тоже непросто было?

МК: Тоже непросто. Поэтому мы с Женей решили – надо входить в быт. Мы жили в общежитии для иностранных студентов. Хорошее общежитие, там всё было прекрасно. Но мы решили – мы идём жить с китайскими студентами! Попросили, нам выделили комнату, где было ещё четыре человека. Там, в первом общежитии, мы были вдвоём, а тут – шесть человек! Были двухъярусные кровати. Но зато мы теперь жили вместе с китайскими студентами, мы с ними общались. Про русский язык мы забыли, общались всё время только по-китайски.

Ещё одно сильное впечатление от студенческих этих лет – питание. В университете, естественно, имелась столовая для иностранных студентов, где кормили нормально. В 1958-м году начался «Большой скачок» и уже кушать было нечего. Но мы продолжали ходить в китайскую столовую, просто чтобы не выделяться на общем фоне. Питание там проходило так: кончаются занятия, через 15 минут после этого звонит колокол и заводят какую-то пластинку (какой-то бодрый марш – тата-тата-татата!), и все бегут в столовую. Бегут, потому что если придёшь на 20 минут позже, то уже всё съедят и уже вообще ничего не останется. И вот мы бежим туда, становимся в очередь со своей чашкой, нам туда кладут еду, и мы радостно всё съедаем. Много-много лет спустя я случайно услышал этот марш и вдруг поймал себя на том, что ощущаю какое-то волнение. Куда-то надо спешить, а куда, я не знаю. И только потом я вспомнил – в столовую надо спешить!

ВГ: Некоторые иностранные студенты, например, итальянцы, рассказывают, что в 1970-х годах они тоже требовали из идейных соображений, чтобы им позволили питаться вместе с китайскими студентами. Но уже через неделю-две они не выдерживали и возвращались в столовую для иностранцев, потому что еда в китайской студенческой столовой была слишком скудной.

МК: Еда была скучная. Там, в китайской столовой, было так: *бин цай, и цай, цзя цай, тэ цай* 丙菜, 乙菜, 甲菜, 特菜 (еда 3, еда 2, еда 1 категории и еда особой категории). Еда «третьей категории» была почти вообще несъедобной. Самое лучшее блюдо, которое мне запомнилось – капуста с каштанами. Это было *тэ цай*.

ВГ: А о мясе там речи не шло, получается?

МК: Что вы! Тогда уже начался «Большой скачок»! После лекций студентов посылали за «едой». Они взбирались на тополя, сбивали с них листья и относили в столовую, где эти листья растирали в порошок. Порошок добавляли к муке и делали *маньтоу* (пампушки).

ВГ: И вы тоже так питались? Вы стали вегетарианцем?

МК: Нет. Я не стал вегетарианцем, но всё время хотелось есть.

ВГ: А что мешало пойти за добавкой в столовую для иностранцев?

МК: Один раз я пошёл. К этому времени мы уже поженились. Супруга уже ждала ребёнка. Говорят, что беременным женщинам иногда хочется съесть чего-то такого, особенного. А из особенного в их университетской столовой не подавали решительно ничего. И супруга мне говорит: «Миша, у вас же там есть столовая для иностранных студентов! Может, ты найдёшь там что-нибудь?» Я и пошёл туда. А там у меня был знакомый повар. Как сейчас помню, звали его *лао Мэн* (старина Мэн). Я пришёл к нему и спрашиваю: «Нельзя ли достать курицу?» Он внимательно посмотрел на меня и говорит: «Лю Кэ-фу, какая сейчас может быть курица? Где я тебе найду курицу?» Я говорю: «Ну, может, есть она хоть где-то вообще? У меня жена в положении...» Он говорит: «А ты женат?» Я: «Да, я женат». Он говорит: «Ладно, бог с тобой! Не гарантирую ничего, но попробую! Приходи через два дня». Через два дня я прихожу к нему печальный, потому что ничего не получается, ничем я не могу помочь своей жене. Прихожу, он говорит: «Слушай, есть цыплёнок!» И даёт мне цыплёнка абсолютно синего цвета, как чернила. Я хватаю этого цыплёнка, бегу на автобус, приезжаю в город, варить суп из курицы... Сварили мы этого цыплёнка, а в бульоне – ни капли жира! Потому что в то время все были истощены, и цыплёнок тоже был истощён до предела. Но, всё-таки, это была настоящая «курица»!

ВГ: В каком году вы поженились?

МК: В 1959 году.

ВГ: А в каком месяце?

МК: 12 сентября.

ВГ: После свадьбы вы жили в городе, не в общежитии уже?

МК: Моя супруга училась в педагогическом институте, а я – в Бэйда. Я по-прежнему жил там, в общежитии, но по субботам-воскресеньям приезжал. И мы поселились у моего приятеля, с которым жили в одной комнате общежития в университете.

ВГ: Как его звали?

МК: Был такой археолог *Ли Цзо-чжи*⁴⁹. Он тоже уже, к сожалению, умер. Когда он узнал, что я женюсь, то сказал: «Миша, приезжайте ко мне, живите у нас дома! У нас есть лишняя комната». Я говорю: «Мы же будем обременять вас!» Он: «Нет-нет-нет! Пожалуйста, пожалуйста!» Я говорю: «А сколько нужно платить?» Он говорит: «Слушай, ты меня обижаешь!» Его родители относились к нам очень хорошо, как к родным. И, вы знаете, я думаю, что они пострадали из-за этого во время «культурной революции». Он, правда, никогда не говорил мне об этом, но я допускаю это. Его родители были уже немолодыми и у них были какие-то неприятности, потому что соседи знали, что к ним ходит иностранец из СССР, а тогда это было «связями с заграницей» 海外关系...

ВГ: Который потом оказался «ревизионистом», да?

МК: Да.

ВГ: А как восприняли ваш брак родственники жены?

МК: Её родителей в то время уже не было в живых. Было несколько братьев и сестёр – и младшие, и старшие. Самый старший брат, второй брат и ещё через одного брат. У нас были очень хорошие отношения! Сейчас ещё живы два брата, и мы поддерживаем очень, очень хорошие отношения.

ВГ: А как восприняла этот брак ваша мама?

МК: Мама была уже подготовлена к этому. Я занимаюсь Китаем. Она благословила меня на то, чтобы я поехал в Китай. В то время я уже думал о том, что когда сложатся благоприятные обстоятельства, я женюсь на Шу-ин. И я говорил об этом маме. Она не знала ещё её тогда, но сказала: «Если ты твёрдо решил, то я, конечно, не против!». Я говорил ей: «Я сейчас поеду в Китай, а через год мы, может быть, попробуем приехать вдвоём, и вы познакомитесь». В первый раз мы приехали вдвоём, но не через год, а в 1959 году.

ВГ: Через два года!

МК: Короче говоря, мы приехали. Мама приняла Шу-ин очень хорошо. Уже потом я как-то спросил у мамы: «Ты как, благословляешь нас?» Она говорит: «Да!»

ХШ: Я прожила с мамой два года, и у нас были хорошие отношения. Мама всё время говорила: «Шу-ин – это, Шу-ин – то». Мишина сестра была даже недовольна: «Всё время Шу-ин да Шу-ин!»

МК: Ревновала немножко к Шу-ин. Во всяком случае, никаких проблем не было с женьбой.

⁴⁹ *Ли Цзо-чжи* 李作智 (1933–2016). Китайский археолог.

ВГ: Ваша свадьба была в Пекине?

МК: Свадьба была в Пекине.

ВГ: Большая?

ХШ: На свадьбе было 500 человек!

МК: У них в ансамбле было больше трёхсот человек. И я пригласил ещё студентов из университета.

ХШ: Больше ста двадцати иностранных студентов! Тогда я впервые увидела Лапину. Она пришла в наш свадебный день с ведрами. Девушки приготовили и принесли в нескольких ведрах «русский» салат. И я тогда его впервые попробовала.

ВГ: Салат «оливье», наверное?

МК: Да. В общем, свадьба была грандиозная.

ХШ: К нам пришли все триста человек из ансамбля и ещё их начальник. Миша работал с этим ансамблем, поэтому они все его знали.

МК: Их начальство ко мне относилось очень хорошо. И до сих пор у нас очень хорошие отношения с бывшими её друзьями по ансамблю...

ХШ: Мои старые «боевые друзья» до сих пор поддерживают с ним отличные отношения.

МК: Они всё вспоминают, как во время концерта я помогал передвигать рояль.

ХШ: Перерыв в середине концертной программы был очень коротким, поэтому Миша не только переводил, но и помогал толкать за кулисами рояль.

МК: В общем, у нас и сейчас хорошие отношения. Наши лучшие друзья, в частности, люди из ансамбля.

ХШ: Мы часто встречаемся.

МК: К сожалению, многих уже нет в живых.

ВГ: Кто был свидетелем на вашей свадьбе?

МК: Был человек из ансамбля...

ВГ: А кто был свидетелем с вашей стороны?

МК: Нет. Был только один руководитель этой церемонии.

ВГ: А регистрация у вас была китайская?

МК: И такая, и такая.

ХШ: На второй день после свадьбы мы поехали в советское посольство, в консульский отдел.

МК: И там тоже случился маленький эпизод.

ХШ: У нас действительно всё было серьёзно. Мы зарегистрировали брак в обеих странах.

МК: Когда мы получали свидетельство о браке, то поскольку посол разрешил, там и шампанское было, и так всё торжественно, всё очень хорошо было там у нас, в советском

посольстве. Правда, потом возникла проблема. По-русски мы были зарегистрированы как Михаил Васильевич Крюков и Хуан Шу-ин. А по-китайски записаны как Лю Кэ-фу и Хуан Шу-ин. И не было документа, удостоверяющего, что это не два разных человека.

ВГ: Мне вспомнилась история с *М.Л. Титаренко*⁵⁰, который учился в Фуданьском университете в Шанхае. Там ему выписали диплом на имя «Миша», потому что все его знали как просто Мишу, и ему пришлось потом менять диплом...

Хочу ещё напомнить, что в Бэйда был в те годы один известный человек – ваш китайский куратор Кэ Гао.

МК: О, да-да-да! Мы потом ещё хотели разыскать его в Бэйда!

ВГ: Его вспоминают многие советские студенты. Говорят, что он очень ценил вас.

МК: Этого я не знаю. Но, вообще, он был специально приставлен к советским студентам, чтобы помогать им. Те из студентов, кто не хотел оставаться после года обучения и в основном выпивали в своих комнатах, заперев двери, даже песню про него сочинили. Была такая песенка у заключённых на Колыме: «Куда ведёшь, начальник, отпусти!». Они переиначили эти слова – «Куда ведешь, Кэ Гао, отпусти!» – и распевали их после второй полбутылки.

ВГ: А как вы оцениваете Кэ Гао? Какую роль он сыграл в вашей жизни?

МК: Он очень мне помог.

ВГ: Значит, он сыграл очень позитивную роль?

МК: Да. Вообще, сначала он был приставлен к нам для того, чтобы помогать. Потом, когда наступили 1958, 1959, 1960, 1961 и 1962 годы – чтобы следить, держать и «не пущать». Но он только помогал. Только помогал! Любую проблему он решал. А вот администрация университета менялась по мере изменения «генеральной линии» партии.

ВГ: И вы это чувствовали «на своей шкуре»?

МК: Ну, а как же? Я познакомился с деканом истфака, *Цзянь Бо-цзанем*⁵¹ ещё в Москве. Он приехал в Москву, а меня послали ему переводить. Там были он и его заместитель *Чжоу сяньшэн*. До этого я переписывался с Цзянь Бо-Цзанем по поводу Сыма Цяня. В Москве мы уже встретились как знакомые. Он знал, что я занимаюсь Сыма Цянем и наши отношения стали более неофициальными. Потом уже я приехал к нему в Пекин. Он – декан, а я приезжаю к нему на истфак как студент. Но он приглашал меня к себе домой. В

⁵⁰ *Титаренко Михаил Леонтьевич* (1934–2016). Китаевед, д.филол.н. (1979), профессор (1994), академик РАН (2003). Директор ИДВ РАН (с 1985). Лауреат Государственной премии РФ (2011).

⁵¹ *Цзянь Бо-цзань* 翦伯赞 (1898–1968). Историк-марксист, действительный член Академии наук Китая (1955). Был деканом исторического факультета Пекинского университета. В годы «культурной революции» подвергся критике. В 1968 г. вместе с женой покончил жизнь самоубийством.

общем, у нас были очень близкие отношения. Его заместитель *Чжоу сяньшэн* вначале так же, как и *Цзянь лао*⁵² – был готов на всё, что угодно. Сам приходил в общежитие и спрашивал: «Ну как, Лю Кэ-фу, какие проблемы?» В 1961 году, на последнем курсе, я уже учился на археологическом отделении и занимался археологией эпохи Шан-Инь. По программе там полагалась преддипломная практика, нужно было ехать в *Аньян*⁵³. До этого я уже был в Аньяне и присмотрел там то, что мне было нужно, договорился о приезде. Но когда подошло время ехать на практику, мне в деканате говорят: «Лю Кэ-фу, вам на практику ехать не надо!» Я говорю: «Как не надо!? Я же пишу диплом, мне нужно получить материалы!» «Нет, не надо вам ехать на практику!» Это был 1962 год. *Цзянь Бо-цзяня* тогда не было на факультете, поэтому я пошёл к *Чжоу*. Стучусь. Он: «Да? *Цин цзинь* 请进!» Я вхожу в его кабинет, вижу каменное выражение его лица и уже чувствую, что происходит что-то не то. Я спрашиваю: «Что случилось? Мне сказали, что я не поеду на практику». Он: «Да, вы не поедете на практику». Я: «Почему? Я же диплом пишу!» Он: «А вы знаете, что такое Аньян? Что такое *Сяотунь*⁵⁴? Я говорю: «Да, знаю». Он: «Нет, вы не знаете! Это наиболее ценное культурное наследие Китая! А кто вы такой? Вы – иностранец! Мы не можем позволить иностранцу не только туда поехать, а ещё и участвовать там в раскопках. Это что же? Вы эти сведения получите ещё до того, как они будут опубликованы в научной печати? Ну подумайте, допустимо это или нет?» Я говорю: «Спасибо, я всё понял – это недопустимо!» И ушёл. Прошло ещё лет 15. На одном конгрессе я вдруг вижу знакомую личность. Он сам подходит ко мне: «Лю Кэ-фу! Сколько лет, сколько зим!» Я говорю: «Простите, а мы разве знакомы?» Он: «Ты же учился у нас на факультете!» Я говорю: «Да-да-да, в самом деле... В самом деле, я учился на факультете...» А до этого он был ... Вы знаете, была такая группа «лянь сяо»⁵⁵, которая по указанию *Цзян Цин*⁵⁶ писала всякие пасквильные научные статьи. Вообще-то это были «два университета». Но писались другие иероглифы. В общем, *Цзян Цин* давала задание, а

⁵² Почтительное обращение к старшему в лице *Цзянь Бо-цзяня* (букв. – старина *Цзянь*).

⁵³ *Аньян* – провинциальный город в пров. Хэнань, где в 1920-х гг. была раскопана столица династии Шан, относящаяся к XIV–XI вв. до н.э.

⁵⁴ *Сяотунь* – деревня под Аньяном, рядом с которой был раскопан район «дворцов и храмов предков» – крупномасштабных строений эпохи Шан.

⁵⁵ 梁效 лян сяо – ономим 两校 (два вуза). Псевдоним группы преподавателей двух университетов (Пекинский и Цинхуа). В годы «культурной революции» (впервые заявили о себе в сентябре 1973 г.) активно критиковали «Линь Бяо и Конфуция». Исчезли с арены истории после разгрома «банды четырёх» в октябре 1976 г.

⁵⁶ *Цзян Цин* 江青 (1914–1991). Актриса. В 1938 г. вышла замуж за Мао Цзэ-дуна и вошла в высшие эшелоны власти в Китае. Играла большую роль в руководстве «культурной революцией». После смерти Мао в 1976 г. причислена к «банде четырёх». Показательно осуждена за преступления периода «культурной революции» и прочие «ошибки» периода правления Мао. Покончила жизнь самоубийством.

они на наукообразном языке обосновывали и доказывали, в частности, что ханьская⁵⁷ Люй Хоу⁵⁸ была выдающейся деятельницей. Дело в том, что Цзян Цин хотела походить на неё. Вот они, в том числе Чжоу цзяошоу⁵⁹, сидели и писали под диктовку Цзян Цин. Знаете старый анекдот? «Допускали ли вы колебания в отношении генеральной линии партии? – «Допускал. Но колебался только вместе с генеральной линией». Так и Чжоу колебался. Когда была дружба («русский с китайцем братья навек...»), он спрашивал: «Лю Кэ-фу, что тебе нужно, скажи! И я сразу тебе сделаю!» Но прошло три года, и он говорит: «Сами подумайте, можем мы вас пустить в Аньян или нет?» Потом его прощают всё-таки за прегрешения. Ему повезло, уже после...

ВГ: После развенчания «банды четырёх»?

МК: Да. Он продолжал преподавать в университете. А потом на международном конгрессе он встречает меня: «Лю Кэ-фу!!!» Вот такая личность. А Цзянь Бо-цзань – это была другая личность. Мне рассказывали, можно сказать, свидетели, что когда началась «культурная революция» (меня тогда уже не было в Китае) Цзянь Бо-цзань (пожилой профессор, один из старейших членов компартии) подвергся критике хунвэйбинов за то, что он «идёт по капиталистическому пути». Хунвэйбины заявили к нему домой, перевернули все книги и на следующий день выгнали его с женой из большой квартиры декана в Бэйда, переселили в какую-то каморку, где даже окон не было. Потом к нему приходит человек в штатском и очень почтительно говорит: «Как вы здесь живёте? Надо походатайствовать, чтобы вам вернули вашу квартиру». Цзянь говорит: «Ну, это уж как начальство решит». Через некоторое время его уведомляют: «Вы можете вернуться в свою квартиру!» Потом снова приходит тот же самый человек и спрашивает: «Ну как, вы довольны?» – «Довольны, конечно!» – «А это лично Председатель Мао сказал: “Надо дать шанс Цзянь Бо-цзаню!” Это его личные слова». Цзянь отвечает: «Что ж, очень мило с его стороны». – «Ну так надо написать». Цзянь говорит: «Конечно, я напишу письмо, поблагодарю за то, что сейчас всё хорошо и я опять живу в своей квартире, хотя бы уж на старости лет». Человек говорит: «Да, напишите, но только не письмо! Ведь в 1936 году вы работали вместе с Лю Шао-ци⁶⁰. Напишите, что уже тогда вы ясно видели, что он –

⁵⁷ Хань 漢 – китайская династия. Существовала в Китае в 206 до н.э. – 220 н.э.

⁵⁸ Люй Хоу (241–180 гг. до н.э.). Императрица Люй Чжи 呂雉 (Люй Тай-хоу 呂太后 или сокращённо Люй-хоу 呂后). Жена ханьского императора Гао-цзу. После его смерти в 195 г. до н.э. распорядилась страной в качестве вдовствующей императрицы, назначая и снимая малолетних императоров вплоть до своей смерти в 180 г. до н.э.

⁵⁹ Кит.: профессор Чжоу.

⁶⁰ Лю Шао-ци 劉少奇 (1898–1969). Революционер, партийный и государственный деятель, один из руководителей КПК. Председатель КНР (1959–1968). Погиб во время «культурной революции».

предатель. Как человек, лично знавший этого подлого предателя, вы должны быть свидетелем». Цзянь говорит: «Простите, что я должен написать?» Тот повторяет. Профессор Цзянь Бо-цзань, декан истфака, говорит: «Да?» А потом говорит жене: «Будь любезна, открой вот эту дверь!» И пинком выставил за дверь этого человека в штатском. А через два дня его и его жену нашли мёртвыми. Вот это был Цзянь Бо-цзань!

ВГ: Тяжёлая история. Вы приехали в Китай, чтобы продолжать изучение Сыма Цяня. Как произошёл переход от Сыма Цяня к другим темам, к древнейшей эпиграфике?

МК: Вы знаете, моя супруга меня иной раз ругает. Говорит: «Ты постоянно меняешь темы! Сначала занимался Сыма Цянем. Потом приехал в Китай, поступил на археологическое отделение. Потом стал заниматься эпиграфикой. Потом эпиграфику забросил, поступил в институт этнографии, стал заниматься теорией этноса. А потом вообще занялся новейшей историей! Ну что это такое? Всё это очень несерьёзно!»

ВГ: И что вы отвечаете на это?

МК: А я говорю, прости меня, но ты не совсем права. И говорю то, что хочу сказать и вам. Я тогда твёрдо решил изучать Сыма Цяня. Это вообще основа знаний древнего Китая. Приехал в Пекин, затем мы с Женей Сеницыным переехали в китайское общежитие и попали к студентам-археологам. Они спрашивают Женю, чем он занимается. Он отвечает, что изучает эпоху Хань. Спрашивают меня, и я отвечаю, что изучаю Сыма Цяня. Они говорят: «Это, конечно, очень хорошо. Но, сам посуди, от Сыма Цяня остались только книги. Эти книги уже стоят у тебя в Москве на полке. Ты в принципе можешь изучать Сыма Цяня и в Москве. Ну выпиши ещё какие-то работы, напиши письмо специалистам. Тебе помогут, и ты можешь изучать Сыма Цяня сидя дома. А наша профессия – совсем другая! Мы раскапываем то, что было за тысячелетия до нас! Представь, что ты вынимаешь простой черепок из раскопа, а он был сделан 5000 лет тому назад, и кто-то держал его тогда в руках! Это не просто книга! А потом ты приходишь в музей и вдруг видишь этот предмет, который ты сам, своими руками вынул из культурного слоя. И теперь приходят люди, а там в застеклённой витрине стоит этот предмет, а на табличке написано, что это такая-то культура... Такое чувство не дано просто историку! Историк всегда на расстоянии с тем, кого он изучает. А здесь ты общаешься прямо с теми людьми...

ВГ: Осязаемая связь эпох.

МК: Да-да-да-да! «Мы советуем тебе сделать так, – говорят они. – Ты продолжай заниматься Сыма Цянем. Но поедем вместе на раскопки, и ты увидишь». И вот на

каникулы все поехали загорать в курортный *Бэйдайхэ*⁶¹, а мы с Женей Сеницыным и с *Борисом Мельниченко*⁶² (наверное, слышали это имя?) едем с этой группой на раскопки! Понимаете?

ВГ: Где были раскопки? Что вы копали?

МК: Копали культуру *Яншао*. Это недалеко в восточной части провинции *Шэньси*⁶³, уже на границе с провинцией *Хэнань*⁶⁴. Долина *Вэйхэ*⁶⁵, деревня Цюаньхуцунь. Там открыли поселение Яншао и могильник. Нам тогда доверили часть раскопа. И вот ты снимаешь верхний слой. Там, уже под пахотным слоем, идёт часть нетронутого грунта жёлтого цвета, а культурный слой – тёмный. И вот, уже как на картинке, здесь видна круглая яма. Вот здесь ещё какое-то очертание. И вот мы начинаем углубляться в этот культурный слой. Вынимаем предметы, фиксируем их, потом делаем какое-то небольшое обобщение по поводу того, что это такое. Потом раскопы соединяются вместе, и уже видна картина всего поселения!.. Когда я уже вернулся в 1962 году в Москву, мне очень долго снился именно этот момент – когда вдруг уже вся картина раскопа перед вами, и уже известно, что нужно, где что нужно вскрывать. Понимаете? И это решило в определённой степени мою судьбу, частично хотя бы. Женя не поддался и Борис не поддался, а я поддался... Мы поехали туда ещё до 1 курса, после окончания подготовительных курсов. И при переходе на 1 курс я уже подал заявление на отделение археологии.

КФ: Когда я была в Пекине, я познакомилась с госпожой *Лю И-мань*⁶⁶, которая сказала, что вы вместе учились.

МК: О! Правда, не совсем. Хотя нет, вместе, вместе!

КФ: Она вспоминала, что вы учились в одной группе...

МК: Понимаете, как получилось... Те студенты, с которыми мы жили в одной комнате, уже учились на третьем курсе. И я как бы в их группе был, ходил на лекции с ними на третьем курсе. А когда они кончили, я перешёл на свой нормальный курс, который полагался. Ну и, конечно, учился с ней. Вы давно были в Пекине?

КФ: Полтора года назад.

⁶¹ *Бэйдайхэ* 北戴河. Известный курортный район в провинции Хэбэй. Расположен на берегу Бохайского залива Жёлтого моря, в 280 км от Пекина.

⁶² *Мельниченко Борис Николаевич* (1935 г.р.). Востоковед, исследователь Юго-Восточной Азии, буддолог, д.и.н. (1993), преподаватель ЛГУ (с 1961), профессор СПбГУ (1996). Окончил истфак пекинского университета (1961), востфак ЛГУ (1962).

⁶³ *Шэньси* 陝西 – провинция в центре Китая.

⁶⁴ *Хэнань* 河南 – провинция на востоке центральной части Китая.

⁶⁵ *Вэйхэ* 渭河 – река, протекает в провинциях Ганьсу и Шэньси. Самый крупный приток реки Хуанхэ.

⁶⁶ *Лю И-мань* 刘一曼 (1940 г.р.). Археолог и историк. Много лет работала на городище Иньсуй под Аньяном.

МК: Она работает ещё?

КФ: Да, у неё кабинет в институте археологии. Я помню, что сравнительно недавно в журнале «Каогу» (Археология)⁶⁷ вышла статья под вашим китайским именем Лю Кэ-фу, которая касается сопоставления по находкам в *Иньсюе*⁶⁸. Вы сопоставляете местные орнаменты с западно-чжоускими⁶⁹.

МК: Да, была такая статья. И с этим была целая история.

КФ: Когда я её встретила, мне было настолько интересно и неожиданно, что у китайца такие взгляды на это. Такие взгляды иногда встречаются среди китайских авторов, но не очень распространены. Потому что в Иньсюе есть слои, связанные с уже западно-чжоуским временем. А когда я поняла, что Лю Кэ-фу – это ваш псевдоним, то это очень многое объяснило.

МК: Да, но это была целая история. Короче говоря, мои друзья меня сагитировали поехать, и я понял, что надо заниматься археологией. Например, то, что я держу сейчас в руках – копия керамической птицы, которую мы раскопали в свою первую поездку. Короче говоря, Сыма Цянь остаётся где-то там, а здесь... здесь я держу в руках эту птицу, и её же держали в руках *яншаосцы*⁷⁰! Понимаете? Это непередаваемое чувство! Кстати, это тоже интересная проблема – роль птицы в социальном строе яншаосцев. Археология ставит эту проблему, но археология всё-таки не говорит, она молчит. Конечно, я догадываюсь о чём-то, я могу даже восстановить существование рода, семьи. Могу посмотреть, где жила одна семья, и сказать, что Энгельс был неправ, никакой семьи «пуналуа» не было. А была нормальная маленькая семья, такая же как, может быть, и сейчас. Потому что жилище вмещает ну максимум пять человек. Но сами предметы не говорят. И вот, когда я ходил на лекции уже по археологии, спецкурс стал читать *Ху Хоу-сюань*⁷¹. Когда-то, когда начались научные раскопки в Аньяне, там тогда было 10 молодых учёных, и он был один из них. Они побратались: Лаода, Лаоэр, Лаосань... Он, по-моему, был Лаоцзю (девятый брат. – ВГ). Но прошло некоторое время, *Дун Цзо-бинь*⁷² уехал на Тайвань, а он стал главным специалистом по изучению иньских надписей.

⁶⁷ *Као гу* 考古 (Археология). Наиболее крупный и авторитетный археологический журнал в КНР. Выходит с 1955 г.

⁶⁸ *Иньсюй* 殷墟 (Руины Инь) – название городища под Аньяном, древней столицей династии Шан.

⁶⁹ Т.е. датируемыми временами династии Западная Чжоу (1046 г. до н.э. – 770 до н.э.).

⁷⁰ Население культуры Яншао.

⁷¹ *Ху Хоу-сюань* (1911–1995). Археолог, историк, палеограф. Изучал надписи на гадательных костях.

⁷² *Дун Цзо-бинь* 董作宾 (1895–1963). Историк, литератор, археолог, эксперт по *цзягувэнь*.

КФ: Лян Сы-юн⁷³ умер, и другие... Лян Сы-юн был одним из самых сильных, насколько я понимаю.

МК: Да.

КФ: И, собственно, это его была идея относительно некрополя.

МК: Да! Было очень много таких новаторских идей. Именно они изменили первоначальные подходы. Раньше просто рыли яму и искали надписи. А потом они стали вскрывать раскопы на больших площадях, чтобы восстановить общую картину жизни. Ну, так вот, Ху Хоу-сюань – это легендарная фигура. Очень интересно он читал лекции, постоянно ссылаясь на свои личные воспоминания и так далее. Я к нему подхожу и говорю, что я первокурсник, хочу заниматься археологией Инь-Шан, задал какой-то вопрос. Он так посмотрел и говорит: «Ну, если у вас есть ещё вопросы, то после лекции не стесняйтесь, подходите». И вот только он прочёл лекцию – я сразу к нему. Иногда мы уходили куда-то в свободную аудиторию, и он начинал мне рассказывать. А когда уже мы поближе познакомились, он сказал примерно то, что я сейчас сказал насчёт археологии. Он сказал: «Я тоже археолог по образованию, по призванию. Но сейчас я уверен, что археология должна быть совмещена с эпиграфикой. Только тогда археология заговорит. А немая археология – всё-таки это не полностью история, это один аспект, очень важный, чрезвычайно важный, но к нему надо добавить ещё голос того времени. Я советую вам познакомиться с надписями!» А он как раз читал нам про иньские надписи. Я стал знакомиться и увлёкся. И когда я уже писал дипломную работу (конечно, это всё было очень наивно), я попытался сделать то, о чём говорил мне Ху Хоу-сюань. Археология даёт нам материальные остатки. О чём-то, что связано с этими материальными остатками, говорится в надписях. И вот надо было попытаться это соединить. Моя идея заключалась в том, что в иньское время не было единого государства в обычном понимании, а были отдельные образования, которые потом стали *чжухоу го* (уделы вельмож-«чжухоу»⁷⁴). Они были объединены. В общем, это был такой комплекс. Кто-то присоединялся заново, кто-то уходил, не признавая власти *вана* (правителя). Поэтому, естественно, война была главной темой гадательных надписей. Казалось бы – почему всё-таки преобладает это?.. Короче, я написал такую работу. Руководителем у меня был *Чжан Чжэн-лан*⁷⁵ – очень

⁷³ Лян Сы-юн 梁思永 (1904–1954). Археолог, историк. В 1920–1930-х гг. работал на раскопках Иньсюя под Аньяном.

⁷⁴ Чжухоу 诸侯 — общее название китайской аристократии эпохи Чжоу, держателей одного из пяти титулов: *гун, хоу, бо, цзы, нань*. Буквально – «все хоу».

⁷⁵ Чжан Чжэн-лан 张政烺 (1912–2005). Историк, специалист по древней истории Китая, древнекитайской эпиграфике и проблемам письменности. Окончил истфак Пекинского университета (1932–1936). Работал в Нанкине, в Академии наук. Профессор истфака

крупный историк. А Ху Хоу-сюань был оппонентом на защите диплома. Эпиграфика – это такая вещь, нужно очень во многом разобраться. Я стал разбираться, меня это увлекло. Сначала, и прежде всего, гадательными надписями. Потом получилось так, что позднее, когда и мой сын уже стал заниматься Китаем (а он прежде всего стал заниматься западно-чжоускими надписями), он начал перетягивать меня в свою сторону. Я немножко поддался, не забывая про *цзягу вэнь*⁷⁶ (надписи на гадательных костях). Всё-таки, там тоже интереснейшие вещи, в западно-чжоуской эпиграфике.

ВГ: Она, наверное, более информативной уже была?

МК: Да, там другое уже. Там освещается вся жизнь, а не только то, что волновало *вана*. А *вана* волновало...

ВГ: Идти ли ему войной на врагов...

МК: Заболело ухо – наверное, это *предок Цзя* насылает на меня порчу. Всё вокруг *вана*. Наверное, если бы *цзягу вэнь* были и из других мест, там было бы и что-то другое, а здесь – вот так. Короче, так произошёл мой второй поворот, теперь уже в сторону эпиграфики. Я решил, что займусь археологией, приеду в Москву, поступлю в институт археологии, но параллельно буду продолжать заниматься эпиграфикой. Уже с *Киселёвым*⁷⁷ я обсуждал тему, которую буду изучать в институте археологии. Он приезжал в Китай, мы там с ним встретились, кстати говоря, в Аньяне.

ВГ: Вы там копали, а он приехал?

МК: Да. Он приехал посмотреть и был вне себя от Аньяна. И он говорит потом китайцам, в шутку, конечно: «Ребята, дайте мне раскоп 10 на 10 метров и разрешите мне по гроб жизни здесь копать. Я больше ничего не хочу!» Ну вот, мы вернулись в Москву в 1962 году.

ХШ: Самое главное ты ещё не сказал. Так получилось, что тебя учили три самых сильных китайских историка...

МК: Сказал. Таких профессоров, которые работали в Бэйда в конце 1950-х годов, после уже не было, и до сих пор в помине нет.

Пекинского университета (1946), преподавал в университете Цинхуа. После 1949 г. активно участвовал в организации научных учреждений КНР, в т.ч. Института археологии и Института истории. Работал во многих институтах, спецкомиссиях, учёных советах и научных издательствах.

⁷⁶ *Цзягу вэнь* 甲骨文 «письмена на черепаших панцирях и костях» – иероглифические надписи на гадательных костях. Считаются древнейшими китайскими текстами и образцами китайской письменности, относятся к XIV–XI вв. до н.э., то есть ко второй половине эпохи Шан. Подавляющее большинство находок происходит из древней столицы династии Шан под Аньяном.

⁷⁷ *Сергей Владимирович Киселёв* (1905–1962). Советский историк и археолог. Членкор АН СССР (1953), лауреат Сталинской премии (1950).

ВГ: Значит, они оказали на вас огромное профессиональное влияние?

МК: Да. Как на подбор были: Цзянь Бо-цзянь, Ху Хоу-сюань, Чжан Чжэн-лань, Тан Лань⁷⁸. И всё это были личности, понимаете?

ВГ: А Го Мо-жо⁷⁹?

МК: Го Мо-жо – это особая проблема... Был ещё декан факультета археологии Су Бин-ци⁸⁰. Он ко мне относился просто как к родному сыну. Очень он обо мне заботился! Учил способам идентифицировать керамику. Когда я приехал в 1989 году в Пекин после *лю сы* (событий на площади Тяньаньмэнь), я пошёл к нему домой. А он очень переживал это всё. Потом он говорит: 你知道，刘克甫，中国人有不怕死的 ...

ВГ: То есть «Ты знаешь, Крюков, есть и такие китайцы, которые не боятся смерти».

МК: Да. То есть были личности – Су Бин-ци, Тан Лань. Тан Лань – тоже специалист по эпиграфике, читает нам другой курс, по истории письменности. Тан Лань – родом из провинции Фуцзянь. Говорит с акцентом, очень трудно его понимать. А когда он волнуется, то вообще переходит на свой фуцзяньский диалект. Почти ничего не понятно вообще. Я спрашиваю у соседа по парте, у китайца, а он говорит: «Знаешь, я тоже ничего не понимаю». И вот иногда Тан Лань волновался – когда речь заходила о Го Мо-жо. И он рассказывает, говорит: «Го сяньюэнь (господин Го) высказал такую идею. Но она была неправильная! Я написал статью, в которой опроверг его точку зрения. Статью не напечатали. Я написал ему письмо. Он мне не ответил. Теперь я больше не общаюсь с господином Го. *Сяньцзай во хэ Го сяньюэнь цзюэ цзюэ ла* 现在我和郭先生绝交了.

ВГ: «Сейчас я разорвал все связи с господином Го!»

МК: Ну вот. Меня это заинтересовало. Ведь Го Мо-жо – президент Академии наук, а профессор Тан Лань – с ним *цзюэ цзюэ ла*! Что такое? Почему? Я стал знакомиться с деятельностью Го Мо-жо и ужаснулся! Вот Чжоу И-лян⁸¹, который колебался вместе с линией партии, это скромная тень великого Го Мо-жо!

ВГ: Какого вы имеете в виду Чжоу И-ляна?

⁷⁸ Тан Лань 唐兰 (1901–1979). Историк, профессор Пекинского университета (1946).

⁷⁹ Го Мо-жо 郭沫若 (1892–1978). Историк, писатель, поэт, общественный и государственный деятель. Президент Китайской академии наук (с 1949), член ЦК КПК IX–XI созывов, зампреда ПК ВСНП I–V созывов.

⁸⁰ Су Бин-ци 苏秉琦 (1909–1997). Археолог, историк. Профессор Пекинского университета (1952).

⁸¹ Чжоу И-лян 周一良 (1913–2001). Историк и религиовед. Специалист по истории Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий, истории Кореи и Японии. Автор и редактор многих учебников и энциклопедий. Профессор, завкафедрой древней истории Китая, замдекана и декан истфака Пекинского университета.

МК: Он крупный специалист по *нань бэй чао* 南北朝⁸².

ВГ: Это известный историк! В своё время я очень внимательно изучал многие его труды.

МК: Как специалист он известный. Что касается Го Мо-жо, то у нас опубликованы [не все] его автобиографические книги – только «Детство» и «Вёсны и осени революции»⁸³. Это 1920-е годы. Он очень активно участвовал в военных действиях, он там был вроде комиссара в одной из армий, которой командовал *Чан Кай-ши*⁸⁴. Там были советские военные специалисты, и он очень активно там действовал. Наступает 1927 год. В Ухани возникает правительство, Чан Кай-ши основывает правительство в *Нанкине*⁸⁵. Разворачивается конфликт *Гоминьдана*⁸⁶ и Чан Кай-ши, который ещё в Гоминьдане никто, он просто военный деятель. В этот момент Го Мо-жо попадает в Ухань и пишет статью о «предателе Чан Кай-ши». Проходит некоторое время, Чан Кай-ши одерживает верх и даёт ордер на арест Го Мо-жо. В частности потому, что тот оскорбил его лично. Го Мо-жо уезжает в Японию, но там он не занимается политикой. Кстати, в 1926–1927 гг. Го Мо-жо был членом компартии. Потом он уезжает в Японию и разрывает с компартией.

ВГ: Объявляет о выходе из партии (*туй дан* 退党)?

МК: Формально нет, но фактически он разрывает связи с КПК. Наступает 1936 год, разворачивается антияпонская война. В Японию приезжает какой-то его знакомый и говорит: «Слушай, сейчас все прогрессивные силы объединяются в борьбе против Японии. А ты сидишь в Японии, ешь японский хлеб. Возвращайся в Китай! А Го Мо-жо

⁸² *Южные и Северные Династии* 南北朝 (420–589 гг. н.э.). Период истории Китая, длившийся после эпохи Шестнадцати государств и до династии Суй.

⁸³ Го Мо-жо. Автобиография (Том 3): Вёсны и осени революции 《郭沫若自传(第三卷): 革命春秋》.

⁸⁴ *Чан Кай-ши* 蔣介石 (1887–1975). Второе имя Цзян Чжун-чжэн 蔣中正. Крупнейший политический и военный лидер Китая в XX в. Соратник Сунь Ят-сена. С 1924 г. – начальник военной школы Вампу (близ г. Гуанчжоу на оз. Хуанпу). С 1925 г. вошёл в руководство Гоминьдана. Генералиссимус, верховный главнокомандующий. Президент Китайской республики (1928, 1932, 1943, 1948–1975). Умер и похоронен на Тайване.

⁸⁵ *Нанкин* 南京 – город-порт в низовьях р. Янцзы, центр современной пров. Цзянсу. 12.04.1927, по приказу Чан Кай-ши, в Шанхае были совершён антикоммунистический переворот. 18.04.1927 Чан создал и возглавил антикоммунистическое правительство в Нанкине, но продолжавшее сотрудничество с коммунистами левое крыло Гоминьдана создало Национальное правительство в г. Ухань. Осенью 1927 г. сторонники Чана заняли Ухань. В декабре 1927 г. Чан стал главнокомандующим народно-революционной армией. В феврале 1928 г. IV Пленум ЦИК Гоминьдана учредил в Нанкине Национальное правительство Китая во главе с Чан Кай-ши. Официальной столицей Китая стал Нанкин.

⁸⁶ *Гоминьдан* 國民黨 – букв. «Партия нации и народа». Старейшая в политическая партия республиканского Китая, основанная первым президентом Китайской республики Сунь Ят-сеном. Истоки партии восходят к 1894 г., когда Сунь основал на Гавайях «Общество возрождения Китая» (Синьчжунхуэй). С 1945 г. до 2016 г. (кроме 2000–2008) – правящая партия в Китайской республике на Тайване.

говорит: «Да там меня арестуют!» Знакомый: «Ну, мы что-нибудь придумаем... поговорим». Через каких-то третьих знакомых обращаются к Чан Кай-ши: «Вот был такой Го Мо-жо, помните?» Чан Кай-ши говорит: «Да, был такой мерзавец, очень мне хотелось его пристукнуть». Ему: «Понимаете, сейчас он, во-первых, перековался. Во-вторых, сейчас идёт антияпонская война, он хочет вернуться в Китай, чтобы бороться с Японией. Дайте распоряжение, чтобы снять с него все обвинения...» Чан Кай-ши даёт такое распоряжение, Го Мо-жо возвращается в Китай и берёт интервью у Чан Кай-ши. Потом пишет в газете отчёт об этом интервью и говорит: «Я видел его. Я смотрел прямо ему в глаза. И я видел, что он – единственный, кто спасёт Китай!» Это его интервью в «полное собрание сочинений», естественно, не вошло. Но в газете оно сохранилось. В это время Чжоу Энь-лай⁸⁷ (не знаю, были ли они лично знакомы. Но Го Мо-жо – известный поэт, поэтому все его знали) говорит: «Приезжайте к нам в Яньань⁸⁸!» Го Мо-жо отвечает: «С какой стати, собственно говоря? Мне и здесь хорошо. Всё в порядке у меня! Какой там Яньань? Жить в пещере? Извините, за кого вы меня принимаете?» Отказал лично Чжоу Энь-лаю! Проходит ещё некоторое время, наступил 1949 год. Коммунисты вышли из пещер, в Пекине провозглашена Китайская Народная Республика. Го Мо-жо приезжает в Пекин и говорит Чжоу Энь-лаю: «Вы меня тогда приглашали, но у меня тогда были дела, понимаете.... Вот я приехал, и я с вами!» Тот говорит: «Но вы же уже много лет не в партии фактически». Го Мо-жо: «Но я могу подать заново заявление о вступлении в партию!» И в 1949 г. Го Мо-жо снова вступает в партию, потом становится президентом Китайской академии наук⁸⁹. Тогда ещё не было разделения на академию естественных наук и академию общественных наук (*шэ кэ юань* 社科院). Го Мо-жо теперь приближён к вождю (к Мао), они встречаются. Тот – поэт, и этот – поэт. Они обсуждают поэтические проблемы. Го Мо-жо работает во Всемирном Совете Мира и приезжает в СССР уже в таком качестве. Когда начинается «культурная революция», Го Мо-жо выступает и

⁸⁷ Чжоу Энь-лай 周恩來 (1898–1976). Партийный и государственный лидер Китая. Член КПК (с 1922). Член ЦК КПК (с 1927), член ПБ ЦК КПК (1928). Глава бюро ЦК КПК Центрального советского района (1931–1934). Представитель КПК при гоминьдановском правительстве в Нанкине и Чунцине (1937–1945). Премьер Госсовета КНР (1949–1954); министр иностранных дел КНР (1949–1958); зампреда ЦК КПК (1956–1966 и с 1973). После гибели министра обороны КНР Линь Бяо (1971) Чжоу стал второй после Мао Цзэ-дуна фигурой в руководстве Китая. Умер в Пекине.

⁸⁸ Яньань 延安 – городской округ в провинции Шэньси. Известен в истории Гражданской войны как один из конечных пунктов «Великого похода», а в последующие годы (с 1937 по 1948) – как столица «особого района Китая» и главный опорный центр КПК. Благодаря этому г. Яньань провозглашён в КНР «родиной Революции».

⁸⁹ Китайская академия наук (Чжунго кэсюэюань 中國科學院, КАН) создана 1.11.1949. В мае 1977 г. на базе Отделения философии и общественных наук КАН была создана Академия общественных наук КНР (Чжунго шэхуэй кэсюэюань 中國社會科學院).

говорит: «Вчера у себя дома я собрал все свои книги и хочу их сжечь. Всё, что я написал – написано неправильно! Мне не дано было предвидеть “культурную революцию”. Я хочу всё сжечь!» Все встают и приветствуют настоящего борца за «культурную революцию». Всё у него было хорошо во время «культурной революции». В один прекрасный момент он пишет личное письмо к Цзян Цин. Это письмо сохранилось. Он пишет: «Товарищ Цзян Цин! Мы ждём от Вас указаний. Вы нам указываете, а мы будем до конца исполнять то, что нужно. Мы не всегда знаем что нужно, но Вы-то знаете! Руководите нами!» По иронии судьбы это произошло, я не помню сейчас точно, примерно за две недели до ареста Цзян Цин и «банды четырёх». На следующий день после ареста Го Мо-жо пишет стихи: «Восток заалел, Солнце всходит! “Банда четырёх”, которая сидела, как клещ на теле китайского народа, свергнута!»

ВГ: Всё ясно с Го Мо-жо. Но вы-то знакомы были с ним, видели его лично?

МК: Лично я не видел, но я имел к нему отношение.

ВГ: Вы его критиковали заочно, или как?

МК: Он написал статью по поводу датировки круглого могильника в Аньяне. Говорит «то-то, то-то и то-то», и датирует это иньским временем. Но там сосуды – раннечжоуские, палеография – не иньская. И потом, что это такое? Почему сосуды просто брошены в яму? Это же не захоронение! Ну, я стал знакомиться с этим материалом и вижу, что, во всяком случае, сосуды – чжоуские.

КФ: Там, в отчёте первоначальном по Хоу-гану, сами археологи писали о том, что вид сосудов и палеография знаков, которые там написаны – западно-чжоуские. Потом уже это всё забыли.

МК: Ну, так вот. Я написал эту статью, которую по небрежности опубликовали в журнале «*Kao zu*» (Археология). В этой статье я говорю, что товарищ Го Мо-жо ошибался. Потом я расхрабрился и написал ещё одну статью по поводу связанных с этим терминов рабства. Отнёс туда же, в редакцию. А они в своё время получили нагоняй и когда увидели ещё одну статью какого-то Лю Кэ-фу, говорят: «Понимаете, в чём дело, термины рабства – это не археология. Мы не будем печатать, потому что это не по нашей теме. Понимаете? Не по теме!» Я сдал в шаньдунский журнал «*Вэнь ши чжэ*» (Культура, история, философия) – тогда был такой хороший журнал. Через некоторое время получаю оттуда письмо, где говорится: «Мы возвращаем Вашу статью. Вы не смогли опровергнуть ту точку зрения, которая уже давно принята в китайской науке. Она сформулирована президентом Академии Го Мо-жо». После такого отказа я разозлился. У меня был знакомый японец,

профессор токийского университета *Мацумару Митио*⁹⁰. Я написал ему о том, что есть у меня такая статья и спросил, можно ли опубликовать её. Он ответил: «Ну, присылай!» Я прислал ему статью, написанную по-китайски. Он сам перевёл её на японский язык и опубликовал в Японии. Были отклики на эту статью, авторы которых говорили – да, наверное, в этом что-то есть. С тех пор прошло 30 или 40 лет. Недавно я написал ещё одну статью по поводу могильника цзиньских *цзинь-хоу*⁹¹. С моей точки зрения, там погребены не *хоу*, а их родственники, поэтому ритуал не соответствует уровню правителя, а был рангом ниже. В общем, отнёс эту статью в пекинский журнал. История повторяется, понимаете? Сыма Цянь утверждал, что история повторяется, и он был прав. Я получил из редакции ответ – это не по теме. Как не по теме? Это же археологический памятник! Ларчик открывается просто: там я критикую «соратника» *Ли Сюэ-цин*⁹², а Ли Сюэ-цин – это сегодняшний Го Мо-жо.

ВГ: Подходы не меняются. И это печально.

МК: Мне захотелось написать книгу про Го Мо-жо. Но я всё-таки потом не стал. О покойных – или хорошо, или никак.

ВГ: Верно. Да и пора уже возвращаться вместе с вами в Советский Союз. В каком году вы вернулись домой со вторым китайским дипломом?

МК: В 1962 году я вернулся и пошёл в институт археологии. Сообщил им, что проучился пять лет в Пекинском университете, получил диплом археолога, показал свой диплом. Они говорят: «Ууу, как хорошо! Нам нужен специалист по Китаю со знанием китайского языка, имеющий опыт полевой археологической работы! Прекрасно, прекрасно! Но, понимаете в чём дело, сейчас у нас мест нет. Приходите к нам через год!» А я через год не могу прийти, потому что у меня на руках жена и Вася Крюков, который хочет есть. Я не могу год не работать и ждать, когда будет место. Так я не попал в институт археологии. А мой друг *Саши Решетов*⁹³ из Ленинграда, этнограф, говорит: «А давай к нам? Этнография – такая интересная наука!» Я говорю: «Я никогда к этнографии отношения не имел, я археолог, занимаюсь эпиграфикой». Он говорит: «Так вот это как раз и хорошо! Для этнографа важно знать истоки культуры, а вот ты как раз и будешь их изучать!.. Слушай, иди в институт этнографии, прямо к директору, и скажи, что ты хочешь работать в нашем

⁹⁰ *Мацумару Митио* 松丸道雄 (1934 г.р.). Японский историк, палеограф, исследователь эпохи Шан–Инь в Китае, почётный профессор Токийского университета.

⁹¹ *Цзинь-хоу* 晋侯 – кладбище правителей царства Цзинь. Расположено близ деревни Тяньма пров. Шаньси. Было раскрыто в 1979–1980 гг., раскопки велись до 2001 г.

⁹² *Ли Сюэ-цин* 李学勤 (1933 г.р.). Историк, палеограф, археолог, профессор университета Цинхуа (Пекин).

⁹³ *Решетов Александр Михайлович* (1932–2009). Этнограф, востоковед, исследователь истории отечественной этнографии.

институте!» А он работал в ленинградском отделении института этнографии. Я подумал-подумал – ну, что делать? Пошёл туда. И, не знаю почему, но меня сразу приняли.

ВГ: А кто был директором тогда?

МК: *Толстов*⁹⁴ – очень яркая личность. Он меня сразу взял. В это время готовили к изданию серию «Народы мира». В томе, посвящённом народам Восточной Азии, должны были быть исторические очерки. *Николай Николаевич Чебоксаров*⁹⁵, с которым я познакомился ещё в Китае, заведовал отделом.

ВГ: Он тоже приезжал туда в командировку?

МК: Да. Значит, он говорит: «Михаил Васильевич, прекрасно, вы только что из Китая, вы знаете археологию, нам как раз этого не хватает! Давайте присоединяйтесь к этому авторскому коллективу!» Я присоединился к коллективу и стал писать вводные исторические части. Кроме того, их тоже писал *Р. Итс*⁹⁶ из Ленинграда. Так я стал этим заниматься, но чувствовал, что всё-таки что-то не то! Нужно заниматься какой-то другой проблематикой, пусть это материал тот же, мой, но этнос... Я не знаю, что такое этнос! В это время, после смерти Толстова, приходит новый директор *Бромлей*⁹⁷. И Бромлей с самого начала сказал: «Ребята, мы – институт этнографии. Этнография изучает этнос. А вы знаете, что такое этнос?» ... «Нет, не знаем!» – сказали все хором. Он: «Вот и давайте ответим сначала на вопрос: каковы признаки этноса, как он возникает, как он развивается и как он исчезает. Потому что многие древние этносы исчезли, а мы этих закономерностей не знаем». И в силу этих обстоятельств мне пришлось заниматься этнической историей китайцев.

КФ: Но одновременно с этим вы, например, работали над монографией «Язык иньских надписей». Да?

МК: Да, я продолжал заниматься, но для меня это уже стало побочным. А главное – это этнос. И я действительно убедился в том, что нужно понять, что это такое. До этого теории этноса у нас не было. Бромлей попытался её создать. Что-то было не совсем

⁹⁴ *Толстов Сергей Павлович* (1907–1976). Историк, этнограф, археолог, д.и.н. (1942). Декан истфака МГУ (1943–1945), директор Института этнографии, директор ИВ АН СССР (1950–1952), членкор АН СССР (1953). Исследовал историю народов Средней Азии.

⁹⁵ *Чебоксаров Николай Николаевич* (1907–1980). Этнограф, д.и.н. (1949), профессор (1951). Родился в Харбине. Преподаватель истфака МГУ (1941–1966). Сотрудник института этнографии АН СССР (1943–1980). Работал в Китае (1956–1958). Изучал этнографию и этническую историю Китая, стран Европы и Восточной Азии.

⁹⁶ *Итс Рудольф Фердинандович* (1928–1990). Китаевед, этнограф, д.и.н., профессор ЛГУ, член Союза писателей СССР. Как писатель-фантаст известен также под псевдонимом Р. Демидов.

⁹⁷ *Бромлей Юлиан Владимирович* (1921–1990). Историк, этнограф. Окончил истфак МГУ (1950). Д.и.н. (1965), Академик (1976). Директор ИЭ АН СССР (1966–1990). Автор многих крупных работ по теории этноса.

доделано, но главная идея мне показалась правильной, и я стал этим заниматься. Но всё дело в том, что до этого я занимался ещё системой родства китайцев.

ВГ: Это отдельная тема, на которую хотелось бы поговорить тоже.

МК: Да, но это выросло у меня из иньской социальной [структуры]... Думан написал статью по Энгельсу, что якобы там был групповой брак. А у меня этого не получалось! Система родства отражает социальные отношения. Я стал заниматься системой родства. А социальное, как выяснилось, и этническое – это разные вещи, но они переплетены. И вот когда западно-чжоуские ранги исчезают в *Чуньцю*⁹⁸, тогда и появляется этнос. А до этого никаких этносов в иньских надписях нет! И в западно-чжоуских надписях нет, а в эпоху *Чуньцю-Чжаньго*⁹⁹ – это уже главное: «Ты кто? Китаец или варвар?» Раньше такого деления не было. То есть тема этноса выросла у меня из анализа социальных отношений в Западном Чжоу.

ВГ: Какой была главная идея в отношении сути этноса, которую вы приняли в ходе работы с Бромлеем? Что это? Кровнородственная общность, общность по историческим судьбам, языку и культуре, или это некое «воображаемое» родство? К чему вы пришли?

МК: Главная идея – что есть признаки этноса разных уровней. Низший уровень, или, точнее, условие формирования этноса, – общая территория. Следующий уровень – такие признаки, как язык и материальная культура. А на этой основе возникает самосознание. Вот когда у этой группы самосознание возникает – это этнос. А до этого – это ещё не этнос. Вот сейчас в Индии этнического самосознания почти нет, оно только начинает формироваться. Наши коллеги ездили в Индию и спрашивают: «Мы – русские, а вы кто?» А им отвечают: «Я – брахман, я принадлежу к касте брахманов». Так же как и в Западном Чжоу: я прежде всего – *чжу хоу*, а ты – *шу жэнь* 庶人 (простолюдин). Ты мне не брат! У нас и одежда другая, и вообще всё другое... И только потом, когда разрушилась эта сословная система, появляются новые понятия: *Чжунго* (Срединное государство) и *Хуася*¹⁰⁰ (китайцы). А в Индии до сих пор кастовая система. Официально она отменена, но она существует... Ну, так вот, социальное и этническое связано очень тесно. Изменение

⁹⁸ *Чуньцю* 春秋 – эпоха «Вёсен и Осеней» (722–481 гг. до н.э.), описанная в летописи *Чуньцю* («Вёсны и осени»), составителем которой считают Конфуция. Этот период относят к началу династии Восточная Чжоу.

⁹⁹ *Сражающиеся царства* 戰國 – период китайской истории с V в. до н.э. до объединения Китая Цинь Шихуанди в 221 до н.э. Следует за периодом «Вёсен и Осеней» (*Чуньцю*) и считается частью правления династии Восточная Чжоу, хотя династия Чжоу прекратила существование в 256 до н.э., на 35 лет раньше создания Империи Цинь и окончания данного периода.

¹⁰⁰ *Хуася* 華夏 – общее самоназвание древних китайцев, нередко используемое и в настоящее время.

социальное, в частности, разрушение системы наследственных рангов, либо каст даёт почву для появления уже этнического самосознания. Мы все – *хуася*, мы все – китайцы. Потом начинается развитие. Вот эта идея мне кажется правильной, и она мной была «выстрадана» на китайском материале.

ВГ: Перечисленные вами уровни вы назвали «таксономическими признаками»?

МК: Да, совершенно верно. Чтобы закончить с этим вопросом – я долго занимался этносом, но власти поменялись, скончался Бромлей, пришёл нынешний директор, который вообще этносов не признает.

ВГ: Новый директор – это *Тишков*¹⁰¹?

МК: Да. Вообще, это комедия! Директор института этнографии, глава науки об этносах считает, что этносов вообще нет!

КФ: А что есть тогда?

МК: Ничего нет! Просто есть люди. И всё! А то, что я – русский, а он – китаец, это придумано, этого нет у нас!

ВГ: Выходит, это так называемая «воображаемая общность»?

МК: Да, «воображаемая общность»!

КФ: Это такое постмодернистское сознание, подразумевающее, что это всё признаки, не имеющие никакого отношения к реальности. Реальность нерасчленима и неделима!

МК: Короче говоря, директор меня выгнал из института.

ВГ: В каком году это произошло?

МК: В 2002 году.

ВГ: Тогда мы с вами уже перешли на современность. А что было до этого, в 1990-е годы?

МК: Да. В 1990-х годах меня пригласили на Тайвань. Там совершенно случайно мне дали на отзыв магистерскую работу о ранних советско-китайских отношениях. И я там читаю на китайском языке: «В 1920 году в Шанхай к Сунь Ят-сену приехал советский российский эмиссар полковник Попов. Они вели переговоры». Меня как молнией ударило! Полковник Попов! Мой дядя был Попов, полковник, и он был китаистом. Может быть, это он?! Ответа нет. Я пытаюсь обратиться сюда-туда, что-то узнать об этом Попове – но у нас ничего нет! Да, вот был такой человек, но кто он такой – неизвестно. Между тем, у Сунь Ят-сена был секретарь, по фамилии Сокольский, который информировал американского консула в Шанхае обо всём, чем занимался Сунь Ят-сен, а консул потом докладывал в Вашингтон. Один мой знакомый из нашего института, который переехал

¹⁰¹ *Тишков Валерий Александрович* (1941 г.р.). Этнолог, историк, социальный антрополог. Д.и.н. (1979), профессор. Директор Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая (с 1989). Академик РАН (2008).

работать в Америку, посоветовал мне написать письмо в Национальный архив США. Я написал письмо, не очень рассчитывая на успех. Но однажды приходит ответ из Вашингтона, прислали запечатанный пакет. Я держу этот пакет в руках и боюсь его открыть – боюсь, что там написано: «К сожалению, ничего вам сказать не можем». В общем, открываю письмо, а там: «Уважаемый профессор, посылаем Вам один документ. Возможно, он будет Вам интересен». Открываю – а это донесение Сокольского о переговорах полковника Попова с Сунь Ят-сеном.. Я – прежде всего стал смотреть – есть ли инициалы? Есть инициалы – М.Г.! Всё!!!

ВГ: Всё совпало!

МК: Да! Я понял, что должен написать о своем дяде. Это, можно сказать, негласное завещание моей мамы. Она всю жизнь скрывала от меня, кто он такой. Теперь же я знаю, кто он такой! Я должен написать книгу! Хотя мама уже не увидит её, но я свой долг выполню. И я стал писать эту книгу про улицу Мольера, 29. Но для того, чтобы написать её, нужно знать историческую обстановку, которую я плохо знал. Пришлось заняться новейшей историей Китая!

ВГ: Это был ещё один поворот в вашей научной биографии, который в очередной раз изменил ваш путь?

МК: Да. Написал я книгу. Собрал архивные материалы, всё стало более-менее ясно. А потом мне стало жалко этих архивных материалов! И, в результате, в этом году мы всё-таки издали эту книгу о советско-китайских отношениях вообще, в которой я использовал собранные материалы¹⁰².

ВГ: Издали эту книгу в прошлом году?

МК: Она числится прошлым годом, но второй том вышел неофициально уже в этом году.

КФ: Извините пожалуйста, получается, что вас называли в честь дяди Миши?

МК: Да!

КФ: Получается, что вас называли именем дяди уже после его расстрела. Потом жизнь повела вас в Китай – точно так же, как и его?

МК: Да! Я случайно узнал всё это, понимаете? По-моему, я писал о том, что у меня был такой образ – словно два изображения сливаются в одно. Я слышал, что был полковник Попов, но не был уверен, что это мой дядя. Я знаю, что у меня был дядя, но я не уверен, что он – полковник Попов... И вот это письмо из Америки, донесение Сокольского, всё это прояснило! Причём Сокольский даёт очень высокую оценку моему дяде как учёному и

¹⁰² В.М. Крюков, М.В. Крюков. Весна и осень революционной дипломатии: первое десятилетие советской политики в Китае / Под общ. ред. В.С. Мясникова. Москва: Памятники исторической мысли, 2015. (Документальная история советско-китайских отношений (1917 – 1926 гг.). В 2-х томах. Т. 1. – 615 с., Т. 2. 608 с.).

так далее. Этот самый Сокольский сообщает о том, чего я не знал: например, что мой дядя переводил древнюю японскую поэзию. А сейчас я заканчиваю этот «невольный» для себя этап и возвращаюсь к гадательным надписям.

ВГ: Значит, снова возвращаетесь от новейшей истории к древности?

КФ: Но ведь вы никогда не забрасывали древность полностью? Ведь в 2004 или 2005 г. вышла ваша статья, посвящённая западно-чжоуским мотивам в Иньсюе?

МК: Это старая работа, написанная на основе той статьи, которую я публиковал в 1959 г.

КФ: Так это та самая статья, получается?

МК: Я высказал то мнение, которое отвергли китайцы, потому что Го Мо-жо сказал другое. А потом, через 20 лет я вернулся к этому. К этому времени у меня был уже другой материал...

КФ: Нашли мастерские, которые ближе к западу, к хребту. И как раз там были те материалы, на которые вы ссылаетесь, так? Форма с полосками, с кругами...

МК: Да! И, главное, под влиянием своего сына я стал заниматься палеографией. И я вижу сейчас, что это очень важный датирующий признак. Очень важный, может быть, даже основной! К нему надо что-то добавлять, а он лежит в основе. Так вот, палеография – ранне-чжоуская. В общем, я написал статью, в которой указал, что когда-то я уже высказывал эти идеи, но они не были приняты, а сейчас я по-прежнему уверен в том-то и в том-то...

ВГ: Позвольте вернуться к этнографии и к этнической истории. Как зародился ваш многолетний коллективный проект «Китайский этнос», вылившийся в публикацию так называемого «шестикнижия»? Как сложилась команда авторов, и как вы реализовали этот фундаментальный проект?

МК: Я уже говорил, что приехал тогда, когда шла работа над томами серии «Народы мира». Но эта работа привела к тому, что Николай Николаевич Чебоксаров, мой учитель уже по части этнографии, которого я чрезвычайно уважаю и чту, говорит мне: «Михаил Васильевич, а давайте напишем этническую историю китайцев!» Я говорю: «Это очень большая работа! Я могу взяться за самый начальный этап, ну и ещё немножко позже, до эпохи Хань. Меня давно занимала идея восстановить образ жизни при династии Хань. Какая одежда, какая пища...» Он говорит: «Это прекрасно, это то, что нужно! Это этнография, но только определённого исторического среза!» Я говорю: «Но я не занимался более поздними периодами». Он говорит: «Привлечём Решетова. Привлечём

*Софронова*¹⁰³ – лингвиста. Я беру на себя антропологические разделы. Хотя антропология важна для ранних этапов, а в наше время антропология уже к этносу не имеет отношения... Вот так создадим коллектив и напишем историю в двух томах: древность, средневековые и современность. Очень интересно!» Я говорю: «Ну, давайте работать!» Стали мы разрабатывать проект, проспект этой работы. Выясняется, что если уж писать – то писать подробно, с фактами, потому что просто так сказать, что китайский этнос первоначально сложился в *Чуньцю* – недостаточно. А сейчас даже считают, что он сложился 5000 лет назад! Значит, надо приводить факты. В итоге, проспект этой работы всё время увеличивался. Выяснилось, что древность, включая первоначальное сложение этноса – это целый том. Потом Хань – это тоже. Потом *Вэй Цзинь Нань Бэй чао* (Вэй¹⁰⁴, Цзинь¹⁰⁵, Южные и Северные династии) – это тоже нужно. Потом средневековые – это тоже нужно. И до современности мы не дошли, но дошли до новейшей истории, когда уже политические факторы играют очень большую роль. И это ещё один том. Получилось 6 томов! Потом привлекли к работе ещё и *В.В. Малявина*¹⁰⁶.

ВГ: Как он оказался в вашей команде?

МК: Он – ученик моей супруги. Я читал ему лекции. Мы были знакомы. Потом я устроил его на работу в наш институт. Наш проект тогда ещё не был закончен. Он присоединился к нему, и очень удачно. Он потом писал все разделы по части духовной культуры. Вот так сложился коллектив. Николай Николаевич – антропология и общая идея. Я – археология. *Михаил Викторович Софронов* – язык. И *Малявин* – духовная культура. И в томе по Хань появился ещё *Л.С. Переломов*¹⁰⁷. Мы не планировали приглашать его в соавторы, но дали

¹⁰³ *Софронов Михаил Викторович* (1929 г.р.). Языковед, д.филол.н. (1970), профессор МГУ. Автор трудов в области китаистики, по хетто-ливийским языкам и языкам Центральной Азии. Проводил исследования по дешифровке и реконструкции тангутского языка.

¹⁰⁴ *Вэй* 魏 – одно из трёх царств Эпохи Троецарствия Китая. Существовало в 220–266 гг.

¹⁰⁵ *Цзинь* 晉朝 (265–420). Одно из царств эпохи Шести династий. Существовало во времена между периодом Троецарствия и периодом Южных и Северных династий в Китае.

¹⁰⁶ *Малявин Владимир Вячеславович* (1950 г.р., Москва). Востоковед (китаевед), историк, философ. Д.и.н. (1988), профессор. Окончил ИСАА при МГУ (1972). Преподавал в ИСАА при МГУ (1975–1988). Работал в институте этнографии РАН (1985–1991). Профессор университета Тамкан (Тайвань, с 1997). Специалист по древнекитайской философии, культуре и этнической истории Китая. Интервью с В.В. Малявиным для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: <http://china-oral.ivran.ru/interview-in-pdf>

¹⁰⁷ *Переломов Леонард Сергеевич* (1928 г.р., Владивосток). Китаевед, д.и.н. (1970), профессор. Окончил МИВ (1951). Сотрудник ИК АН СССР (с 1955) Сотрудник ИДВ РАН с 1971. Президент Русского конфуцианского Фонда, член Правления Международной

ему свою работу на отзыв, а он говорит: «У меня есть свои материалы, давайте я тоже присоединюсь!» Присоединился – ну, ради бога! Вот так получилось.

ВГ: А в томах по средним векам и новому времени – там тоже есть археология?

МК: Там есть археология! Вот минская¹⁰⁸ мебель сохранилась, например. Минская одежда известна, потому что есть изображения того времени. Есть ли её изображения в письменных источниках – я не знаю. Но, в общем, на поверхности это не лежит.

КФ: Я помню, что ещё студенткой читала в томе «Китайцы в эпоху централизованных империй» ваш разбор того, как шился халат из тонких полос, как они компоновались для того, чтобы сделать полотнище халата. Я помню, что это произвело сильное впечатление!

МК: Как раз это можно восстановить только на археологическом материале. И так очень хорошо у нас всё получилось! Николай Николаевич – идейный вождь. Михаил Викторович – всё развитие языка на всём протяжении. К этому присоединилась археология. И, в общем, получилось нечто хорошее. Во всяком случае, я сейчас не вижу там каких-то больших ошибок или что нужно от чего-то отказаться. Это всё-таки основа. Может быть, лет через 20-30 кто-то напишет что-то новое. Новые материалы появятся и так далее. А пока, мне кажется, это всё-таки что-то даёт.

ВГ: Это по-настоящему фундаментальный, очень ценный научный труд, который и через 30 лет никто не пересмотрит. Может, только дополнят, обновят материал. Хотя, конечно, уже много воды утекло с тех пор.

Есть ли у вас ученики?

МК: А что такое ученик?

ВГ: Тот, кому вы преподавали и передавали свои идеи, кого опекали потом в ходе совместной работы...

МК: Понимаете, я читал лекции в ИСАА, в Пекине, на Тайване, на Кубе, в Японии и во Вьетнаме. У меня есть много учеников-вьетнамцев. Но, строго говоря, я не могу считать их своими учениками. Они занимаются другой проблематикой. Я их сегодняшними темами никогда не занимался. Поэтому формально – они мои ученики, а фактически – нет. Есть всего несколько человек, которых я могу считать своими учениками. В частности, на Тайване, поскольку я всё-таки пробыл там почти 10 лет занимаясь почти исключительно преподаванием. В России учеников, строго говоря, у меня нет. Правда, Малявин у меня

Конфуцианской Ассоциации. Исследователь древнекитайской философии: легизм, конфуцианство и др. Заслуженный деятель науки РФ.

¹⁰⁸ *Минская* – т.е. времён династии Мин 明朝 (1368–1644), правившей в Китае после свержения монгольской династии Юань.

слушал лекции, *Писарев*¹⁰⁹ у меня слушал лекции. Были студенты и аспиранты... Мои лекции по истории Китая слушали все те, кого моя супруга учила китайскому языку. Потом я читал довольно много спецкурсов, в частности, по истории китайской письменности.

ВГ: Я не слушал ваши лекции, но учился по вашим учебникам, изучал ваши труды, консультировался и обсуждал с вами в Москве и на Тайване многие научные проблемы. Ещё в 1987 г., работая преподавателем на истфаке ДВГУ, я задумался о выборе темы будущей диссертации, месте учёбы в аспирантуре и научном руководителе. Я тогда сделал общую ревизию своих интересов, выбрал самые интересные для себя эпохи, сферы и темы: Китай, средние века, источниковедение, эпиграфика, *чжурчжэни*¹¹⁰ или *сяньбийцы*¹¹¹. И так, методом «наложения кругов», вычислил наиболее подходящего по специальности и интересам научного руководителя. Мне хотелось, чтобы именно вы стали моим научным руководителем. Хотя как раз накануне моего поступления в 1987 г. в аспирантуру вы ушли из ИСАА, вы повлияли на выбор периода и темы моей диссертации (этническая история и этническая политика Северного Вэй), а в 1992 г. были официальным оппонентом на защите моей диссертации. Поэтому, с вашего позволения, у меня есть много оснований тоже считать себя вашим учеником...

Как вы оказались на работе в ИСАА?

МК: Просто меня пригласил преподавать профессор *М.Ф. Юрьев*¹¹². Сказал: «Прочтите, пожалуйста, такой-то курс!»

ВГ: Вы очень кстати упомянули Михаила Филипповича. Можно ли сказать несколько слов о нём как о человеке, китаеведе, учёном и преподавателе?

МК: Воспоминания очень положительные! Как человек Юрьев был очень приятен. Он был хорошим специалистом и хорошим администратором в ИСАА.

ВГ: Любил студентов.

МК: Да.

ХШ: Он был добрым.

¹⁰⁹ *Писарев Александр Андреевич* (1950 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1992), профессор ИСАА МГУ. С 1996 профессор Тамканского университета (Тайвань). Специалист по истории Китая в республиканский период.

¹¹⁰ *Чжурчжэни 女真*. Племена, населявшие в X–XV вв. территорию Маньчжурии, Центрального и Северо-Восточного Китая, Северной Кореи и Приморского края.

¹¹¹ *Сяньби 鲜卑*. Древние кочевые племена. Жили на территории современной Внутренней Монголии и Северо-востока Китая. Выделились из союза *дунху* в III в. до н.э.

¹¹² *Юрьев Михаил Филиппович* (1918–1990). Китаевед, д.и.н. (1967), профессор (1969). Окончил истфак МГУ (1941). Ветеран советско-финской войны (1939–1940) и Великой отечественной войны. Преподаватель истфака МГУ (с 1950), ИСАА при МГУ (1956–1990). Научный сотрудник ИДВ РАН (с 1967).

МК: Мы с ним встретились и познакомились в Китае, когда я ещё учился в Бэйда, а он приехал туда на короткое время. Потом я приехал в Москву, и он пригласил меня. Я с ним общался довольно долго. В общем, о Юрьеве у меня самые приятные воспоминания – и как об учёном, и как о человеке! Одно время он был проректором ИСАА и пригласил меня читать лекции. Я читал эти лекции с большим удовольствием. Особенно приятно мне было читать лекции по древнекитайскому языку. Я проводил такую идею, что, собственно, нет древнекитайского языка вообще, а есть древнекитайский язык иньской эпохи, древнекитайский язык чжоуской эпохи, а потом уже – *вэньянь*, который, собственно говоря, уже не древнекитайский язык. Как и латинский язык в средние века – это уже не живой язык, а что-то, возникшее на базе древнекитайского языка. Мне и самому было интересно рассказывать об этом, и студенты в целом воспринимали это довольно неплохо.

ВГ: Как был написан ваш знаменитый совместный с Хуан Шу-ин учебник «Древнекитайский язык», который мы знаем и ценим (почти все учились по нему и использовали как хрестоматию)? Появился в процессе преподавания?

МК: Идея родилась раньше. Но конкретно отработана она была уже в процессе преподавания, да.

ВГ: То есть много лет вы вместе собирали материал, выстраивали его...

МК: Да. Мы работали над ним вдвоём.

ВГ: Как был выбран принцип построения этого учебника? Что составляет его главные достоинства и особенности?

МК: Главная особенность в том, что он учит студента самостоятельно читать древнекитайский текст, в котором не были проставлены точки, да и вообще отсутствовали знаки препинания. Студент учится членить такой текст на предложения, потом анализировать каждое предложение с точки зрения его грамматической структуры и только после этого начинать переводить.

ВГ: С чем был связан ваш уход из ИСАА?

МК: Я всё же работал в другом месте, и моя судьба определялась работой в Институте этнографии. В ИСАА я просто читал лекции по совместительству. В годы работы в Институте этнографии мне пришлось очень много ездить не только по Союзу, но и по разным странам. Это было очень интересно и очень расширяло общий кругозор. Кстати говоря, это позволяло встретиться с людьми, с которыми я не мог бы встретиться ни при каких других обстоятельствах. Например, во время командировки в Японию мне довелось беседовать с японским императором!

ВГ: Как же это так получилось?

МК: В силу обстоятельств. Мы устроили выставку «Шёлковый путь», которая поехала в Японию. Император (тогда он был ещё наследником престола) пришёл на выставку, увидел меня и спрашивает: «American?». А я ему по-японски отвечаю: «Да нет, я из России». Император: «Да??? Вы знаете наш язык?!» Я говорю: «Очень плохо знаю, Вы можете в этом убедиться». Император: «Нет-нет-нет, неплохо для начала! Дерзайте, и будете хорошо говорить по-японски!» И мы поговорили с ним во время этой случайной встречи о Шёлковом пути. Если бы я работал в ИСАА, то, наверное, не было бы такого случая. Вот какие были встречи, очень памятные.

ВГ: Как раз в том году у вас была командировка в Японию?

МК: Да. Мы очень долго готовили эту выставку, и она получилась у нас неплохо..

ВГ: Наверное, и *Лубо-Лесниченко*¹¹³ участвовал в её проведении?

МК: Ну, конечно, конечно! Тогда Бромлей назначил меня руководителем этого проекта. Было очень сложно собрать экспонаты для общей экспозиции. Мы работали со многими специалистами, и Лубо тоже был душой этой выставки. Благодаря ему Эрмитаж дал экспонаты, которые обычно не даёт. А *Пиотровский-старший*¹¹⁴, милейший человек, потом говорит: «Михаил Васильевич, я даю вам вот эти экспонаты, но я уверен, что они вернуться в Эрмитаж повреждёнными». Я говорю ему: «А я уверен, что всё будет в порядке!» Он говорит: «Давайте заключим пари! Проигравший выставляет ящик коньяка!» Целый ящик коньяка!.. Зарплата у меня была не очень высокой, но я ответил что готов, что принимаю пари. Потом была выставка, мы приехали домой, коллеги в Эрмитаже приняли у меня экспонаты, претензий не было. Хотелось пойти к директору и сказать: «Простите, а где мой ящик?» Но я уже не пошёл... В общем, благодаря Лубо мы заполучили экспонаты из Эрмитажа и поехали с ними в Японию. Как мы вывозили экспонаты – это уже особая история, просто драматическая!

ВГ: Можно рассказать эту историю, хотя бы коротко?

МК: Вы не поверите! Гвоздём программы у нас было «золото скифов». Приезжают японцы, устроители этой выставки. Мы даём им список этих предметов. Они посмотрели, а там золото скифов из Киргизии, Киева и Эрмитажа – уникальное собрание, такого золота больше нет нигде в мире. Японцы посмотрели и говорят: «А как насчёт

¹¹³ *Лубо-Лесниченко Евгений Иосифович* (1929–2001). Китаевед, искусствовед, д.и.н. (1990). Членкор РАЕН (1997). Окончил ЛГУ (1953). Сотрудник (с 1957), завотделом Дальнего Востока (с 1965), главный сотрудник отдела Востока (с 1995) Государственного Эрмитажа. В конце 1990-х гг. преподавал на Тайване.

¹¹⁴ *Пиотровский Борис Борисович* (1908–1990). Археолог, востоковед; д.и.н. (1944), действительный член АН СССР (1970). Герой Социалистического Труда (1983). Директор Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР (1953–1964), директор Государственного Эрмитажа (1964–1990).

страховки?». Мы: «Ну, конечно, как же – музей без страховки экспонаты не даёт». Японцы: «А примерно какие суммы?» Ну, мы тогда навели справки и даём им сумму со многими нулями... Японцы говорят: «Слушайте, а ведь мы не потянем». Мы: «То есть, как не потянете? Как же быть тогда? Тогда не будет выставки. Ведь никакой музей не отдаст просто так уникальную вещь без страховки». Японцы: «Но мы не потянем». Мы: «Ну, значит, тогда ничего не будет!». Японцы: «Вообще-то есть один выход. Изготовьте копии золотых предметов, которые будут абсолютно похожи на подлинники, и мы выставим копии. А никому не скажем, что это – копии». Мы: «А как это, вообще, у вас такое принято?» Японцы: «У нас это вообще не принято, но, понимаете, глаза разгорелись у нас сейчас, такая выставка – она прогремит на всю Японию. А плату за страховку мы не потянем». Хорошо, мы идём в Академию, в институт какой-то там химии, непонятной органической... Спрашиваем: «Вот можете изготовить копии предметов?» Нам отвечают, что для этого подойдёт эпоксидная смола. «А потом, – говорят нам, – мы вам их позолотим. Один к одному. Внешне отличить от оригиналов невозможно». Мы говорим японцам. Они: «Это то, что нам надо! Делайте копии, заказывайте немедленно!» Изготовили копии. Я, как директор этой выставки, несу персональную ответственность за экспонаты. Мы оставляем золото в Москве, едем в аэропорт, а в описях сказано, что это золотые предметы! Есть разрешение, мы предъявляем всё. Всё хорошо. Нас пропускают. Мы приезжаем в Токио. Выставка должна открыться уже через неделю. И тут какой-то легкомысленный наш сотрудник проболтался и рассказал, что это – копии. Организатор выставки – фирма «Сэйбу» (西部). А есть фирма «Тобу» (东部), их конкурент. И это известие доходит до ушей конкурента! Они приходят и обращаются не ко мне, а к устроителям и говорят: «Правда, что у вас копии?» Те говорят: «Кто вам сказал?» Конкуренты: «Неважно! Вы скажите – да или нет?» Тогда устроитель говорит: «Ничего подобного, это оригиналы! Мы никогда копии не выставим!» Конкуренты: «Ну, хорошо, но мы это ещё проверим!». Тогда председатель японского оргкомитета говорит мне: «*Рю сэнсэй*, у меня к вам просьба! С этим вообще может быть связана вся моя дальнейшая судьба! Поезжайте в Москву и привезите нам подлинники. А уж страховку мы как-нибудь оплатим – извернёмся, что-нибудь придумаем, займём и получим в банке». Я говорю: «Но это очень сложно сделать всего за неделю!» Он: «Ну, я вас очень прошу, приложите все усилия! Иначе или полностью сорвётся выставка (а это скандал, ведь уже дана реклама по всей Японии), либо нас разоблачат с копиями и это тогда уже не только скандал, это – конец всему!» Хорошо! Я еду в Москву. Один. Опять по поводу этих же экспонатов, теперь уже подлинников. Собираю их – это один очень тяжёлый чемодан. Лучшие золотые предметы сложены в один большой, почти неподъёмный чемодан. В

радостном настроении я еду в аэропорт, прихожу на таможню и предъявляю им список. А таможенники говорят: «Ваш паспорт! Как фамилия? Где вы живёте?» Записывают всё. Я говорю: «А это причём здесь?» Таможенники: «Так вы же уже вывезли золотые предметы, которые тут у вас перечислены, две недели тому назад! Те же самые! Вот посмотрите – сличите эти два списка!» У меня, конечно, сердце ушло в пятки. Я говорю: «Вы понимаете, мы вывезли копии, а это – подлинники! У нас есть разрешение на вывоз подлинников!» Они: «А мы откуда знаем, что у вас копии, а что у вас подлинники? Вы вывезли подлинники, а говорите, что копии. Ничего не знаем, мы не можем вас выпустить!» Я возвращаюсь домой, у меня упадок сил. Сам я ничего не могу решить, поэтому иду к директору и рассказываю ему всё как есть. Он говорит: «Чёрт возьми! Ну как же вы допустили такой промах – не отметили, что вывозите в тот раз копии?!» Я говорю: «Ну, раз мы вывезли копии – то там экспонаты тоже будут приняты как копии. Иначе я не мог сделать!» Он разозлился страшно. Говорит: «Ну, сейчас что-нибудь придумаем. Звонит вице-президенту Академии Наук. Обращается по имени и говорит: «Слушай, вот такая история. Помоги выйти из этого положения, я сам не знаю как». Тот говорит: «Чёрт возьми! Всегда у вас в Институте этнографии какие-нибудь проблемы! Я тоже не знаю, как быть!» Ну всё, значит!.. Сорвано вообще всё это мероприятие, к которому готовились года три. Японцы, значит, гибнут. Мы тоже гибнем. Потом, вдруг, вице-президент говорит: «Слушайте, а знаете, что? У меня есть знакомый – начальник таможенного управления. Я ему объясню, если он подпишет, то вас пропустят»... В моём распоряжении остаётся ещё один день. Я иду в таможенное управление (конечно, к начальнику таможенного управления просто так простой смертный войти не может) и объясняю его помощникам – то-то, то-то и то-то. Помощник говорит: «Хорошо, ждите, его сейчас нет». Я сижу, жду, буквально считаю часы уже! Приходит начальник таможенного управления. Я ему объясняю, в чём дело. Он говорит: «Да, мне звонили из Академии. Пустяки-пустяки, всё сделаем!» И подписывает бумаги. В итоге, вышло так, что в первый раз мы везли копии в сопровождении милицейских машин с мигалками, а теперь подлинники я вёз в чемодане сам, на такси, без всякой охраны. Приезжаю в аэропорт. Показываю подпись – мне говорят: «Ну, теперь другое дело! Вам сразу нужно было сказать, что это... Идите!» Я с трудом тащу этот чемодан. Не знаю даже, сколько там было килограмм. Правда, тогда я был молодой ещё. Вхожу в зону регистрации, а рейс задержан! Что такое?! Потом мне там объяснили, что это был день, когда генерал Войцех Ярузельский объявил в Варшаве военное положение¹¹⁵. И были задержаны вообще все рейсы из Москвы, потому что никто не знал, что это означает. Думали, что, может быть,

¹¹⁵ 13 декабря 1981 г.

произойдут какие-то столкновения. В общем, задержали в том числе и рейс на Токио! Я смотрю на табло и на часы – ну же, да когда уже?! Мне говорят: «Вы не волнуйтесь, не волнуйтесь! Можете бесплатно пройти в кафе, поужинать... Я поднимаю свой чемодан и иду по лестнице в кафе, а они говорят: «Нет-нет, вы оставьте вещи! Здесь человек сидит, он присмотрит!» Я говорю: «Нет уж, я всё-таки сам свои вещи...» Как я поднялся на эту лестницу с тяжеленным чемоданом – не знаю вообще! Поужинали, а рейса всё нет. И вот, в конце концов, Всевышний всё-таки смилостивился: «Товарищи пассажиры на рейс такой-то до Токио, проходите регистрацию у такой-то стойки». Я прохожу регистрацию, вхожу в самолёт с чемоданом, сажусь и думаю – ну, если не будет крушения, то теперь всё в порядке! Прилетаю в Токио. А этот главный японский директор уже ждёт, смотрит!

ВГ: С чемоданом вы выйдете или без?

МК: Да. Увидел меня и спрашивает: «КАК???» – «Да всё в порядке!» «Слушай!!! Едем!» И закатывает царский ужин! Потом приносит эти вещи, вынимает из витрин копии, ставит подлинники. На следующее утро – открытие выставки. Огромная очередь стоит, потому что была реклама. Конечно, сюда же приходит человек из «Тобу» и говорит: «Так вот, мы всё же хотим проверить, подлинники это или копии». Тогда этот самый главный начальник говорит... Японцы очень вежливые люди, он ему предельно вежливо так говорит: «Я же вам с самого начала сказал – у нас подлинники, копий мы не выставляем! Присылайте специалиста! Но я потом напишу, что вы шпионили за нами, за конкурентами. И я не знаю, как вам в вашем «Тобу» отзовётся вся эта история. Ведь вы обвинили нас в том, что – страшно подумать! – якобы мы хотели выставить копии!» Тот спасовал, а выставка «Кочевые народы Евразии» прошла с огромным успехом!..

ВГ: Великолепная история! Расскажите теперь, пожалуйста, как вы стали членом Европейской Академии и почётным членом Британского королевского антропологического общества? Ведь это тоже мало кому известная история.

МК: Да, это тоже интересная история. Там у вас в списке был вопрос об отношении к Марксу. Все мы относились к Марксу с большим пиететом, как вы знаете. И к Энгельсу – тоже. Но потом отношение стало меняться. Всё началось с Энгельса. Я обнаружил, что его книга «Происхождение семьи, частной собственности и государства» содержит принципиальные ошибки. Он основывался на *Моргане*¹¹⁶. Но Морган был просто юристом, а не учёным. Конечно, он знал латинский язык и читал древних авторов. Но, под влиянием эволюционизма, Морган составил вот такую схему эволюцию семьи. Энгельс

¹¹⁶ *Льюис Генри Морган* (1818–1881). Американский учёный, этнограф, социолог, историк. Внёс крупный вклад в теорию социальной эволюции, науки о родстве, семье. Создатель научной теории первобытного общества, один из основоположников эволюционизма в социальных науках.

взял её, ничего не меняя. Но на конкретном материале – не получается! У меня возникло общее сомнение, я стал смотреть другое. А другое – тоже не получается! Вот «азиатский способ производства»¹¹⁷ по Марксу – что это такое? Это всеобщее явление или только азиатское? Где его место – спорят до сих пор, никакого результата нет. Поэтому Энгельса и Маркса я в своих работах не цитировал, чтобы не критиковать их... Ну, нельзя было этого делать! В институте я – младший научный сотрудник, меня выдвигают на старшего. Всё хорошо, к этому времени уже кое-какие книги мною написаны были. На аттестации всё идёт нормально, уже должны были переходить к голосованию. И тут одна наша сотрудница, Юлия Павловна Аверкиева, говорит: «Подождите, я хочу высказать своё мнение! Михаил Васильевич, – буквально так она говорит, – очень симпатичный юноша. Я к нему хорошо отношусь. Но, извините, он – не марксист!» После этой фразы директор и весь «синклит» оторопели: «Как, не марксист? И выдвинут на старшего научного? Отклонить!» И меня забаллотировали (не утвердили). В это время в Москве находился чех *Эрнст Геллнер*¹¹⁸, который жил и работал в Англии. Крупный социолог. Он приехал знакомиться с советской наукой. Ну и вот, все говорят: Крюков – не марксист, Крюков – не марксист! Он подходит ко мне – ему интересно посмотреть на живого советского этнографа-немарксиста. Мы разговорились. Я говорю: «Ну, я не то что бы, марксист-немарксист. Но да, вот было такое дело, посмотрите...» И я дал ему свои материалы, рассказал. Он заинтересовался. Дальше – больше. Мы с ним познакомились ближе. Он говорит: «Знаете что? Приезжайте! Я заведу кафедру социологии в Кингс-колледж в Кембридже. Приезжайте ко мне в Кембридж, прочитайте курс лекций». Я говорю: «Ну, это для меня большая честь – в Кембридже читать лекции!» Приезжаю к нему. Там был

¹¹⁷ *Азиатский способ производства* (АСП). Этот термин упомянут в нескольких работах К. Маркса в 1850-х гг. как вариант общественного устройства (например, в Индии и Китае). Для него характерна ключевая роль коллективов в организации общества (например, сельских общин), малое количество и значение рабов, а также огромная роль государства в жизни подданных. Хотя к концу жизни Маркс перестал упоминать АСП, наличие термина в его работах позволяло ряду историков-марксистов использовать концепцию АСП, чтобы объяснить ряд особенностей восточных обществ, не вписывающихся в теорию 5 формаций. В советской науке было несколько (обычно выделяют 3) дискуссий об АСП. Наиболее важной была вторая, проходившая в 1957–1971 гг. на фоне общей либерализации в СССР после XX съезда КПСС. В 1965 г. прошла Московская дискуссия об азиатских производственных отношениях. В ней участвовали видные историки СССР, Франции, Венгрии и Германии. Большой резонанс получила предложенная К. Виттфогелем концепция восточного деспотизма, проводившая параллели между АСП и тоталитарными обществами вообще (в т.ч., сталинским СССР) (см. Wittfogel K. *Oriental despotism; a comparative study of total power*. New Haven, 1957).

¹¹⁸ *Эрнст Андре Геллнер* (1925–1995). Английский философ и социальный антрополог, профессор философии, логики и научного метода Лондонской школы экономики Лондонского университета (1962–1984), профессор социальной антропологии Кембриджского университета (1984–1993).

официальный обед, на котором нужно быть в мантиях. И там на каждую персону сервирована не одна тарелка, а целых пять. На какую тарелку положить одно, а на какую – другое – он это всё мне рассказал, чтобы я не выглядел первобытным человеком. Потом я прочёл там курс лекций, ему понравилось. А он, конечно, очень критически относился к нашей социологии, особенно к работам *Семёнова*¹¹⁹ о первобытном обществе. Потом я вернулся оттуда, из Англии, и вдруг получаю уведомление – Вы избраны действительным членом Европейской Академии Наук! Оказывается, это Геллнер меня рекомендовал. Но там не так, как у нас проходят выборы в академики. Там смотрят работы. Там неважно – член партии или не член партии, занимаю я должность какую-то или нет. Там смотрят работы. Ну вот и выбрали меня.

ВГ: Какой это год был?

МК: Это 1990-й год. А после этого меня приглашали ещё раз читать лекции. К тому времени я уже несколько раз бывал с экспедицией во Вьетнаме и в Китае. Вот меня и пригласили прочесть серию лекций по поводу социального строя *качинов*¹²⁰. Потом приходит извещение – «Вы избраны почётным членом Королевского антропологического общества».

ВГ: А когда вы полемизировали с *Львом Николаевичем Гумилёвым*¹²¹, вы критиковали его с позиций марксиста или немарксиста? Как марксиста или как немарксиста?

МК: Нет, я его критиковал как историк.

ВГ: Как историк – историка?

МК: Он был историком. Но, понимаете, такая ведь наследственность у него – и папа, и мама – поэты. Поэтому он так же, кстати, как и Го Мо-жо, мыслил прежде всего чувствами, образами, а уж потом обращался к источникам. И вот тут у него были серьёзные пробелы. А он отбрыкивался, он говорил: «Вы меня критикуете вот за это? Вы – мелковеды! Для вас важен факт! А я – теоретик, для меня важна идея. Поэтому ваша критика меня не трогает совсем!» Вот. А то, что он говорил про Бромлея – это вообще неприлично. Они столкнулись на почве теории – выдвигали две разные теории этноса. Гумилёв говорил мне в Ленинграде: «Как вашего директора фамилия? Кажется, Бромлей,

¹¹⁹ *Семёнов Юрий Иванович* (род. 1929). Историк, философ, этнолог, д.и.н. (1963), профессор. Специалист по философии истории, истории первобытного общества, теории познания; создатель оригинальной глобально-формационной (эстафетно-стадиальной) концепции мировой истории.

¹²⁰ *Качины* – тибето-бирманский народ, живущий в лесных горных районах на севере Мьянмы (в пределах Качинского и Шанского штатов). Небольшие группы качинов живут на юге КНР, на северо-востоке Индии, в Таиланде и Лаосе. Входят в 56 официально признанных народов Китая.

¹²¹ *Гумилёв Лев Николаевич* (1912–1992). Историк-этнолог, археолог, востоковед, писатель, переводчик. Д.и.н. (1961), автор «пассионарной теории этногенеза».

если я не ошибаюсь?» Я: «Да». Гумилёв: «Хорошая книга у него – “Этнос и этнография”. Я даю эту книгу своим студентам на экзамене. Даю полчаса времени и прошу найти там фактические и теоретические ошибки. Будет 10 ошибок – пятёрка, 5 ошибок – четвёрка. Но, скажу вам, что неуспевающих у меня нет!»

ВГ: Анекдотичная история. К сожалению, фактических ошибок в его собственных работах тоже немало. Ведь он работал с китайскими источниками в западных переводах!.. Но вашу критику многих его гипотез не назовёшь «мелковедческой». Вы же указывали на фундаментальные расхождения его гипотез с реальностью. Например, в плане влияния колебаний климата на миграции и народонаселение...

МК: Нет, что-то у него было правильным. По поводу климата он пытался разобраться. Колебания народонаселения, скачки там... это возможно. Но «пассионарность» – это что-то такое, чего я до сих пор не понимаю. Значит, люди наедаются каких-то ядовитых грибов, они начинают сходить с ума, и вот тут возникает этнос. А как быть с Китаем, где эти грибы не растут, а растут только съедобные грибы? И так далее. То есть у него были яркие идеи, которые очень хорошо воспринимались студентами. На лекции Гумилёва нельзя было протолкнуться. Но это всё было не очень серьёзно. По большому счёту, он опровергнуть Бромлея не мог и злился поэтому. И вот придумал такую историю с экзаменами.

ВГ: Да, эта история доказывает, что Бромлей его сильно злил. А как вы относитесь к построениям сторонников «азиатского способа производства»? К работам *Леонида Сергеевича Васильева*¹²², например?

МК: Я был в Китае, Васильев в это время уже стал в Москве известным китаистом. Он написал работу «Происхождение китайской цивилизации»¹²³. По-моему, это была его первая большая работа, где он доказывал, что культуры красной керамики в Китае – *мацзяо*¹²⁴, *янишао*¹²⁵ и прочие – пришли с запада. С территории нынешнего Израиля и тех

¹²² *Васильев Леонид Сергеевич* (1930–2016). Востоковед. Окончил истфак МГУ (1953). Д.и.н. (1974), профессор (1979). Главный научный сотрудник ИВ РАН/АН СССР (с 1956). Профессор ИСАА при МГУ, НИУ Высшая школа экономики (с 2007). Автор 2-томного университетского учебника «История Востока», 6-томного учебного пособия «Всеобщая история», учебного пособия «История религий Востока», ряда монографий и сотен статей по истории и культуре Китая, проблемам востоковедения и всеобщей истории.

¹²³ Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса. М., Наука. 1976.

¹²⁴ *Мацзяо* 马家窑 – неолитическая культура IV–III тыс. до н.э., существовала на территории современного Китая. Одна из трёх неолитических культур (наряду с Цюйцзялин и Яншао), существовавших практически параллельно и сыгравших наибольшую роль в формировании китайского этноса в бассейне р. Хуанхэ и близлежащих территорий, на месте современных провинций Ганьсу и Цинхай.

районов, где тоже есть крашенная керамика. Я эту версию принять не мог, прежде всего из-за датировок. Я ему показал, что раннее *яншао* не имело никаких связей с западом. Потом стало распространяться на запад, потом – в Синьцзян. Потом, действительно, там есть поздняя крашенная керамика, которая напоминает ближневосточную. Но хронология именно такая, а не наоборот. Значит, этот центр крашеной керамики в Китае был автохтонным. А потом уже были контакты. Возразить против хронологии Лёня не мог. Поэтому он к этому уже не возвращался. Но, понимаете, это какое было время? ... Кто-то говорил про Васильева: он сейчас хочет опровергнуть ценность китайской культуры. Китайцы до сих пор уверены, что он был как новосибирский академик *Окладников*¹²⁶. Окладников сначала признавал, что сосуды-«триподы» пришли в Сибирь из Китая. Но потом, когда «генеральная линия партии» изменилась, изменился и он. И стал доказывать, что триподы пришли в Китай из Сибири.

ВГ: А сибирская бронза была якобы древнее, чем китайская.

МК: Да. Значит, Васильева обвиняли в таких же вещах. А он мне сказал: «Знаешь, Миша, ты можешь меня критиковать, но вот в этом обвинять меня будет несправедливо. Я эту работу написал ещё в 1950-х годах, когда русский с китайцем были «братья навек», а её не напечатали, потому что тогда было нельзя этого утверждать. А сейчас можно, вот я её и опубликовал. Я не виноват, что изменилась конъюнктура. Мои идеи остались теми же, что были изложены ещё тогда». В общем, эта его работа – неудачна, потому что там недостаточно знания материала. Тогда, когда он писал, ещё не было дат. Если бы он знал их, то, может быть, интерпретировал по-другому или вообще не написал бы этой работы. У него есть ценные работы, например, по религии и по другим проблемам, по раннему Китаю вообще. Что-то – хорошее, что-то – не очень. Был у нас ещё китаевед, которого сейчас, наверное, уже не помнят – *Рубин*¹²⁷.

ВГ: Отчего же, его все помнят. Виталий Аронович.

¹²⁵ *Яншао* 仰韶 – устоявшееся в прошлом название группы неолитических археологических культур, существовавших на территории Китая (долина средней части реки Хуанхэ) в V–II тыс. до н.э. Выделена в 1921 г. на материале провинции Хэнань шведским геологом Н. Андерсоном. Одной из отличительных характеристик является расписная керамика.

¹²⁶ *Окладников Алексей Павлович* (1908–1981). Археолог, историк, этнограф. Академик АН СССР (1968), членкор Британской академии (1973), лауреат Сталинской премии (1950) и Государственной премии СССР (1973). Герой Социалистического Труда (1978).

¹²⁷ *Рубин Виталий Аронович* (1923–1981). Китаевед, к.и.н. (1960). Окончил Истфак МГУ (1951). Преподавал русский язык китайским студентам в Институте с/х (г. Новочеркасск, 1951–1952), референт по литературе о Китае в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР (1953–1968). Сотрудник ИВ АН СССР (1969–1972). Профессор Иерусалимского университета (1976–1981). Изучал историю философии древнего Китая.

МК: Он был крупнейший специалист, но так сложилась его судьба.

ВГ: Собрание его трудов было издано А.И. Кобзевым¹²⁸.

МК: Да-да, но это не всё, что он написал. Хотя Кобзев очень хорошо сделал, что нашёл и издал это... Это поколение – Рубин, Васильев – они многое сделали. Очень многое сделали!

ВГ: Приходилось ли вам в те годы общаться и работать с *Д.В. Деоником*¹²⁹?

МВ: С Дегой Витальевичем я познакомился в 1962 году, когда вернулся в Москву. Мы с ним подружились, часто обсуждали перспективы изучения древней истории стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Встречи с этим прекрасным специалистом по Вьетнаму были для меня очень ценны, потому что через несколько лет после этого я тоже много раз бывал в этнографических экспедициях во Вьетнаме. А в этот раз (в июне 2016 г. – ред.) он мне позвонил, и мы снова встретились, хотя должен признаться, что, случись это на улице, я бы его не узнал после нескольких десятилетий разлуки. Выяснилось, что за это время он успел стать китаистом, чему я очень рад!

ВГ: В годы работы в институте этнографии вам довелось выезжать в экспедиции за границу и вести там полевые исследования. В каких странах вы тогда побывали?

МВ: Мне довелось проводить этнографические исследования в Китае, Вьетнаме, Океании и на Кубе. Все они имели целью получение новых, живых и убедительных данных, необходимых мне для разработки целого ряда проблем, связанных с теорией этноса.

ВГ: Какие это были проблемы?

МК: Первая из этих проблем – структура признаков этноса и историческая последовательность их формирования. Предпосылка формирования этноса – общая территория. На этой основе возникают его признаки низшего порядка – общность языка и материальной культуры. Катализатором этого процесса становится этническая эндогамия. Затем эта объективно сложившаяся общность осознается этносом, что находит выражение в появлении единого самоназвания (т.н. эндоэтнонима). Это – этнический признак высшего порядка, критическая точка этногенеза, «перерыв постепенности», только после которого можно утверждать, что формирование этноса завершилось. Этот взгляд мне удалось подтвердить в нашем шеститомнике на примере формирования китайского

¹²⁸ Рубин В.А. Личность и власть в древнем Китае: Собрание трудов. М.: Вост. лит., 1999. 383 с.

¹²⁹ *Деоник Дега Витальевич* (1932 г.р., Москва). Востоковед, д.и.н. (1996). Окончил истфак МГУ (1956). Заведовал кафедрой истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА при МГУ, заведовал кафедрой всеобщей истории истфака в Православном Свято-Тихвинском гуманитарном университете. Область интересов: Социально-экономическая история Юго-Восточной Азии, история Вьетнама, применение математических методов в исторических исследованиях, текстология древнего Китая, археология юга России.

этноса. Но этносы не только возникают, но и исчезают. А каков алгоритм этого процесса? На Кубе я рассчитывал получить на этот счёт конкретный материал на примере деэтнизации коренного населения – индейцев. И экспедиции на Кубу в 1972 году подтвердили, что процесс исчезновения этноса идёт в той же последовательности: не осталось уже ничего от традиционной материальной культуры, забыт родной язык, но о том, что данный этнос ещё существует можно говорить до тех пор, пока не исчезло этническое самосознание и этнофоры¹³⁰ не забыли своё самоназвание.

В Океании дело обстояло иначе. На определённом этапе моих исследований я пришёл к убеждению, что этнос формируется только в том случае, если этому не препятствуют некоторые параметры социальной структуры группы. А важным источником изучения этой структуры являются системы родства. Поэтому построить стройную теорию этничности невозможно без уяснения сущности соотношения этнического и социального и без решения спорных вопросов типологии систем родства и исторического соотношения их типов. Говоря коротко, центральная проблема в этом смысле – проблема «малайской» системы родства. Морган, за ним Энгельс, а за Энгельсом – подавляющее большинство советских этнографов считали эту самую простую систему родства наиболее древней. Китайский материал не подтверждал уверенность в этом: в древнейших эпиграфических источниках мы не находим следов существования этой системы.

Зато в этих источниках фигурирует загадочный термин *шэн 甥*, который обозначает совершенно различных (с нашей точки зрения!) родственников: сына сестры отца, сына брата матери, брата жены и мужа сестры. Этот термин ставил в тупик традиционных исследователей, которые не могли предложить никакого объяснению подобной аналогии. После *Н.Н. Миклухо-Маклая*¹³¹, в конце XIX – начале XX вв., на Новой Гвинее много лет работал немецкий миссионер Август Ханке, составивший словарь языка бонгу. В нём он приводил значения ряда терминов родства, но в случае с термином *ghabal* ограничивался тем, что писал: «Термин для обозначения какого-то отношения родства». Я не мог отделаться от мысли, что этот *ghabal* – это дубликат древнекитайского 甥 и поэтому чётко определить его Ханке затруднялся, подобно своим китайским коллегам-комментаторам

¹³⁰ *Этнофор* – От греч. *ethnos* племя, народ + ит. *fora* наружу, вне, вперёд. Представитель этноса, индивидуальный носитель определённой этнической культуры, носитель его психологических свойств и этнического сознания.

¹³¹ *Миклухо-Маклай Николай Николаевич* (1846–1888). Русский этнограф, антрополог, биолог и путешественник, изучавший коренное население Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, в т.ч. папуасов северо-восточного берега Новой Гвинее, называемого Берегом Маклая.

древних текстов. Но ответить на этот вопрос можно было только побывав в деревне Бонгу и на месте выяснив, что скрывается за этим термином.

ВГ: Судя по всему, вам удалось побывать в деревне Бонгу! Как это произошло?

МВ: Мне в очередной раз фантастически повезло. Однажды меня остановила в коридоре учёный секретарь института и спросила: «Михаил Васильевич! Мы готовим экспедицию на Новую Гвинею. Не примете ли вы в ней участие?» Я не поверим своим ушам! Но мой сосед, услышав об этом, сказал: «Ты работаешь в Институте имени Миклухо-Маклая и живёшь на улице Миклухо-Маклая. Так что тебе прямая дорога по его следам на Новую Гвинею!» Так я оказался в 1971 г. на «Дмитрии Менделееве». В деревне Бонгу моё предположение подтвердилось: как и 𑀧𑀺𑀢𑀺, таинственный *ghabal* обозначал сына сестры отца, сына брата матери, брата жены и мужа сестры! А это означало, что у современных папуасов, как и у иньцев в древнем Китае, ещё недавно существовала система дуально-родового брака и этничность у них ещё не сформировалась. Право же, для того, чтобы убедиться в этом, стоило плыть на «Дмитрии Менделееве» за тридевять земель!

ВГ: В каком году проводилась эта экспедиция?

МК: Наше путешествие на «Дмитрии Менделееве» было в 1971 году.

ВГ: Тогда же Вы побывали и на Эроманге?

МК: Да. В Океании меня ждало ещё одно везение. Меня и корреспондента «Правды» Мишу Ростарчука пригласили побывать на острове Эроманга, где никогда не высаживались русские исследователи. И там я обнаружил функционирующую систему родства «малайского» типа, хотя предшествующие этнографы ещё сравнительно недавно фиксировали там терминологию, в общем и целом аналогичную древнекитайской. Таким образом, на Эроманга я получил решающее доказательство того, что Морган и Энгельс ошибались: «малайская» система родства – поздняя боковая линия трансформации социальной структуры общества.

ВГ: Как называется книга, написанная вами по итогам этой экспедиции? Думаю, что очень немногие из коллег-китаеведов знают о её существовании!

МК: Книга называется «Этот таинственный остров Эроманга»¹³². Она вышла в 1989 году. А о деревне Бонгу у меня были только статьи, главная из них – «Можно ли заглянуть вглубь истории Бонгу». Она опубликована в сборнике «На берегу Маклая»¹³³.

ВГ: Как проходили и насколько значимыми были ваши экспедиции в Южный Китай?

¹³² Крюков М.В. Этот таинственный остров Эроманга. М.: «Наука» (ГРВЛ). Серия: Рассказы о странах Востока. 1989. 128 с. ISBN: 5-02-016580-9

¹³³ Крюков М.В. Можно ли заглянуть в глубь истории Бонгу? (Очерк системы родства) // На берегу Маклая. М., 1975. С. 185–203.

МК: Я уже рассказывал, что занялся проблемами теории этноса, откликнувшись на призыв Бромлей и восприняв сформулированные им основные принципы этой теории (а он основывался на достижениях отечественной дореволюционной этнографии, прежде всего на работах *С.М. Широкогорова*¹³⁴, и на отдельных мыслях, высказывавшихся советскими исследователями, в том числе С.А. Токаревым, Н.Н. Чебоксаровым и др. в то время, когда термин «этнос» был у нас под запретом). Но сделав первый, очень важный шаг на этом пути, Бромлей, разумеется, не мог сразу охватить всю совокупность различных аспектов этой проблемы и, кроме того, сознательно оставлял за скобками некоторые важные её стороны. Так, он признавал предпочтительное заключение браков внутри «нашей» общности катализатором процесса этногенеза, однако решительно не хотел включать эндогамию в число признаков этноса, поскольку боялся, что это будет означать сползание к точке зрения Л.Н. Гумилёва, считавшего этнос не социальной, а биологической общностью. В известной мере противореча самому себе, Бромлей, например, называл род «антиэтносом», поскольку род экзогамен. Кстати говоря, это показывало абсурдность квазинаучного сталинского догмата, включавшего в число «исторических общностей людей» род, племя, народность, нацию.

ВГ: А как вы относились к точке зрения *Л.Н. Гумилёва*¹³⁵?

МК: Я полагал, что бояться Гумилёва не следует и нужно признать объективно существующий факт: эндогамия – один из признаков этноса. Поэтому в нашу современную эпоху, когда традиционная культура этноса постепенно утрачивает свою этноразграничительную функцию и в джинсах ходят не только янки, но и русские, и китайцы, главными признаками, позволяющими определить границы этноса являются его самоназвание (эндоэтноним) и круг брачных связей. Это позволяло, на мой взгляд, решить крайне запутанный вопрос о том, какие же, в конце концов народы, населяют полиэтничные страны и, в частности, нашу страну. Официальная формула «100 наций и народностей» вполне очевидно не соответствовала реальному положению вещей, а регулярно проводившиеся переписи населения никак не способствовали выяснению истины. Причина заключалась в том, что перед переписью составлялся список народов, основанный не на самоназваниях, а на названиях со стороны (экзоэтнонимах), а

¹³⁴ *Широкогоров (Shirokogoroff) Сергей Михайлович* (1887–1939, род. в г. Суздаль). Выдающийся антрополог, этнограф, лингвист и педагог. Исследователь Сибири и стран Дальнего Востока. В 1922 г. уехал из Владивостока в Китай, жил в Шанхае (1922–1926). Преподавал в университетах Пекина, Шанхая, Сямыня (Амоя), Гуанчжоу (Кантона). С 1930 г. жил и работал в Пекине.

¹³⁵ *Гумилёв Лев Николаевич* (1912–1992). Историк-этнолог, востоковед, д.и.н., д.геогр.н., переводчик. Основатель теории пассионарной теории этногенеза. Сын А.А. Ахматовой и Н.С. Гумилёва.

результаты обследования потом подгонялись под эту мерку. Я предлагал поступить наоборот: список народов составлять уже после переписи, основываясь на выявленных в её ходе самоназваниях и учитывая круг предпочтительных брачных связей носителей этих самоназваний. Это предложение получило тогда известный резонанс, и ко мне обратился главный редактор газеты «Московские новости» с просьбой выступить с этой идеей на страницах их газеты, что я и сделал, опубликовав там полемическую статью «100 наций и народностей?»»

ВГ: Как всё же «сопрягались» все эти гипотезы с вашими этнографическими экспедициями в Южный Китай?

МК: Примерно в это же время (в начале 1990-х гг.) представилась возможность организовать этнографическую экспедицию в Южном Китае, и я загорелся мыслью проверить, можно ли применить своё предложение на практике, замахнувшись на сверхзадачу – составление реального, а не мифологизированного списка народов, проживающих, в частности, в провинциях *Гуанси*¹³⁶ и Юньнань.

В Китае в этом отношении дело обстояло ещё хуже, чем у нас. Обследование, ставившее своей целью установить, какие народы живут в КНР, проводилось в 1950-х гг. в спешке и, главное, без необходимой теоретической подготовки, в частности, без разграничения того, как народы называют себя и как их называют китайцы. В результате, отдельно существующие этносы были объединены в искусственно созданные единицы (наглядным примером такого рода являются *ицзу* 彝族, название которым придумал лично «великий кормчий» (Мао Цзэ-дун), очень гордившийся этим: «Смотрите, какой замечательный этноним: тут вам и рис, и шёлк!»). Но это было ещё полбеда: многие народы были искусственно расчленены и их части оказались в составе различных «официальных» этносов. Чрезвычайно показательная ситуация существовала, в частности, в горах Даяшань в Гуанси. Там на ограниченной территории живёт около дюжины этносов, объединяемых китайцами под именем «яо», но имеющих свои самоназвания, сохранивших свою специфическую традиционную одежду, не похожую на одежду соседних «яо», и не вступающих в брак со своими соседями.

ВГ: Как известно, в этих же местах начинал свои полевые исследования *Фэй Сяо-тун*¹³⁷.

¹³⁶ Имеется в виду Гуанси-Чжуанский автономный район КНР.

¹³⁷ *Фэй Сяо-тун* 費孝通 (1910–2005). Антрополог, социолог, политический деятель. Окончил Яньцзинский университет (1933). Магистр антропологии (университет Цинхуа, 1935). Доктор антропологии (Лондонская школа экономики, 1938). Ученик С.М. Широкогорова и Б. Малиновского. Преподаватель, профессор Пекинского университета и ряда других вузов. Один из основателей Центрального университета национальностей. Был директором института социологии КАОН. Многие годы был депутатом ВСНП и

МК: Да. В горах Даяошань в 1930-х годах работал основатель китайской этнографической школы Фэй Сяо-тун, с которым я познакомился спустя полвека после этого (а Василий Михайлович, между прочим, перевёл его книгу на русский язык и имел счастливый случай лично вручить её автору)¹³⁸. Фэй Сяо-тун благословил меня на продолжение его далеко не законченных исследований.

ВГ: Как была организована эта работа?

МВ: Работа среди малых народов Южного Китая проходила своеобразно. Нас сопровождали специалисты из провинции, а в первый день после прибытия в какой-то пункт – также представитель местных партийных властей. Поэтому, как правило, первый день пребывания в деревне пропадавал впустую. На вопрос «Мы – русские, а вы кто?» местные жители, посмотрев на секретаря парторганизации или старосту деревни, отвечали хором: «Мы – *яо* (или *ицзу* и т.д)!». На следующий день чиновники отправлялись заниматься своими более важными делами, и у местных жителей развязывался язык.

– Мы – *лакья*, а *миен* (соседняя группа «*яо*») – это *миен* и к нам отношения не имеет.

– Но вы же говорите на одном и том же языке!

– Да нет, просто мы понимаем их язык, но он не совсем тот же, что у нас!

– А почему ваши юноши не берут себе в жены девушек *миен*? Вон, посмотрите, какие они красивые!

– Да, красивые! Но наши лучше. А те – чужие нам!

Это напоминало мне аналогичный разговор с пожилой украинкой в русско-украинском приграничьи:

– Почему ваши хлопцы не женятся на русских дивчинах?

– Так воны ж борщью не умиють зварыти!

ВГ: Как отнеслись к вашим выводам китайские коллеги? И как вы сами оцениваете главные результаты своих исследований в Южном Китае?

МК: После трёх экспедиций в Гуанси и Юньнань меня пригласили сделать в Пекине доклад о результатах исследований. Слушали внимательно, но обсуждения фактически не было. После заседания ко мне подошёл один знакомый этнограф и сказал: «*Лю-цзяошоу!* Всё, о чем вы рассказывали, очень существенно. Но говорить сейчас об этом бесполезно. Список народов КНР уже утверждён Госсоветом и изменить его невозможно».

НПКСК. Пострадал во время «культурной революции», затем был реабилитирован и участвовал в суде над «бандой четырёх» в качестве одного из судей.

¹³⁸ Китайская деревня глазами этнографа. / Фэй Сяотун; Отв. ред., вступ. ст. М.В. Крюков; перевод с китайского В.М. Крюкова. М.: Наука, 1989. 247 с.

Но я вовсе не считаю, что наши экспедиции в Южном Китае были бесполезны. Они подтвердили, что фиксация самоназваний и круга предпочтительных брачных связей является надёжным основанием для составления этнической карты населения того или иного региона Земли, т.е. доказали, что теоретические выкладки могут быть использованы для решения практических задач¹³⁹.

ВГ: Подтвердили ли эти теоретические выкладки ваши исследования во Вьетнаме?

МК: В конце 1980-х гг. нам представилась возможность поработать среди горных мон-кхмерских народов на плато Тэйнгуен (Южный Вьетнам). Ситуация с определением этнического состава населения Вьетнама в принципе не отличалась от того, что было в СССР и Китае: официальный список народов был очень далёк от реальной действительности. Поэтому у нас был случай ещё раз опробовать нашу методику выявления границ между этническими общностями. Результат был тот же, что в Китае. Нас выслушали и сказали: «Это очень интересно, но, простите, вы опоздали».

Тем не менее, экспедиция на Тэйнгуен в смысле её теоретических результатов не была простым повторением произошедшего в Китае. Во Вьетнаме мне удалось сделать маленькое открытие, существенно обогатившее, как мне кажется, наши представления об этносе и путях его формирования.

ВГ: Какое это было открытие?

МК: По официальной версии, на плато Тэйнгуен живёт несколько народов, в том числе *кохо*. Выяснилось, что *кохо* – не самоназвание, а название, данное со стороны и объединяющее несколько этносов – *тринг*, *лать*, *тола* и т.д.. То есть – это нечто вроде 彝 или 瑶. «Вы – *кохо*?» – спрашиваем мы у местного жителя. «Нет, мы – *лать*». Мы: «А где живут *кохо*?» Он: «А кто их знает?! Говорят где-то далеко на западе».

Казалось, что перед нами уже знакомая нам картина. Но оказалось, что это не совсем так. И связано это было с тем, что у *тринг*, *тола* и пр. существует сегодня реально функционирующая родовая организация *мпол*, которую буквально можно пощупать руками. *Мпол* экзогамна, и нарушение экзогамии считается не только самым страшным проступком, какой в своей жизни может совершить человек, но и чревато возмущением сил природы: интимное общение лиц одного и того же *мпола* вызывает гром и молнию, а иногда даже землетрясение или наводнение. Поэтому услышав раскаты грома, *тола* говорят: «Ну, вот опять кто-то совершил то, чего делать ни в коем случае нельзя».

¹³⁹ Крюков М.В. Терминология родства как показатель этнической ситуации (К изучению системы родства мяо) // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. М., 1987. С. 147–156.

Соответственно, юноша, познакомившись с понравившейся ему девушкой, прежде всего спрашивает: «А из какого ты *мпола*?»

Видеть живой функционирующий (и к тому же матрилинейный!) род – само по себе уже большая удача! Но это ещё не всё. Самое интересное это то, что у *тринг* существует дюжина *мполов*, один-два из которых у них общие с *тола*. У тех – несколько родов общие с *лать* и т.д. Другими словами, *тола* и пр. в своей совокупности это не несколько «яблок» или «арбузов», а «гроздь винограда» – каждая ягодка может, казалось бы, существовать сама по себе, но в действительности существует как неотъемлемая часть одного целого. Можно также сравнить их с чем-то вроде «шашлыка», в котором кусочки мяса нанизаны на шампуры – *мполы*. Такое явление никогда не было описано этнографами и подходить к нему с обычными мерками дискретных этносов невозможно¹⁴⁰.

К этому нужно добавить ещё одно обстоятельство. Мы привыкли к тому, что в повседневной жизни имеем дело с дискретными этносами и у нас подсознательно складывается впечатление, что этносы существовали на всем протяжении человеческой истории. Но, как я уже указывал на примере формирования древнекитайского этноса, оказывается, что он возникает относительно поздно, в эпоху Чуныцю. А ни в Инь, ни в Западном Чжоу никаких следов существования специфической общности *хуася*, представители которой чётко противопоставляют себя «варварам четырёх стран света», мы не находим. Это значит, что возникновению этноса предшествует длительный период *безэтничности*. И, в зависимости от конкретных исторических условий, безэтничность может трансформироваться в сторону постепенного формирования либо дискретных этносов, либо того, что мы обнаружили на плато Тэйнгун и что я предложил называть «этнической непрерывностью».

После того, как я написал большую статью «Этничность, безэтничность, этническая непрерывность»¹⁴¹, на страницах ежегодника «Расы и народы» развернулась оживленная дискуссия на эту тему. Но вскоре скончался Бромлей, во главе отечественной этнологической науки встал другой человек и разработка теории этноса приостановилась. Остаётся надеяться, что к этому важному научному объекту вернуться наши потомки, как мы в своё время вспомнили о наследии С.М. Широкогорова. Из сказанного ясно, что все без исключения этнографические экспедиции за рубежом дали мне бесценный материал для теоретизирования на тему этничности.

¹⁴⁰ Крюков М.В. Новые данные по терминологии родства мон-кхмерских народов Южного Вьетнама // Новое в этнографии. Полевые исследования. Вып. 1. М., 1989. С. 141–151.

¹⁴¹ Крюков М.В. Этничность, безэтничность, этническая непрерывность // Расы и народы. Вып. 19. М., 1989. С. 5–47.

ВГ: Вы уже несколько раз упомянули С.М. Широкогорова. Как вы оцениваете его научный вклад в полевые и теоретические исследования этнических общностей, в частности, в полевые исследования на севере и на юге Китая?

МК: С.М. Широкоговору принадлежит историческая заслуга разработки теории этнических общностей, выявления их структурообразующих признаков и закономерностей их эволюции. Но ему не повезло. Его основные труды были изданы в Китае на английском языке и почти неизвестны в СССР. Плюс к этому – его политические убеждения. Всё это привело к тому, что его работы были преданы забвению и к ним уже на новом витке развития науки вернулись только усилиями Бромлея. Что касается конкретных этнографических исследований Широкогорова в Северо-Восточном Китае, то они представляют исключительную научную ценность! Он же организовал первую этнографическую экспедицию в Юньнань (главным образом для исследования *лоло*). Но тут ему опять-таки не повезло. Он повздорил со своими китайскими коллегами и отказался ехать из Куньмина в горные районы. Единственным реальным результатом поездки в Южный Китай были антропометрические измерения, а также статья по фонетике одного из диалектов *лоло*.

ВГ: Вы пришли на работу в Институт этнографии почти одновременно с *Ю.И. Семёновым*¹⁴², которого, кажется, тоже ценил Э. Геллнер? Как Вы относитесь к его идеям?

МК: За время моей работы в Институте этнографии я постоянно общался Юрием Ивановичем и нередко спорил с ним. Одним из последних споров, насколько помню, была дискуссия об «австралийской контроверзе», которая проходила в 1970-х годах на страницах журнала «Советская этнография».

Что до Эрнста Геллнера, то его мнение о творчестве Юрия Ивановича выражено в следующих словах: «Концепция Ю.И. Семёнова изложена захватывающе, с блеском и страстью, что позволяет поставить её в один ряд с великими поэтическими и философскими притчами о происхождении человеческого рода». Одну из своих монографий, посвящённых анализу семёновских концепций первобытности, Геллнер иллюстрировал таким рисунком:

¹⁴² *Семёнов Юрий Иванович* (1929 г.р.). Историк, философ, этнолог, специалист по философии истории, истории первобытного общества, теории познания. К.филос.н. (1956), д.и.н. (1963), профессор. Создатель оригинальной глобально-формационной (эстафетно-стадиальной) концепции мировой истории.

ВГ: Если говорить об участниках дискуссии о формациях, то нужно вспомнить и *В.П. Илюшечкина*¹⁴³, автора теории о единой докапиталистической сословно-классовой формации. Как вы относились к нему и его взглядам? И почему вы согласились стать редактором его книги про сословно-классовое общество в истории Китая¹⁴⁴?

МК: Я относился к Василию Павловичу с огромным уважением прежде всего за его научную смелость. Достаточно упомянуть хотя бы о его докладе 1955 г. (когда Сталин по-прежнему был ещё «вождём народов»), в котором он подверг критике сталинскую периодизацию истории революционного движения в Китае!

Хотя 30 лет спустя уже высказывались сомнения по поводу приписанной Марксу пятичленной схемы всемирной истории, она продолжала оставаться официально признанной концепцией, и нужно было быть Василием Павловичем Илюшечкиным, чтобы не только прилюдно отвергнуть её, но и выдвинуть взамен иную схему развития человечества.

Поэтому когда он предложил мне быть редактором его книги, я согласился не колеблясь ни секунды. Я полностью разделял «разрушительную» часть его монографии, но был не полностью согласен с её «созидательной» половиной и свой долг редактора видел в том, чтобы исправить в рукописи немногочисленные фактические ошибки в цитировании источников, не помышляя о вмешательстве в изложение автором его концепции.

Кстати, хочу внести уточнение в то, что сказано в «Википедии» о научных достижениях Василия Павловича в части его предшественников. В Китае первым исследователем, сформулировавшим отказ от «пятичленки» был не Ху Чжун-да 胡钟达, а известный этнограф и историк Хуан Сянь-фань 黄现璠, с большим трудом опубликовавший свою статью на эту тему в 1979 г.

ВГ: Скажите, пожалуйста, несколько слов про *Мухамеда Ясызовича Сушанло*¹⁴⁵, которого я видел у Вас дома в январе 1990 г.!

МК: Я познакомился с Мухамедом Сушанло в Москве в 1970 году, когда он приехал к нам в институт защищать докторскую диссертацию. Мы подружились, а мою супругу он с тех

¹⁴³ *Илюшечкин Василий Павлович* (1915–1996). Китаевед. Ветеран ВОВ. Окончил истфак МГУ (1939). Д.и.н. (1966, «Крестьянская война тайпинов»), д.филос.н. (1988). Сотрудник ИВ РАН (1960–1996).

¹⁴⁴ Илюшечкин В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). М.: ГРВЛ издательства «Наука». 1986. 396 с.

¹⁴⁵ *Сушанло Мухамед Ясызович* (1924–1998). Дунгановед, д.и.н. (1970), профессор. Сотрудник института языка, литературы и истории Киргизского ФАН СССР (с 1953). Зав. отделом востоковедения (с 1974), членкор национальной академии наук Киргизской ССР. Исследователь истории и этнографии дунган, в т.ч. дунган в России и СССР. Участник Великой Отечественной войны.

пор стал называть своей сестрёнкой. Мы много раз бывали в Бишкеке, где он познакомил нас со всеми своими родственниками, в том числе и с теми, кто, как и прежде, жил в его родном селе – Милянфане. А с его дочерьми мы до сих пор поддерживаем связь. Научные заслуги Мухамеда – двоякого рода. Прежде всего – его собственные труды по проблемам истории дунганского народа. Кроме этого, он был организатором науки и создателем сектора дунгановедения в Киргизской Академии наук, в который он привлек многих выдающихся учёных (среди них следует отметить крупного языковеда Ю.Я. Яншансина, ученика Е.Д. Поливанова).

ВГ: К сожалению, с середины 1960-х и до начала 1980-х гг. подавляющее большинство советских китаеведов находилось в очень неблагоприятном, даже трагичном положении. Они не могли выезжать за рубеж и, что особенно важно, не могли попасть в Китай. А некоторые так и не попали туда вообще...

МК: Да, политика довлекла, и это был такой «крест». Когда меня спрашивают, как вы вообще относитесь к тому, что в Китае сейчас жить лучше, чем в России, я с этим не соглашаюсь. То, что в России сейчас можно думать и излагать свои мысли – лично для меня это самое главное. А то, что килограмм картошки стоит дороже здесь – это плохо, но это – второстепенное. Вопрос в том, какой тогда была наука, и как сейчас живёт наука. Тогда тоже была хорошая наука, потому что было хорошее историческое образование. Несравнимое ни с американским, ни с китайским, ни с тайваньским.

ВГ: Ни с сегодняшним российским.

МК: Я просто не знаю, какое оно сейчас, но тогда была хорошая школа. У меня один приятель поехал преподавать в Америку. И, вы знаете, потом бросил это дело. Ему предлагали там продолжать преподавать, а он вернулся и говорит – я не могу. Мои студенты ничего не знают, у них нет общего взгляда, а без этого я преподавать что-то конкретное не могу. Ну, так вот, оценка нашей науки, китаеведческой в частности, предположим, до 1980-х гг. – очень неоднозначна. Были крупнейшие учёные, им доставалось, многие погибли, но они делали нечто, до сих пор, может быть, непревзойденное. Сейчас главное достоинство, с моей личной точки зрения – что можно мыслить так, как вам мыслится. И вы можете написать, и никто ничего вам не скажет – что вот это надо вычеркнуть, а это – добавить. А у нас в ту пору редактор издательства решал, что сказать, а чего не говорить.

ВГ: То есть была цензура. *Юрий Мисакович Гарушянц*¹⁴⁶ вспоминал в своём интервью показательную историю – как он ходил с вашей статьёй про китайскую бронзу к какой-то

¹⁴⁶ *Гарушянц Юрий Мисакович* (1930–2012, родился в Баку). Китаевед, к.и.н. (1969). Окончил МИВ (1953). Сотрудник Института китаеведения (1957–1961), ИВ АН СССР

редакторше, которая заявила, что сибирская бронза древнее китайской. Вы помните эту историю?

МК: Это была редактор издательства – уполномоченный Главлита. Она решала, что сказать, а чего не сказать.

ВГ: И вмешивалась в содержание по существу?

МК: Да. Сейчас, конечно, огромный недостаток в том, что на этапе рыночной экономики люди, получившие высшее образование, стремятся заниматься торговлей, а не иньским обществом.

ВГ: Но некоторые молодые учёные, в том числе здесь присутствующие, всё же занимаются иньским обществом, а не торговлей. И хорошо, что это так!

МК: Но всё-таки было бы прекрасно, если бы больше было людей, желающих заниматься наукой. Может, я чего-то не знаю в сегодняшней России, но у меня такое впечатление, что рынок наступает всё-таки... В Китае – то же самое.

ВГ: Вы только что выразили пожелание, чтобы побольше молодых занимались наукой. Но как тогда нужно работать молодым учёным? Как надо изучать древность? Что изучать?

МК: У вас там был один вопрос про кредо. Вот был такой учёный – Ху Ши¹⁴⁷, которого критиковали все. Правда, они критиковали уже в коммунистическую эпоху. Вообще ничего не осталось от этого бедного Ху Ши! Вот Вы были в Тайбэе на его могиле?

ВГ: Да, был.

МК: На Тайване его ценят! Так вот, у Ху Ши была фраза: «Меньше говорите о разных «измах», а больше изучайте конкретные вопросы» 少談主義，多研究問題！ Вот это, мне кажется, вообще основа всех наук, но особенно – общественных, и особенно – истории. А мы начинали с «измов»: «Маркс сказал», «Энгельс сказал» 馬克思曰，恩格斯曰， а потом уже шли ваши материалы. Вот это – первое. А потом у Ху Ши ещё есть одна фраза, тоже очень правильная: «Сначала дерзайте и смело формулируйте гипотезу, но помните, что это только гипотеза! А потом кропотливо смотрите – не опровергают ли факты эту вашу гипотезу». Вот эти два высказывания, по-моему, можно взять девизом. А у Го Мо-жо был другой девиз. Он говорил: «Сочинение учёного подобно соломенной сандали. Сандалия стоптана – мы её выбрасываем». Значит, не потому, что факты отрицают гипотезу, а

(1961–1962 и с 1978), ИМРД (1969–1973), ИМЭМО (1973–1978). См.: Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеводами XX–XXI вв. / Под ред. В.Ц. Головачёва. М., 2014, Т. 1, С. 47–74.

¹⁴⁷ Ху Ши 胡適 (1891–1962). Философ, историк философии, литературовед, социолог, публицист, общественный деятель. Странник вестернизации Китая и твёрдый противник революционных изменений в стране. После 1949 г. уехал на Тайвань, возглавлял Академию Синика. Кампании против философии Ху Ши и методологических основ его исследований составляли заметную часть интеллектуальной жизни КНР 1950–1960-х гг.

потому, что это несовременно уже. Вот сейчас изменился «генеральный курс» – и нужно выбросить, даже сжечь свои работы. Вот это – кредо Го Мо-жо. Вот поэтому мне кажется, что учёный должен помнить высказывания Ху Ши.

ВГ: А в вашей жизни были случаи, когда вы меняли свои научные взгляды?

МК: Были такие случаи. Мы учились по Марксу. Свою первую статью об экономике иньского периода я опубликовал «по Марксу». «Азиатский способ производства». В Египте – общественные работы по регулированию Нила, в Китае – это общественные работы по регулированию Хуанхэ. Но, правда, тут – борьба с наводнениями, а там было что-то другое. Вот так, прямо по Марксу. Вторую свою статью я опубликовал тоже по Марксу: «Род и государство в иньском Китае». Вот был род, он разлагается, разлагается, разлагается, потом ничего нет и – государство. А потом я пришёл к убеждению, что я ошибался и в том, и в другом случае. Никаких следов этого самого «азиатского способа производства», во всяком случае в иньском Китае, мы обнаружить не можем. Это всё было от моего невежества и от следования...

ВГ: «Измам»?

МК: Да. По второму случаю – вот, например, Василий Михайлович охарактеризовал общество Западного Чжоу, где род разлагается, но вместо него появляется клан, который определяет всю жизнь этого общества. И этот клан существует уже и в классовом обществе, уже много позже. Он, правда, не придумал это сам, а развил идеи *Мосса*¹⁴⁸. Но тем самым он опровергнул эту идею: от рода – к государству. А я по своей глупости в своё время писал об этом. Конечно, были вот такие случаи.

ВГ: Наверное, это всё же не глупость была, это просто молодость была.

МК: Ну, как угодно называйте.

ВГ: Как говорил Михаил Георгиевич Попов, это было эволюционное развитие в противовес инволюционному...

МК: Невежество это было!

ВГ: Ну это слишком жёсткая самооценка! За 60 лет научной работы вы изучали много самых разных тем. Какая из них для вас главная, самая основная?

МК: Основную тему я бы не назвал, что вот именно эта – главная. Но к чему больше всего лежит душа? Всё-таки, к иньскому обществу. И вот я, как блудный сын, только завершу этот 1929-й год – и всё, завязываю! Больше я новейшей историей не буду заниматься, это случайность у меня.

ВГ: Случайность, которая неслучайна и затянулась почти на 20 лет?

¹⁴⁸ *Марсэль Мосс* (1872–1950). Французский этнограф и социолог, исследователь традиционного общества.

МК: В любом случае, я возвращаюсь туда, в Инь, там ещё много неделанного. Вот например, там до сих пор не решена проблема периодизации и датировки надписей. Вот *Дун Цзо-бинь*¹⁴⁹ выделил пять периодов. Потом появился Ли Сюэ-цинъ – это Го Мо-жо number two. Он выдвинул новую идею – то, что считалось более поздним, он перенёс в самое начало. Опять-таки, всё говорит против этого. Я пытался «брыкаться», но он – руководитель науки, с ним спорить не надо! А сейчас мне уже не страшно. Во-первых, сейчас я уже не работаю, меня не снимут с работы. Не думаю, чтобы меня прогнали из Пекина, если я буду продолжать критиковать Ли Сюэ-цинъ. Поэтому я возвращаюсь к истокам.

ВГ: Если задать тот же самый вопрос по-другому – если взять всю вашу научную деятельность, разные темы в разные периоды... Что вы считаете своим самым главным научным достижением? Или несколько самых значимых достижений, которые приносят моральное удовлетворение?

МК: Понимаете, это очень субъективно. Конечно, обычно каждому родителю нравится своё дитя, и каждому автору нравятся свои работы. Но не всегда. Иногда свои работы кажутся плохими, даже стыдно за них бывает. Вот я рассказал вам про свои ранние статьи – мне просто стыдно за них! Но, всё-таки, что-то мне нравится. Мне нравится то, что открыл не я, но, кажется, первым сказал применительно к Китаю, и мне думается, что это правильно: нужно различать род и клан. Сейчас я не буду этого делать, но я могу перечислить вам признаки и того, и другого, чтобы доказать, что это разные вещи и показать их историческую соотнесённость. Это первое моё достижение. Потом кто-то присоединился к этому, у нас в Институте этнографии были дискуссии. Кто-то решительно против этого, потому что это «не марксизм». Никакого клана! Вот римский род – это род, а на самом деле, это не род, это – клан. А рода уже в это время не было в Риме. Это – первое. Второе, с этим связанное – это система родства. Вопреки Энгельсу, малайская система – такой тип родства – это не исходный пункт, а боковой, в силу определённых обстоятельств. Вот это мне кажется тоже важным, потому что система родства отражает социальные отношения. Далее, была важна теория этноса, её конкретная разработка, соотношение социального и этнического¹⁵⁰. Оказывается, это связано и, стало быть, эти темы тоже связаны оказались. Я не просто бросил одно и занялся другим. По крайней мере, вот эти три темы мне самому доставляют удовлетворение.

ВГ: Можно ли всё же перечислить для нас основные отличия рода от клана?

¹⁴⁹ *Дун Цзо-бинь* 董作宾 (1895–1963). Палеограф, археолог, историк. Исследовал надписи на гадательных костях (*цзягувэнь*).

¹⁵⁰ Крюков М.В. Социальное и этническое: проблемы соотношения // Расы и народы. Вып. 22. 1993. С. 5–25.

МК: Род и клан имеют ряд схожих черт, из-за чего их долгое время не различали. Эти сходства особенно отчетливо видны при сопоставлении с современной «малой» семьей. Каждая конкретная семья существует как правило очень ограниченное время – обычно не больше одного поколения, и человек в течение своей жизни дважды меняет свою семейную принадлежность: он рождается в семье своего отца, после женитьбы создает свою собственную семью, а позднее становится иждивенцем своего сына и членом семьи последнего. Размеры современной семьи весьма узки – это всего несколько человек. Семья не имеет своего отдельного имени. Таковым отнюдь не является «фамилия», хотя это слово и восходит к слову «семья»: моя фамилия Крюков и я унаследовал её от своих далеких предков, хотя никогда не был и не мог быть членом их семьи. К семье неприменимо понятие «однолинейность», и поэтому родственники по отцу и матери терминологически не различаются (так, брата отца и брата матери я называю «дядей» и т.п.). Во всех перечисленных отношениях и род, и клан не похожи на семью, но схожи между собой. Это большие (иногда – очень большие) коллективы, существование которых может не прерываться на протяжении многих десятков поколений. И род, и клан имеют свое особое наследственное имя, отличающее их от себе подобных. И род, и клан либо патрилинейны, либо матрилинейны. И род, и клан экзогамны.

В то же время между родом и кланом существуют принципиальные структурные различия, которые собственно и позволяют противопоставлять две эти формы. Во-первых, член рода никогда и ни при каких обстоятельствах не меняет принадлежность к своему роду. В клане дело обстоит иначе: в зависимости от линейности клана либо женщина переходит в патриклан мужа, либо мужчина становится членом матриклана жены. Во-вторых, клан ведет свою историю от реального первопредка, и наследственное имя клана связано с этим первопредком. У рода нет представления о первопредке, и члены рода верят, что они происходят от какого-то животного – их тотема. В-третьих, все члены рода, принадлежащие к одному поколению, равны по своему статусу, тогда как в классическом «книжечном» клане есть главная и боковые линии родства: старший сын наследует линию отца, а младшие – боковые. Поэтому род может быть уподоблен трубе (или бревну), тогда как клан – это конус (или дерево с ветвями, дающими все новые и новые ответвления).

ВГ: Наверное, к списку ваших достижений надо добавить и тему полковника Попова, в которой, помимо моральной составляющей, тоже есть мощный исследовательский пласт?

МК: Это всё-таки не было связано с моей научной работой. Это неожиданно возникло, но потом это переросло в целую книгу.

ВГ: Но это же не просто ваша личная фамильная миссия, которую вы выполнили сполна. Ведь это солидный научный труд, в процессе которого вы просто переворачиваете историю советско-китайских отношений, все её «канонические» версии! В хорошем смысле вы выступаете как «ревизионист». Лично я подписываюсь под такими идеями и считаю, что вы представляете совершенно новый, более объективный взгляд на историю.

МК: По-человечески это очень дорогая мне тема, именно в силу моих родственных отношений с этим человеком. Вот вдова Бухарина писала, что когда она была в тюрьме, там тоже сидели жёны или вдовы партийных деятелей. И одна её соседка по нарам говорит: «А что ты всё жалуешься со своим Бухариным? Бухарина оправдают, а вот моего мужа – он был масштабом поменьше Бухарина – о нём никогда и никто даже не вспомнит!» Мне запомнилась эта фраза. Всё-таки, мне очень повезло... Не приди это письмо из Америки, я бы ничего не мог сделать.

ВГ: Но по ходу работы вы нашли много новых источников, которые принесли много новых открытий. Целый пласт невыдуманных событий там открылся...

МК: У нас была вообще в значительной части выдуманная история – история СССР. Если копнуть поглубже, то всё было иначе. Вот из этого у меня возникли какие-то мысли, потом я стал думать о том, что раз уж я собрал эти материалы, то напишу эту книгу, особо не буду вдаваться в подробности – не так просто там всё было.

ВГ: Вас критиковали за пересмотр «истории СССР»?

МК: Не только критиковали, но и обзывали разными словами.

ВГ: За неуважение к истории, наверное, обзывали?

МК: За разные, в общем, преступления. Но, понимаете, я уже в таком возрасте, когда могу не обращать внимания на это.

ВГ: Позвольте поговорить о вашем сыне Василии. Как он стал китаеведом? Почему решил пойти по вашим стопам? *С.И. Кучера*¹⁵¹ как-то упомянул, что однажды беседовал с Василием о выборе профессии китаеведа.

ХШ: Кучера ещё работает?

ВГ: Работает.

МК: С Кучерой мы знакомы ещё с Бэйда. Он был аспирантом, я был студентом. Мы общались. Приехали в Москву, потом выяснилось, что он остаётся в Москве, не возвращается в Варшаву, и мы очень хорошо общались. Когда он писал свою книгу по

¹⁵¹ *Кучера Станислав-Роберт* (1928 г.р., г. Львов). Китаевед, д.и.н. (1981), профессор (1998). Окончил Варшавский университет (1952). Аспирант Пекинского университета (1953-1960). Научный сотрудник ИВ РАН с 1967. Специалист по древней истории и археологии Китая. Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: <http://china-oral.ivran.ru/interview-in-pdf>

археологии, он брал у меня журналы «Каогу» и «Каогу сюэ бао», которые я собирал ещё с тех времён. Этих журналов не было и до сих пор нет в советских библиотеках. Сейчас уже поздно искать их где-то там. Кучера приходил к нам домой, брал большие сетки с этими журналами, уходил, использовал их и потом возвращал – никаких претензий. А потом какая-то «кошка» начала пробегать между нами. Она особенно стала пробегать, когда Вася попал в Институт востоковедения. Он в аспирантуре не был, как таковой, формально. Он хотел поступать в аспирантуру.

ВГ: В аспирантуру ИСАА?

МК: Да, но там не было мест. Короче, он туда не поступил. Его взяли на работу в ИВ РАН, в отдел Китая. В отделе Китая тогда работал пан Станислав. Естественно, что он и стал куратором Василия, который защитил кандидатскую, после этого очень скоро подготовил докторскую. Все оппоненты, написавшие отзывы и выступавшие на его защите, дали очень высокую оценку этой работе, потому что это был новый взгляд, в нашей литературе до сих пор не отражённый. Мне кажется, что этот взгляд правильный и, в общем, нужно продолжать работать в этом направлении.

ВГ: Василий окончил школу и поступил в ИСАА в 1979 году?

МК: Да. Но с паном Станиславом они знакомы не были. Правда, он приходил, когда брал книги. Может быть, он и спрашивал у Васи – кем ты хочешь быть, это может быть. По поводу выбора – почему Вася стал китаеведом? Мама – китаевед, папа – китаевед, кругом – китаеведные книги. Он с малолетства тоже жил в этой атмосфере, учился китайскому языку у мамы. Я, нужно сказать, никогда ему не говорил – будь китаеведом! А мама, кстати говоря, хотела, чтобы он был инженером.

ХШ: Я хотела, чтобы он стал физиком или математиком, потому что в школе у Васи было хорошо с физикой и математикой. Он получал 2-е и 3-и места на московских олимпиадах по математике.

МК: Сама атмосфера в доме на него повлияла, поэтому он и сделал такой выбор. Он спрашивал – и я рассказывал ему про Китай, про китайскую историю. Но никогда не говорил – ты должен обязательно пойти туда! Я ждал, когда он сам определится. И вот он потом, довольно рано, сказал – меня интересует китайская история. Я говорю: «Прекрасно, у тебя есть все условия для работы, тебе даже в библиотеку идти не нужно – у тебя всё дома, под рукой. Воспользуйся, ради бога!»

КФ: А Василий Михайлович родился в Китае?

МК: Он родился в Москве. Мы приехали в Москву, и он родился буквально через три дня.

ХШ: Мы целую неделю ехали на поезде через Сибирь. Поезд очень трясло, поэтому когда мы приехали в Москву я уже даже не помнила себя.

МК: Так он и родился в Москве.

КФ: То есть до взрослых лет он ни разу не был в Китае?

МК: В первый раз он приехал в Китай в 1989 году. Тогда ему было уже 27 лет.

ХШ: Тогда он уже окончил с отличием институт. Сам изучал французский, японский. Отлично владел английским, учил китайский язык. Изучал не только разные языки. Нам никогда не нужно было говорить, чтобы он садился за работу. Он придёт, сидит в своей комнате. Только в 12 часов я захожу и говорю: «Вася, пора спать!» А он: «Мама, ещё немного!» До трёх часов ночи работал.

МК: Чтобы закончить эту тему про выбор профессии – Вася сделал этот выбор под нашим косвенным влиянием. Мы не настаивали, чтобы он занимался историей Китая. Но он спрашивал меня: «Папа, а о чём ты сейчас пишешь?» Я ему рассказываю, какую-то идею высказываю... Да! В предисловии к сборнику его статей я вспомнил о том, что уже в школе он составил карту ареалов неолитических культур Китая, хотя никто ему этого не преподавал. У меня здесь были материалы, и он сам составил такую карту. То есть он уже в школе твёрдо знал, что будет китаистом, и что он будет историком. После окончания школы он пришёл в ИСАА. Его мама преподавала китайский язык в ИСАА. Но перед собеседованием ему прямо сказали – не подавай, потому что собеседование не пройдёшь, у тебя мама – китаянка. Были бы родители советские граждане – милости просим!..

ХШ: Тогда замдиректора ИСАА был сотрудником КГБ. В десятом классе Вася уже решил поступать в ИСАА, хотел пойти по папиному пути. Но в ИСАА поступали дети министров или крупных военных, которым родители уже заранее обеспечили будущее без всяких проблем. А я – китаянка, поэтому они не пропускали через собеседование.

ВГ: И как удалось преодолеть этот барьер?

ХШ: Я скажу – как! Я взяла своё рабочее удостоверение, пошла к заместителю директора ИСАА и сказала, что работаю здесь уже больше десяти лет, что я воспитала для СССР очень много китаеведов. И это было на самом деле так! Я сказала ему, что прошу только о том, чтобы моему сыну дали шанс сдавать вступительные экзамены. Если он не сдаст, то это уже его проблема! Я положила на стол рабочее удостоверение и сказала, что если они не хотят этого, то я могу не работать.

МК: В общем, ему разрешили поступать, допустили к экзаменам. И Вася сдал все вступительные экзамены на пятёрки...

ХШ: Вася был одним из всего лишь двоих поступавших в тот год абитуриентов, кто написал сочинение на «пятёрку».

ВГ: Это очевидно, что вы повлияли на Василия. Но для нас неожиданны ваши слова о том, что и Василий как-то повлиял на вас в научном плане. Что это было за влияние? Выходит, у вас сложился творческий научный тандем?

МК: Да. Вася видел, чем занимаюсь я. Мне пришла в голову идея насчёт рангов, о роли рангов в чжоуском обществе. К марксизму это не имеет никакого отношения. Но я стал это изучать, и он тоже заинтересовался. А потом говорит: «А что, если я напишу курсовую на эту тему?» Я говорю: «Конечно, очень хорошо!» И он написал курсовую. Потом напечатал статью. Потом говорит: «А я вообще возьму это темой кандидатской диссертации». Я говорю: «Замечательно!» У меня это была просто идея, несколько строчек в книге. Вася говорит: «А я посмотрю, как это было на практике». И написал эту работу. Я её ценю очень высоко, потому что это ритуальная коммуникация, это совершенно новый взгляд на проблему. И он сделал в диссертации ряд выводов, до которых я в своё время ещё не додумался. Он повлиял на меня в этом смысле, я принял его идеи и стал думать дальше в этом направлении. И так далее... Книга «Текст и ритуал»¹⁵² – это целиком его труд. Я до сих пор вижу, что я до этого не додумался, до темы про возникновение канонических книг.

ХШ: Конечно, всё то, что знал и умел Вася, было обретено при помощи папы. Папа, безусловно, передал ему очень многое, и это очень важно. У китайцев есть поговорка «зелень произрастает из голубизны, но превосходит голубизну» 青出于藍而勝于藍. Я могу прямо сказать, что Василий в некоторых достижениях превзошёл своего папу.

МК: Конечно, конечно. Меня мои коллеги спрашивают – а тебе не обидно, что твой сын тебя «переплюнул»? Я же говорю, что горжусь этим. Что ж тут обидного? Приведу один штрих только, раз уж зашёл разговор. У Васи заложено было не замыкаться в одной узкой теме. Однажды я неожиданно увидел, что он пишет статью про Гоголя. Я говорю: «Вася, ну зачем это тебе? Это тебя отвлекает!» Он отвечает: «Папа, понимаешь, я хочу высказать кое-какие мысли». Хорошо, ну статью написал, бог с ней! «А сейчас, – говорит он, – я взялся за монографию о Достоевском». У меня руки просто опустились: «Ну как ты будешь совмещать? Сколько же у тебя жизненной энергии, чтобы заниматься и чжоуской эпиграфикой, и Достоевским?» Он: «Ну, понимаешь, какие-то выводы из той статьи навели меня на новые мысли, я хочу их изложить». В результате, я был категорически против его занятий русской литературой.

КФ: Вы считали, что он разбрасывается?

¹⁵² Крюков В.М. Текст и ритуал: Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М., 2000.

МК: Да! И я ему много раз говорил это. Он отвечал: «Папа, ну извини меня! Разреши мне тут тебя не послушать!» Когда вышла его книга о Достоевском¹⁵³, было обсуждение в институте мировой литературы, и я присутствовал на этом обсуждении. Тогда-то я понял, как я был не прав! Потому что крупнейшие специалисты по Достоевскому и по Гоголю дали очень высокую оценку этой работе и только удивлялись, как мог написать эту книгу не литературовед, не специалист по русской литературе. И, вы знаете, под конец обсуждения один очень крупный наш специалист закончил свою речь такими словами: «Я не скажу, что автор – гений, но он где-то очень близко».

ВГ: Хорошие слова! Значит, Василий «разбрасывался» не напрасно.

МК: И мне было стыдно вообще слушать это, потому что я изо всех сил брыкался и говорил: «Вася, не нужно!» Он говорил: «Ну, я уже заканчиваю, а потом я уже не буду». И ещё! Даже не один, а несколько специалистов по русской литературе упоминали об этом: язык Крюкова удивителен.

ВГ: Я читал. Согласен с тем, что у него оригинальные мысли и красивый русский язык.

ХШ: Вася прекрасно знал русский язык и был очень способным. Вот только судьба такая...

МК: Вот таким был Василий Михайлович...

ВГ: Позвольте спросить, как появился в вашей жизни Тайвань? Как вы оцениваете этот период, который продлился, кажется, лет десять?

МК: Появился случайно и продлился почти 10 лет. Это была случайность, как и вообще очень многое в моей жизни. Я поехал на конгресс в Америку, в Лос-Анджелес. В той конференции участвовали китайские археологи, в том числе мои учителя. Не Су Бин-ци, во время моей учёбы уже признанный корифей, а один из аспирантов, который уже начал читать нам лекции по археологии. Кстати говоря, и пан Станислав тоже участвовал в той конференции. Там возник спор о Ся¹⁵⁴. Китайцы говорят, что это первая китайская династия, государство Ся. Вот, мол, есть такие сведения о Ся в письменных источниках. Западные авторы говорят: «Да, есть сведения более поздних источников, но достоверных памятников Ся у нас пока нет! Завтра они могут быть, сегодня – их нет. Поэтому говорить о Ся можно только «вероятно», «может быть». А, может, и не так». Я присоединился к западным авторам и произнёс такую китайскую фразу из Конфуция: 知之爲知之，不知爲不知，是知也 (Знаешь – говори: «Знаю», не знаешь – не притворяйся, а говори: «Не

¹⁵³ Крюков В.М. След птицы-тройки: другой сюжет «Братьев Карамазовых». М.: ПИМ, 2008. 536 с.

¹⁵⁴ Ся 夏朝 – легендарная династия, согласно традиционным представлениям, правившая в древнем Китае в 1-й половине I тысячелетия до н.э.

знаю». Вот это и есть знание)... И когда я привёл эту цитату из Конфуция, директор тайваньского Института истории и филологии Ду Чжэн-шэн¹⁵⁵ посмотрел так на меня и улыбнулся. Потом подходит ко мне после доклада и говорит: «Вы не хотели бы приехать на Тайвань, немножко поработать там?» Я говорю: «Ну, конечно, конечно хочу!» Он уехал. Никакого приглашения нет. Ну, думаю, это просто так всё было. Меня пригласили тогда на некоторое время в Норвегию. Вдруг, я уже в Норвегии получаю письмо от Ду Чжэн-шэна, переслали мне его. Ду пишет: «Приезжайте, всё уже готово. Прямо сейчас берите билет и приезжайте на Тайвань!» Я страшно обрадовался! Норвегия – это хорошо, но Тайвань! Тогда казалось, что наука на Тайване – настоящая, классическая китайская наука...

ВГ: Традиционная, неиспорченная марксизмом.

МК: Да. Как раз тогда у меня уже заканчивался срок командировки в Осло. Приезжаю домой, беру билет и лечу на Тайвань. Состою там при Ду Чжэн-шэне. Он даёт мне кабинет, компьютер – всё, что угодно! Библиотека там прекрасная, электронное обслуживание, – всё есть! Пожалуйста, работайте в течение года! Я работаю. Когда заканчивается срок моей работы, я беру уже билет обратно в Москву. В это время раздаётся звонок из Тамканского университета¹⁵⁶. Мне говорят: «Лю цзяошоу, у нас вот такая просьба к вам. Понимаете, к нам должен был приехать с лекциями академик Мясников. Но он очень занят и пока не может приехать, а у нас начинается учебный год. Может быть, вы почитает лекции хотя бы месяц? А там в течение месяца выяснится, приедет он, или не приедет. Ну, выручите нас!» ... Я говорю: «Да я не могу, у меня билет уже в кармане. Ещё неизвестно, возьмут его обратно или нет. Не могу, я уезжаю». Они: «Ну мы вас очень просим, у нас такое положение»... Неудобно отказывать людям: «Ну, хорошо, месяц я у вас проведу, но не больше!» Они говорят: «А вот Мясников должен читать курс по русско-китайским отношениям». Я говорю: «Я его читать не могу, я не специалист в этой области, я занимаюсь древним Китаем». Они: «Ну, хорошо, ну что-то такое по культуре там, придумайте сами! Ну хоть что-то почитайте! Нам надо заполнить образовавшуюся дыру, а там мы что-нибудь придумаем». И я стал читать лекции в Тамканском университете. Даже не помню сейчас, чему был посвящён тот первый курс лекций. Потом закончился месяц, и они говорят: «Ну, уж не бросайте до конца семестра-

¹⁵⁵ Ду Чжэн-шэн 杜正勝 (1944 г.р.). Тайваньский историк. Занимал пост директора Института истории и языка Академии Синика (1995–2000), пост директора Национального музея Гугун (2000–2004).

¹⁵⁶ Тамканский университет (ТКУ) 淡江大學 – университет, расположенный в районе Даньшуй специального муниципалитета Новый Тайбэй. Один из самых известных частных университетов Тайваня.

то! Иначе же мы... Ну что нам делать?» Ну, я подумал – действительно. Кончился семестр. Они говорят: «А знаете, почитайте нам курс русской истории!» Я говорю, что я вообще не специалист по русской истории, хотя, конечно, я что-то знаю. Они: «У нас сейчас нет специалиста, почитайте, пожалуйста!» Значит, ещё семестр. А студенты говорят: «Нам это вообще интересно! Русская история, всякие там истории по поводу истории и так далее». Они говорят: «Ну, ладно, раз так, то – до конца года! Прошёл год: «Мы вас зачисляем профессором». Я говорю: «Слушайте, но вы меняете вообще все мои планы!» Они: «Ну, пожалуйста, пожалуйста!..» Прошёл ещё год. Директор института России уже отслужил свой срок – там обязательно надо меняться.

ВГ: Вы имеете в виду Евгения Андреевича Ян Ци?

МК: Да.

ВГ: Так это он с вами все эти переговоры вёл?

МК: Нет. Ещё до него переговоры вёл Дай Вань-цин. Так вот, кончается у Ян Ци срок и он говорит мне: «Слушайте, а я вас выдвигаю на директора!» Я говорю: «Ну ещё чего, мне заниматься административной работой ни с того, ни с сего!» Он говорит: «А вот ректор тоже вас просит». Я говорю: «Ну, хорошо, побуду деканом один год, раз уж так». Там где-то уже фамилия моя была. Так я оказался вдруг директором института России в Тамканском университете! Потом мне уже 70 лет исполнилось, а после 70 лет нужно было уходить. И в 2002 году я вернулся в Россию...

ВГ: Значит, Тайвань затянул вас на много лет.

МК: Год работы у Ду Чжэн-шэна, ещё до того, как он стал министром образования. И ещё 8 лет и один семестр преподавания. Всего 9,5 лет я был там, на Тайване.

ВГ: В последние 20-30 лет на острове и в мире очень популярна тема «тайваньской идентичности». Как вы оцениваете суть этой идентичности и разговоры о ней? Считаете ли вы это явление чисто политическим инструментом, или оно может стать неким новым «психоментальным комплексом», основой для попыток консолидации всех тайваньцев и построения «тайваньской нации»?

МК: Позвольте мне не отвечать на ваш вопрос. Во-первых, вот уже 15 лет как я уехал с Тайваня и сейчас не в состоянии оценить ситуацию «изнутри». Во-вторых, это сугубо политическая проблема и высказываться на эту тему мимоходом, несколькими фразами, было бы с моей стороны опрометчивым.

ВГ: Конечно, оставим эту тему! После возвращения с Тайваня вы с супругой издали новый учебник-самоучитель китайского языка «Давайте поговорим по-китайски»¹⁵⁷. Как появился этот учебник и в чём его отличительные особенности?

МК: Во время пребывания на Тайване мне предложили по совместительству работать ведущим на радио¹⁵⁸, вещавшем на Россию и другие страны на русском языке. Помимо других передач, я и моя супруга несколько лет вели в эфире курс китайского языка. Вот из него-то и возник этот самоучитель!

ВГ: Как вы относитесь к китайской кухне? Ваши любимые блюда китайской кухни?

МК: Задав вопрос о моём отношении к китайской кухне, вы затронули важную этнографическую проблему! Когда-то в нашем Институте был замдиректора, который на вопрос «Что такое этнография?» отвечал: «Наука такая. Изучает пищу, жилище и одежду». Сразу можно определить, что этот разговор происходил ещё до эпохи Бромлея. Тогда наши этнографы действительно изучали не этнос, а его материальную культуру. Пища – это один из её важных аспектов.

Казалось бы, вкусное должно восприниматься как вкусное любым представителем рода *Homo Sapiens*, независимо от его этнической принадлежности. Но на практике это бывает иначе. Посол СССР в Китае Лев Михайлович Карахан терпеть не мог китайскую кухню и жаловался, что от всех этих красивых блюд у него живот болит. Действительно, зачастую кулинарные изыски одного народа воспринимаются другими как наказание за грехи. Я убедился в этом на Новой Гвинее: мой знакомый папуас Какаль в знак особого расположения ловил большую жирную гусеницу и прямо из своей ладони отправлял её мне в рот. Примерно такое же выражение лица бывает у китайца, которому предлагаешь отведать селёдки с лучком, от одного вида которой у меня слюнки текут. Тем не менее, пищевые предпочтения этносов не абсолютны, поэтому Фидель Кастро больше всего на свете любил выдержанные в земле утиные яйца *сунхуа дань* 松花蛋, которые многими русскими воспринимаются как нечто сродни папуасским гусеницам.

Так уж сложилась моя жизнь, что мне довелось побывать во многих странах и на месте ознакомиться с особенностями их национальных кухонь. В результате могу сказать, что воздаю должное аутентичному турецкому киш-кебабу, который подают на стол с только что вынутой из печи лепёшкой, пряному тайскому том ям кунгу, суси по-киотоски и кое-чему ещё. Одно из первых мест в этом списке занимают уже упомянутые утиные яйца

¹⁵⁷ Хуан Шуин, М.В. Крюков. Давайте поговорим по-китайски! Новый самоучитель разговорного китайского языка. М.: Восточная книга. 2009, 258 с.

¹⁵⁸ Имеется в виду радиостанция, с 1994 г. вещающая из Тайваня на русском языке под позывными «Голос свободного Китая», «Международное радио Тайбэя», «Международное радио Тайваня».

сунхуа дань, пекинская утка и рыба под кисло-сладким соусом, которую божественно готовит моя супруга. Но должен всё же признаться, что если мне придётся выбирать из всего этого что-то одно, самое-самое, то я отдам предпочтение доброму ломтику рокфора и глотку бургундского.

ВГ: Сегодня материковый Китай стремительно догоняет Тайвань по условиям и уровню жизни. Но между двумя сторонами Тайваньского пролива всё ещё остаются некие существенные (сущностные) различия. В чём эти различия? Что отличает Тайвань от материкового Китая?

МК: На мой взгляд, вы сильно преувеличиваете, утверждая, что «сегодня материковый Китай стремительно догоняет Тайвань по условиям и уровню жизни». Цифры говорят о другом. В рейтинге стран по ВВП на душу населения материковый Китай занимал в 2016 г. 71 место (USD 8 260), а Тайвань – 36 место (USD 21 607, т.е. почти в 3 раза больше). Но главное различие двух частей «единого Китая», разумеется, не в этом, а в политической системе. И тут уж, как в кулинарных пристрастиях, о вкусах не спорят: кто-то любит попу, а кто-то – попадю.

ВГ: В чём состоит качественное различие между наукой (историей и этнографией) в КНР и на Тайване?

МК: Что касается науки, то я с уважением отношусь к тайваньским исследователям, в своём абсолютном большинстве имеющим привычку основываться в своих исследованиях на данных источников и давать на них соответствующие ссылки, чего, к сожалению, нельзя сказать о многих наших пекинских или кантонских коллегах. Кроме того, в материковом Китае в исторические исследования гораздо чаще, чем на Тайване, без достаточных на то оснований вмешиваются политические деятели, сами историками не являющиеся.

Один пример. Беседуя в 1989 г. с Горбачёвым, Дэн Сяо-пин заявил ему, что СССР неоднократно покушался на суверенитет Китая и, в частности, захватил во время советско-китайского конфликта на КВЖД принадлежавший Китаю остров Хэйсяцзы (Большой Уссурийский). Это «открыло глаза» многим китайским историкам, и они также наперебой стали утверждать, что до 1929 г. этим островом «эффективно управляло китайское правительство», хотя на самом деле о-в Большой Уссурийский находился севернее «красной линии», которую карандашом на карте приграничных областей Китая и России провёл в 1860 г. российский уполномоченный Н.Н. Муравьёв, и император утвердил договор вместе с этой картой. В последующие годы китайские власти выражали недовольство по этому поводу, но китайской администрации на о-ве Хэйсяцзы никогда не было, и его судьба с советско-китайским конфликтом 1929 г. никак не связана.

ВГ: Почему в последние годы вы предпочитаете жить и работать в Китае (Пекин, Хайнань)?

МК: По поводу того, почему я последние годы живу и пишу книги в Пекине, могу сказать, что первую половину нашей совместной жизни моя супруга сопровождала меня в Москве. Так что принцип равноправия сторон потребовал, чтобы вторую половину я был рядом с ней на её родине.

ВГ: В 1990-е годы, когда вы жили и работали на Тайване, в России был нанесён очень сильный удар по отечественному китаеведению. Многие коллеги разбежались, ушли из профессии. Кто-то уехал из страны, кто-то вообще не выдержал испытаний и ушёл из жизни. Но сейчас вроде бы всё как-то постепенно оживает. Появляется молодёжь, а у этой молодёжи – свои молодые ученики. Как вы смотрите на сегодняшнее китаеведение? Оптимистично?

МК: Да. Я по природе оптимист и, несмотря ни на что, смотрю на судьбу России оптимистично. Хотя молоко и сыр стоят очень дорого, но это преходяще. Кстати, я смотрю на это под влиянием Васи, который закончил одну свою статью словами выдающегося русского философа Розанова: «Смерти России не быть». Вот в этом я уверен несмотря ни на что. Я уверен, что Россия, говоря словами Некрасова, «вынесет всё и широкую, ясную грудь дорогу проложит себе». Да, в России были очень трудные времена. Но сейчас, по-моему, уже начинается общий подъём и России, и российского китаеведения. Для этого есть все условия. Важно смотреть не только в сегодняшний день, а и в будущее. И я очень оптимистично смотрю на будущее российского китаеведения. Есть база ещё с дореволюционных времён. Есть база советская, при всех её недостатках. Но только нужно помнить слова Ху Ши.

ВГ: Если сказать не словами Ху Ши, а вашими, что бы вы пожелали молодым коллегам?

МК: Прежде всего, нужно быть готовым к большому труду. Наскоком нельзя взять! Вот я как раз приводил такой пример – малайский язык, говорят, можно выучить за полгода. Я учу китайский язык всю жизнь, а мне моя супруга говорит: «Слушай, до седых волос дожил, а вот этого ты не знаешь!» Значит, надо быть готовым к тому, что наскоком ничего взять нельзя. Это вообще – основа китаеведения. А потом ещё есть история. В истории всё-таки, нужно иметь идею, но нужно знать и факты. А сейчас очень многие пишут, не анализируя факты, а ссылаясь на работы своих предшественников. А тот, может быть, не знал этих фактов и ошибался? Я таких работ сейчас не читаю вообще! Я смотрю на сноски. Скажем, по советско-китайским отношениям сейчас написано очень много. Если там нет сноски на архивные материалы, я эту статью вообще не читаю. Я считаю, что надо исходить из достоверных аутентичных источников эпохи.

ВГ: Значит, чтобы знать факты надо изучать источники?

МК: Да. Но просто знать факты – этого тоже недостаточно. Надо уметь их анализировать и стремиться их анализировать. Некоторые авторы просто говорят: «Сначала произошло то, а потом произошло это». А что это значит – никто не знает. Должны быть какие-то выводы! Только тогда история имеет смысл. Зачем копать в том, что уже прошло? Только для того, чтобы сделать выводы... И вот в связи с этим ещё один девиз. Маркс имел неосторожность повторить чьи-то слова и сказал: «История не знает сослагательного наклонения». А вот я пришёл в конце концов к выводу, что он ошибался. Нужно задавать вопрос: «А что было бы, если бы не...?» Что, у нас на роду написано было иметь Сталина руководителем? Или китайцам было на роду написано иметь Мао Цзэ-дуна? Нет, просто возникли какие-то обстоятельства. Историк должен изучать эти обстоятельства, а путей развития всегда несколько. Туда пойдёт история или сюда. Так вот, можно и нужно задавать, а что было бы... И, кстати говоря, на материале это легко доказать. А суть исторического исследования заключается в изучении тех обстоятельств, в силу которых эта история пошла именно по этому пути. У нас мог быть вождём Троцкий, а не Сталин, и всё было бы по-другому. Поэтому вот ещё один важный девиз: история должна знать и она знает сослагательное наклонение!

ВГ: По-моему, это очень хорошее, красивое завершение нашей беседы! Хотя даже к сослагательному наклонению в истории вы подходите, всё-таки, как немарксист. На самом деле у нас к вам есть ещё сотни вопросов, но мы надеемся, что ещё зададим их в рабочем порядке! Большое спасибо за сегодняшнюю пятичасовую беседу!..
